DB
30m
M 82

D5
30M
M82

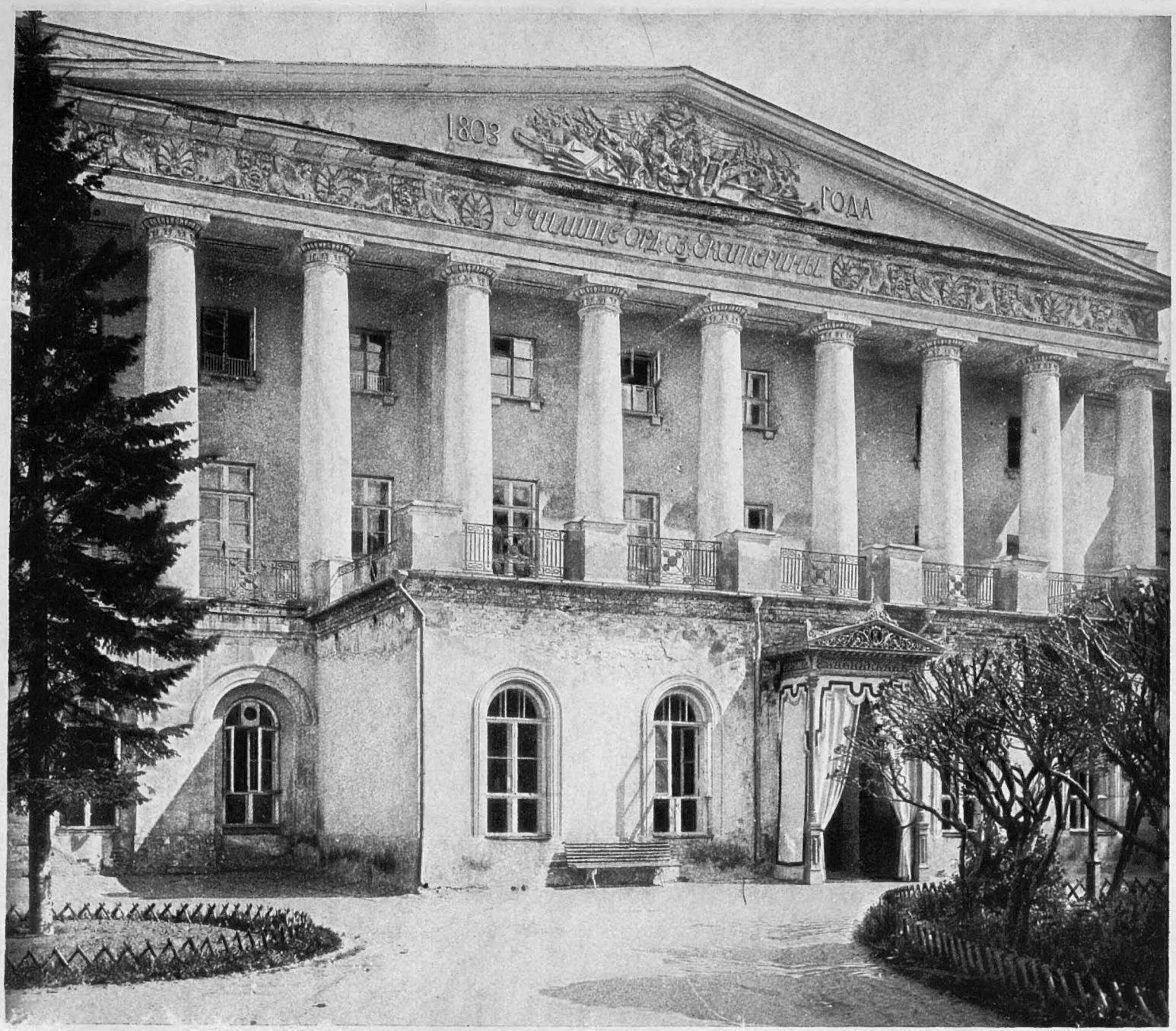
МОСКВА
ВЪ ЕЯ ПРОШЛОМЪ
И
НАСТОЯЩЕМЪ

Вол. В.
9/47-2
М 8

ГПИБ
ФИЛИАЛ
1013

Типографія
Русскаго
Товарищества
Москва, Мыльниковъ пер.
Телефонъ
18-35.

Госуд. публичная
историч. ская
библиотека РСФСР
25582
2-X24



Зданіе Екатерининскаго Института въ Москвѣ.

Московская школа Екатерининской эпохи.

М. А. Голубцовой.

Послѣ смерти Петра В. наступаетъ для московской школы безвременье [1]). Начиная съ 20-хъ годовъ, въ Петербургѣ то-и-дѣло возникаютъ учебныя заведенія: среднее и высшее образованіе сосредоточилось здѣсь; Москвѣ надолго осталось только элементарное обученіе. Все, нужное для школы новой столицы, начиная съ книгъ и инструментовъ и кончая учениками и учителями, высылалось въ Петербургъ. Москва оскудѣла. Здѣсь до 50-хъ годовъ возникли лишь въ 1731 г. гарнизонныя школы, да въ 1735 г. Артиллерійское училище около Сухаревой башни; продолжалъ учить Магницкій. Существовала духовная Академія.

Потребность же въ школѣ, особенно—для дворянъ, ощущалась. Развивается домашнее и частное обученіе, преимущественно французское. Французское вліяніе растетъ и крѣпнетъ особенно въ Елизаветинскую эпоху. Въ Москвѣ начинаютъ появляться иностранные пансіоны; обычная программа ихъ: нѣмецкій и французскій языки, исторія и географія, танцы и музыка. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» нерѣдко среди объявленій о «заграничныхъ кинарейкахъ» или «курантахъ» можно встрѣтить о нихъ извѣщенія. Говорить здѣсь о недостаткахъ французскаго воспитанія излишне: ихъ достаточно освѣтила наша сатира XVIII вѣка. Среди учителей часто попадались люди съ весьма сомнительнымъ прошлымъ. Графъ de la Messalière, кавалеръ французскаго посольства, пишетъ, побывавши въ Россіи (въ 1757 г.): «Мы были удивлены и огорчены, найдя, что у многихъ знатныхъ господъ живутъ бѣглецы, банкроты, развратники и не мало женщинъ такого же рода, которые по здѣшнему пристрастію къ францу-

---

[1]) См. объ этомъ нашъ очеркъ: «Московская школа Петровской эпохи» въ VII вып. настоящаго изданія, стр. 33—48.

замъ занимались воспитаніемъ дѣтей значительныхъ лицъ; должно быть, эти отверженцы нашего отечества разселились вплоть до Китая,—я встрѣчалъ ихъ вездѣ». По предложенію французскаго посольства, русское правительство «сдѣлало разборъ» этимъ педагогамъ, и самые «безнравственные были отправлены моремъ на родину, по принадлежности». «Императрица узнала объ этомъ съ удовольствіемъ»,—заканчиваетъ графъ,—«и много смѣялась надъ тѣми, которые были обмануты этими негодяями». Указы имп. Елизаветы и Екатерины II о томъ, чтобы иностранцы держали экзаменъ при Университетѣ, строго запрещавшіе принимать недипломированныхъ учителей, почти не исполнялись. Домашнее обученіе еще долго оставалось, по выраженію Екатерины II, «мутнымъ ручьемъ»; русскіе журналы 80-хъ годовъ попрежнему горько сѣтовали на иностранные «пенсіоны».

А между тѣмъ дворянство 50 — 60-хъ годовъ XVIII ст. уже было организованной массой, которая чувствовала необходимость просвѣщенія и нравственнаго усовершенствованія, на которыхъ можно было бы основать свое сословное господство. Выдающіеся дворяне, какъ, напр., кн. Щербатовъ, начинаютъ говорить объ особыхъ «дворянскихъ добродѣтеляхъ», «дворянскомъ видѣ». Профессора Московскаго Университета, въ своихъ рѣчахъ указывая на необходимость всеобщаго просвѣщенія, ждутъ его отъ имп. Екатерины. На первый планъ выдвигается воспитаніе, просвѣщеніе разума, который подаетъ «истинное понятіе добра и зла».

Еще болѣе радикально была настроена въ 60-ые годы сама Екатерина II. Подъ вліяніемъ западной просвѣтительной литературы сложились и окрѣпли ея убѣжденія. «Блага страны» она хотѣла достигнуть при помощи свободы, разума и просвѣщенія. «Я хочу, чтобы повиновались законамъ, но не рабовъ». «Надо просвѣщать націю, которой долженъ управлять»,—пишетъ она и набрасываетъ тутъ же программу: «Каждый гражданинъ долженъ быть воспитанъ въ сознаніи долга своего передъ Высшимъ Существомъ, передъ собой, передъ обществомъ, и нужно ему преподать нѣкоторыя искусства, безъ которыхъ онъ почти не можетъ существовать въ повседневной жизни».

Французская философія опредѣляла общій тонъ педагогическихъ воззрѣній Екатерины. Воспитаніе и просвѣщеніе—вотъ исходная точка новой педагогической системы; человѣкъ-гражданинъ—ея конечная цѣль.

Необходима и неизбѣжна была реформа школы, разсчитанной на другіе вкусы и преслѣдовавшей иныя цѣли. Новая школа должна была покоиться на самыхъ смѣлыхъ выводахъ западной педагогической мысли, начиная съ А. Коменскаго и Монтаня и кончая Локкомъ и Руссо. Новая теорія воспитанія исходила изъ той основной предпосылки, что душа ребенка—мягкій воскъ, который легко поддается всякому внѣшнему воздѣйствію; необходимо тщательное воспитаніе, чтобы ребенокъ сталъ человѣкомъ. «Человѣкъ безъ воспитанія едва достоинъ сего званія». Локкъ, а за нимъ Руссо говорятъ объ этомъ довольно осторожно, признавая индивидуальность въ ребенкѣ и нѣсколько оспаривая всемогущество воспитанія. Кондильякъ и др. сенсуалисты шли гораздо дальше: они не признавали ничего врожденнаго. По ихъ мнѣнію, вліяніемъ внѣшняго міра

обусловливалось все внутреннее развитіе человѣка,—воспитаніе всемогуще... Этотъ взглядъ и преобладалъ въ нашей русской школѣ XVIII вѣка. Конечной цѣлью воспитанія было полное развитіе силъ и способностей; профессіональная выучка отодвигалась на задній планъ. Главное вниманіе должно быть обращено на развитіе въ ребенкѣ нравственной личности и только потомъ на его умственное просвѣщеніе, т. к. это вещь для «человѣка» второстепенная. Воспитательныя средства должны были быть подсказываемы природой и разумомъ; любовью и вниманіемъ нужно окружать ребенка.

Таковы тѣ педагогическія идеи, которыя составляли сущность новой системы воспитанія. Онѣ начали проникать и въ Россію: въ Москвѣ въ 1760 г. появился переводъ Локка (проф. Поповскаго), въ 1788 г. вышедшій уже 2-мъ изданіемъ. Въ журналахъ и газетахъ, въ торжественныхъ рѣчахъ профессоровъ и на диспутахъ, въ общественныхъ мѣстахъ и собраніяхъ замѣтно стало сказываться вліяніе новыхъ идей.

«Наказъ» имп. Екатерины и собраніе въ Москвѣ депутатовъ Комиссіи 1767 г. поддерживали общее настроеніе. 60 — 70-ые годы гораздо болѣе важны именно этимъ просвѣтительнымъ движеніемъ, чѣмъ фактически существовавшими въ Москвѣ школами. Тогда какъ въ Петербургѣ за 1762—67 г.г. было реформировано согласно новой теоріи и основано вновь до 5 учебно-воспитательныхъ заведеній, въ Москвѣ появились только Воспитательный Домъ въ 1763 г. да Коммерческое училище имени Прокофія Демидова въ 1772 г. Напрасно Московское дворянство просило въ своемъ наказѣ 1767 г., чтобы ему «такая же высочайшая милость оказана была, какая въ С.-Петербургѣ дѣйствительные плоды приносить начинаетъ, — учрежденіемъ въ здѣшней столицѣ двухъ мѣстъ для воспитанія дворянскихъ дѣвицъ, въ первомъ — малолѣтнихъ, а во второмъ—взрослыхъ, также и кадетскаго корпуса для молодыхъ дворянъ». Ни того, ни другого такъ и не было устроено въ Москвѣ при Екатеринѣ II.

Главнымъ дѣятелемъ Московскаго просвѣщенія 60-хъ годовъ былъ сотрудникъ послѣдней по педагогической части, И. И. Бецкій. 15-ть лѣтъ онъ прожилъ въ Парижѣ, гдѣ изъ первыхъ рукъ получилъ смѣлыя и простыя рѣшенія сложныхъ вопросовъ воспитанія и жизни. Онъ посѣщалъ за границей благотворительныя и просвѣтительныя учрежденія, напр., Воспитательные Дома Лондона и Ліона, Saint-Cyr, кадетскіе корпуса. Вернувшись въ Петербургъ, онъ скоро сталъ у императрицы «своимъ, домашнимъ человѣкомъ», и ему было поручено составленіе Генеральнаго плана о воспитаніи.

Горячій и убѣжденный сторонникъ новой системы воспитанія, Бецкій выгодно отличался отъ своихъ современниковъ добрымъ и чуткимъ сердцемъ, искренней любовью къ юношеству, къ слабымъ и угнетеннымъ. Современники склонны были его считать «красотою и украшеніемъ рода человѣческаго» и на могилѣ его вырѣзали слова: «Лучъ милости былъ, Бецкій, ты».

Первымъ опытомъ Бецкаго въ его просвѣтительно-благотворительной дѣятельности былъ Уставъ Московскаго Воспитательнаго Дома. Вскорѣ

послѣ коронаціи (10 іюня 1763 г.) Бецкій подалъ императрицѣ свой докладъ о необходимости государственнаго призрѣнія покинутыхъ младенцевъ. «Сколько несчастныхъ, сколько убійствъ, сколько ежегодно вы лишаетесь подданныхъ, которые могли бы быть годными и полезными членами общества»,—писалъ онъ, убѣждая императрицу основать домъ Воспитанія по примѣру западныхъ государствъ; былъ приложенъ имъ и Уставъ Дома. Разсмотрѣнный и одобренный особой Комиссіей (кн. Шаховской, Н. Панинъ и гр. Эрнстъ Минихъ), онъ былъ утвержденъ 26 авг. 1763 г., а 21 апр. 1764 г. уже начался пріемъ младенцевъ во временныхъ строеніяхъ близъ Варварскихъ воротъ, въ Васильевомъ саду, гдѣ и теперь находится Воспитательный Домъ.

Ночью и днемъ принимались приносимые младенцы. Швейцаръ, записывая младенца въ книгу подъ опредѣленный номеръ, могъ спросить только о томъ, крещенъ онъ или нѣтъ, и какъ ему имя. Послѣ медицинскаго осмотра, ребенокъ подъ своимъ номеромъ поступалъ въ малолѣтнее отдѣленіе на руки нянюшекъ и кормилицъ и оставался здѣсь до 2-хъ лѣтъ. Уставъ предписывалъ строго соблюдать гигіеническія правила, чтобы ребенокъ выходилъ крѣпкимъ. Дѣти съ 2 до 7 лѣтъ жили въ отдѣльномъ корпусѣ. «Все время младости раздѣляется на три упражненія—ѣсть, спать и играть». Окружающіе должны поддерживать въ дѣтяхъ «веселый нравъ» и «бодрый видъ», должны удовлетворять ихъ острую любознательность и учить примѣромъ своимъ всякой добродѣтели. Отъ 7 до 11 л. дѣти посѣщаютъ школу; мальчики и дѣвочки учатся здѣсь основамъ вѣры, русской грамотѣ, началамъ ариѳметики, немного географіи. Такъ какъ питомцы, по планамъ Бецкаго и Екатерины, должны были положить начало въ Россіи трудолюбивому «третьему сословію», tiers état, то Уставъ предписываетъ имъ знать свои должности «человѣка и гражданина» и практически—ремесла. Для этой цѣли при Домѣ существовали разныя мастерскія, въ которыхъ мальчики обучались плесть сѣти, столярничать; дѣвочки—шить, хозяйничать и т. п. 18 или 20-и лѣтъ воспитанники и воспитанницы получали «вольный паспортъ», рубль денегъ и выпускались изъ Дому; могли устраиваться, какъ они хотѣли.

Въ 1767 г. были утверждены императрицей II и III части Устава Воспитательнаго Дома. Въ нихъ были подробно развиты указанія относительно физическаго, нравственнаго и умственнаго воспитанія дѣтей.

Воспитательный Домъ долженъ былъ имѣть, по плану Бецкаго, громадный штатъ кормилицъ, надзирателей, учителей, приставницъ, экономовъ и т. д. Въ своихъ отношеніяхъ къ воспитываемому юношеству всѣ должны были руководиться чистой любовью; примѣръ—главное воспитательное средство. Всей громадной іерархіи Дома рекомендовались предусмотрительно «дружелюбіе и единодушіе и взаимные совѣты, чтобъ ни одинъ изъ нихъ не раздиралъ того, что другіе сшиваютъ»,—какъ выразилась Екатерина II въ своей «Инструкціи» кн. Салтыкову. Во главѣ Управленія Воспитательнаго Дома стоятъ Опекунскій Совѣтъ и Главный Надзиратель, какъ исполнительный органъ, «мужъ богобоязненный, честный и трудолюбивый, въ воспитаніи дѣтей искусный». Члены Опекунскаго Со-

вѣта — знатныя особы, «признавая себя добровольно отцами многихъ тысящей дѣтей, въ сей Домъ входящихъ», должны заботиться о точномъ исполненіи устава, о матеріальныхъ средствахъ и «всячески умножать добрую славу сего заведенія».

Воспитательный Домъ не подчинялся никакой власти, кромѣ самой Государыни, и былъ надѣленъ широкимъ самоуправленіемъ. Домъ милосердія долженъ былъ содержаться на средства общества, и книги для вписыванія пожертвованій всегда лежали открытыми. Затѣмъ, главнымъ источникомъ его средствъ были различныя привилегіи, какъ то: сборы со зрѣлищъ и картъ, проценты съ капиталовъ, которые лежали въ его кассахъ.

Въ стройныхъ планахъ и уставахъ Бецкаго не мало «логическихъ промаховъ, психологическихъ недосмотровъ».

Въ «Извѣстіяхъ Московскаго Воспитательнаго Дома» за 1787 г. есть отчетъ о дѣятельности Дома за 20 лѣтъ; цифры его весьма краснорѣчивы. За 20 лѣтъ въ Домъ поступило 37.607 мл. Изъ нихъ выпущено 1.020, подростающихъ и готовящихся къ выпуску 6.000; итого изъ 37.607 живыхъ — 7.100. «Можетъ показаться», — читаемъ мы дальше, — «слишкомъ малъ остатокъ, надлежало бы быть 18.315 (50% дѣтей умираетъ до 6 л. и 1% до 16 л.)».

Смертность ужасная — 85%. Правила гигіены плохо соблюдались. Очень рано сталъ ощущаться и недостатокъ въ средствахъ: Воспитательный Домъ вмѣстѣ со своимъ Петербургскимъ Отдѣленіемъ поглощалъ ежегодно 190.000 руб., а пожертвованія поступали туго. Первый опекунъ Похвисневъ горько сѣтуетъ на равнодушіе общества и присутственныхъ мѣстъ, на недобросовѣстность подрядчиковъ.

Дѣтей скоро стали раздавать на воспитаніе по деревнямъ. Смотрительница Зильберазмъ въ 1791 г. жалуется, что помѣщеніе тѣсно, воздуха мало, форточекъ нѣтъ; въ домѣ, который разсчитанъ въ 1788 г. на 278 мл., теперь 986. Выживали только самые крѣпкіе, да и тѣ навсегда сохраняли на себѣ отпечатокъ Воспитательнаго Дома. По свидѣтельству лица, близко ихъ наблюдавшаго, «всѣ питомцы до 3 и 4 года имѣютъ какой то особый типичный отпечатокъ, всѣ они блѣднолицы, сложенія далеко не крѣпкаго, имѣютъ унаслѣдованныя болѣзни—чахотку и даже подагру. Свѣжаго и крѣпкаго среди питомцевъ не увидишь ни одного».

Воспитанія тамъ тоже было мало. Негдѣ было взять людей, которые могли бы создать ту нравственную атмосферу, о которой писалъ Бецкій. Уставы его не исполнялись. Императрица, посѣтивши Домъ въ 1775 г., нашла, что «дѣти неловки, непонятливы, молчаливы и угрюмы». Вскорѣ самъ Бецкій, увидѣвъ въ Петербургѣ своихъ питомцевъ, сильно огорчился: онъ не нашелъ у нихъ «ни малѣйшаго послушанія, никакой склонности къ трудолюбію, ничего, кромѣ невѣжества, неповиновенія и упрямства». Въ 1784 г. до него доходили слухи, что «дѣвушки воспитываются подло, что безмѣрно унижаются души людей, уготовляемыхъ быть свободными». Дѣтей 10—12 л. часто отдавали въ мастерскія, на фабрики, къ мастерамъ на сторону. «Воспитаніе ихъ было унизительнѣе самого воспитанія крестьянскихъ дѣтей»; питомцы попадались въ дракахъ въ питейныхъ домахъ.

Оправдываясь передъ императрицею, Бецкій писалъ ей, что онъ дѣлалъ все, что могъ: «Чуть не каждую недѣлю пишу цѣлую книгу Опекунскому Совѣту и Надзирателю». Опекунскій Совѣтъ и не думалъ точно слѣдить за исполненіемъ Устава. Главные надзиратели первое время часто мѣнялись (въ 15 лѣтъ—9 чел.), да большинство изъ нихъ едва ли что и понимало въ практикѣ воспитанія. Какъ могли руководить дѣломъ первый надзиратель Ростъ, профессоръ военной архитектуры и фортификаціи въ Московскомъ Университетѣ, или историографъ Миллеръ, взявшій на себя эту должность, по его признанію, «единственно изъ послушанія и въ упованіе, что потомъ возможно мнѣ будетъ пользоваться Московскими архивами для россійской исторіи»? Это все таки были люди образованные. Непосредственные воспитатели дѣтей часто и того не имѣли, не понимали даже «духа воспитанія». По отчету 1787 г. однако видно, что все-таки многіе питомцы поступили на службу на фабрики, въ конторщики; были среди нихъ дѣльные мастера, бухгалтера, доктора, художники, архитекторы, артисты. Воспитанницы поступали въ услуженіе, шли на фабрики, въ портнихи, танцовщицы, модистки. Любопытно, что всѣ они сохраняли и въ зрѣломъ возрастѣ отпечатокъ Воспитательнаго Дома. «Всѣ они необыкновенно довѣрчивы, просты и добры и безъ малѣйшей хитрости. Питомца узнаете изъ тысячи человѣкъ». Для XVIII в. приходится цѣнить и это воздѣйствіе.

При Московскомъ Воспитательномъ Домѣ существовало еще Коммерческое училище имени Прокофія Демидова, извѣстнаго тогда благотворителя. Уставъ этого училища составлялъ Бецкій, но онъ совѣтовался съ Демидовымъ. Въ декабрѣ 1772 г. планъ его былъ уже утвержденъ императрицей.

Училище предназначалось для 100 мальчиковъ купеческаго происхожденія. Дѣти принимались 5—6 лѣтъ, оставались въ училищѣ до 20-лѣтняго возраста и почти не отпускались домой: ихъ хотѣли уберечь отъ вреднаго вліянія среды. Они дѣлились на пять возрастныхъ группъ (6—9 л., 9—12 и т. д.); каждая получала свой точно опредѣленный кругъ наукъ; строго опредѣлялся порядокъ дня, правила поведенія и т. д. Обученіе было энциклопедическое; въ школѣ проходились: языки—русскій, нѣмецкій, французскій, затѣмъ ариѳметика, геодезія, исторія, геометрія. механика, мореплаваніе, краснорѣчіе, натуральная исторія, физика, химія, бухгалтерія, экономія, свѣдѣніе правъ государственныхъ. Когда Демидовъ сталъ возражать противъ такой многопредметности, Бецкій отвѣтилъ ему, что имъ «за основаніе принято не по одной той ниткѣ юношество проводить». «Когда худы будутъ воспитанники, вина почесться должна буйству и нерадѣнію начальниковъ, воспитателей и мастеровъ, а не дѣтямъ». Воспитаніе должно было закончиться путешествіемъ на Западъ, чтобы воочію увидать успѣхъ торговли и научиться немного вести дѣла.

На первыя публикаціи о пріемѣ учениковъ никто не явился; Бецкому пришлось прислать всѣхъ учениковъ изъ Петербурга. Во второй пріемъ въ 1776 г. въ Москвѣ поступило 8 чел., изъ нихъ купеческихъ сыновей только 2, а недостающіе 12 были взяты опять изъ Петербурга. Постепенно

изъ года въ годъ увеличивалось количество поступающихъ москвичей. Въ 1785 году былъ первый выпускъ воспитанниковъ Коммерческаго училища. Въ Собраніи Опекунскаго Совѣта Воспитательнаго Дома былъ устроенъ имъ экзаменъ, въ присутствіи 2 иностранныхъ бухгалтеровъ и двухъ своихъ. Всѣ они получили дипломы.

Послѣ смерти Демидова и при полномъ почти отсутствіи контроля со стороны Бецкаго, ослѣпшаго и жившаго безвыѣздно въ Петербургѣ, порядки Коммерческаго училища, никогда не бывшіе блестящими, становились все хуже и хуже. Уже въ 1792 г. начали усиливаться волненія между воспитанниками, а въ 1793 г. были открытые бунты изъ-за пищи. При Павлѣ уставъ былъ переработанъ, и Коммерческое училище въ 1799 г. было переведено въ Петербургъ, гдѣ оно существуетъ и до сихъ поръ.

Итакъ, идеи о воспитаніи, планы и уставы Бецкаго имѣли гораздо больше воспитательнаго значенія для общества, чѣмъ фактическія учрежденія, которыя не оправдали его надеждъ. Педагогическая мечта 60-хъ годовъ XVIII вѣка не осуществилась, «созданіе новой породы людей» не удалось, и императрица это поняла. Неудача эта нѣсколько измѣнила педагогическіе взгляды Екатерины II: не бросивъ своей любимой мысли о созданіи гражданъ, она стала больше цѣнить просвѣщеніе само по себѣ, поставила знаніе рядомъ съ воспитаніемъ. Въ 80-ые годы она стала больше заниматься народной школой, которая должна была захватить всѣ города и даже села имперіи. Мысль о народномъ просвѣщеніи сильно занимаетъ умъ императрицы въ 70-ые годы: ея сношенія съ Дидро, съ Гриммомъ, наконецъ, съ императоромъ Іосифомъ II ясно на это указываютъ. Послѣ многихъ колебаній императрица остановилась, по совѣту Іосифа II, на австрійской системѣ народнаго образованія, которая была очень популярна въ Европѣ въ то время. Въ сентябрѣ 1782 г. пріѣхалъ въ Петербургъ рекомендованный императоромъ Іосифомъ II серб Янковичъ-де-Мирьево, съ именемъ котораго связана школьная реформа 1784 года. Съ его пріѣздомъ началась дѣятельная работа коммиссій по учрежденію училищъ; подъ его руководствомъ и съ его личнымъ участіемъ составлены были учебники (до 30), подготовлены учителя, составленъ уставъ по образцу австрійскаго. Уставъ объ училищахъ 5 августа 1786 г. устанавливалъ два вида школъ: малыя двухклассныя для небольшихъ городовъ и главныя народныя училища съ 4-лѣтнимъ курсомъ. Обученіе вездѣ безплатное; составъ учениковъ смѣшанный. Въ области преподаванія уставъ 5 августа вводилъ строгое однообразіе; онъ предписывалъ пользоваться исключительно новыми, очень дѣльно составленными учебниками, устанавливалъ количество занятыхъ часовъ и отдыха, требовалъ отъ учителей отчета. Учитель долженъ былъ внимательно слѣдить за успѣхами и нравственнымъ развитіемъ учащихся. Любовь къ своему дѣлу, вниманіе къ личности ученика, добрый примѣръ — вотъ воспитательныя средства; тѣлесное наказаніе не допускалось. Измѣнялись и самые методы обученія: обычная до сихъ поръ зубрежка признавалась вредной и должна была уступить мѣсто сознательному усвоенію. Вводилась совмѣстная работа всего класса: учитель занимается не съ отдѣльнымъ ученикомъ, но пи-

шетъ и объясняетъ для всего класса, всѣми средствами поддерживая общее вниманіе; онъ все время слѣдитъ за тѣмъ, «всѣ ли прилежно слушаютъ и дѣло свое исполняютъ». Въ экономическомъ отношеніи школы всецѣло зависѣли отъ губернскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, въ которомъ засѣдалъ въ качествѣ делегата Директоръ Главнаго Народнаго училища.

Первый опытъ народныхъ школъ былъ сдѣланъ въ Петербургской губерніи въ 1784 году, а 22 сентября 1786 г. должны были открыться народныя училища въ 25 губерніяхъ и, между прочимъ, въ Московской. Въ письмѣ отъ 7-го іюля 1785 г. императрица писала Московскому главнокомандующему гр. Брюсу: «...По всѣмъ частямъ города завести малыя народныя училища, а сверхъ того одно главное народное училище, на основаніи отъ насъ для всѣхъ училищъ принятомъ... Московскій Университетъ и Заиконоспасская Академія обязаны подать помощь всевозможную». 22 сентября 1786 г., въ день коронаціи, въ Москвѣ открыто было главное народное училище и 3 малыхъ, повидимому, Петропавловское и Арбатское, по даннымъ г. Кеппена. Торжество открытія происходило въ помѣщеніи главнаго народнаго училища, въ домѣ кн. Волконскаго, у Пречистенскихъ воротъ. Главное народное училище имѣло въ своемъ составѣ 89 чел. учащихся обоего пола и 4-хъ учителей, присланныхъ изъ Петербурга Училищной Комиссіей.

Постановлено было просить у митрополита Платона 20 чел. семинаристовъ для подготовленія въ учителя малыхъ школъ. Малыя училища открывались довольно медленно въ Москвѣ: въ 1787 г.—Алексѣевское, въ 1788—Трехсвятительское, въ 1789—Богоявленское, въ 1792—Бутырское. За это же пятилѣтіе, по словамъ Кеппена, возникли училища: въ Можайскѣ, Дмитровѣ, Звенигородѣ, Клину, Рузѣ, Серпуховѣ, Вереѣ, Коломнѣ, Волоколамскѣ.

По уставу 5-го августа, въ малыхъ народныхъ училищахъ учили грамотѣ, Закону Божію и началамъ ариѳметики. Полагался одинъ учитель, при многолюдствѣ два. Въ Главномъ народномъ училищѣ въ двухъ низшихъ классахъ была та же программа; въ старшихъ проходили пространный катихизисъ, геометрію, физику, географію, естественную исторію, даже архитектуру; для желавшихъ перейти въ высшія учебныя заведенія преподавалась латынь и одинъ изъ новыхъ языковъ. Директоръ главнаго народнаго училища завѣдывалъ учебной частью не только малыхъ училищъ, но слѣдилъ за постановкой дѣлъ во всѣхъ вообще казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и имѣлъ подъ надзоромъ 17 казенныхъ учебныхъ заведеній и 18 частныхъ пансіоновъ.

О первыхъ шагахъ Московскихъ народныхъ училищъ мы знаемъ кое-что изъ отчета Козодавлева, ревизовавшаго Московскую губ. въ числѣ другихъ 10-ти, по порученію Училищной Комиссіи. Козодавлевъ осматривалъ Московскія училища съ 20 марта 1788 г. Въ Москвѣ въ это время было 6 малыхъ народныхъ училищъ и одно главное. Ревизоръ посѣтилъ всѣ училища, вездѣ производилъ экзамены, смотрѣлъ отчеты учителей и остался доволенъ учебно-воспитательной частью. «Все, что до

учебной части касается, состоитъ въ порядкѣ»,—пишетъ онъ въ своемъ отчетѣ.—«Ученики скоро и хорошо успѣваютъ въ наукахъ, учителя исполняютъ уставъ, ведутъ себя хорошо; но»,—оговаривается онъ,—«одобренія такового и уваженія, какъ учителя Новогородскіе и Тверскіе, отнюдь не имѣютъ».

Хозяйственную часть училищъ Козодавлевъ нашелъ въ довольно печальномъ состояніи. Помѣщенія плохи и неудобны, училищъ мало. Домъ главнаго училища тѣсенъ, классы дурно расположены, квартира учителя сыра. Малыя училища, помѣщенныя въ старыхъ богадѣльняхъ при церквахъ, совсѣмъ никуда не годятся: стоятъ на землѣ, вездѣ щели, сырость. Козодавлевъ совѣтуетъ отдать подъ училища пустующія присутственныя зданія, увеличить количество училищъ, преобразовать одно или два частныхъ училища въ главныя народныя, прибавивъ недостающіе классы.

Черезъ полгода по представленіи отчета императрица поручаетъ Московскому главнокомандующему привести «эту часть въ надлежащій успѣхъ» и спрашиваетъ про причины малолюдности народной школы въ Москвѣ. Народныя училища и послѣ этого открывались въ Москвѣ не быстро: средствъ, видно, у Приказа не хватало. Главное народное училище продолжало существовать только одно; программа его была нѣсколько расширена. Въ 1795 г. императрица подарила ему домъ около Варварскихъ воротъ. 2-го января 1804 года, на основаніи новыхъ уставовъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, главное народное училище было преобразовано въ 1-ую Московскую гимназію. Малыя училища были обращены въ начальныя школы.

Воспитательныя училища Бецкаго и народныя училища Янковича-де-Мирьево, основанныя по иниціативѣ Петербурга, мало привлекали къ себѣ Московское дворянство. Въ Москвѣ существовало два излюбленныхъ вида дворянской школы — 1) частные пансіоны иностранцевъ и 2) тѣ среднія учебныя заведенія, которыя пріютились около Московскаго Университета, Гимназія и Благородный Пансіонъ.

Намъ уже приходилось упоминать о частномъ домашнемъ обученіи въ эпоху имп. Елизаветы Петровны. Въ первую половину царствованія императрицы Екатерины II дѣло мало измѣнилось; указъ 1757 года о необходимости учителю имѣть дипломъ часто игнорировался. Нѣкоторую оздоровляющую струю вносили въ эту область преподаватели Университета. По свидѣтельству И. Ѳ. Тимковскаго, одного изъ раннихъ студентовъ, рѣдкій профессоръ не имѣлъ приватныхъ уроковъ; многіе изъ нихъ содержали частные пансіоны. Извѣстенъ пансіонъ Шадена, въ которомъ воспитывался Карамзинъ. На Мясницкой содержалъ пансіонъ для благороднаго юношества Петръ Антонъ, учитель французскаго грамматическаго класса; на Срѣтенкѣ содержитъ пансіонъ информаторъ (преподаватель Университетской гимназіи) Христоферъ Раппе въ 1775—87 г.г.; Торелли держитъ пансіонъ для благородныхъ дѣвицъ: онъ преподаетъ итальянскій языкъ въ Университетѣ. Эта конкуренція со стороны Университета и болѣе строгое исполненіе указовъ постепенно приводятъ къ тому, что и частные учителя стремятся получить дипломъ отъ Университета. Въ 70—80-хъ годахъ въ объявленіяхъ «Московскихъ Вѣдомостей» предлагаютъ свои

услуги лица, «аттестованныя отъ Московскаго Университета». Замѣтно расширяется программа преподаванія, и повышается образовательный уровень учителей.

Для иллюстраціи мы разсмотримъ одинъ изъ такихъ пансіоновъ, именно пансіонъ Веніамина Генша, съ аттестатомъ отъ Московскаго Университета, который существовалъ на Срѣтенкѣ въ 70-хъ годахъ. Передъ нами «планъ училища для благороднаго юношества», напечатанный въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1775 г. Во вступительныхъ строкахъ В. Геншъ, рекомендуясь, говоритъ, что онъ и за границей занимался педагогіей, имѣетъ дипломъ отъ Университета и уже 5 лѣтъ содержитъ пансіонъ.

Училище раздѣляется на три класса: въ первомъ обучаютъ русской грамотѣ, ариѳметикѣ, началамъ французскаго и нѣмецкаго языковъ, танцамъ; во второмъ—французская и нѣмецкая этимологія и синтаксисъ, переводъ, изученіе исторіи и географіи, геральдика, ариѳметика; въ III классѣ проходятся: геометрія, исторія и другія свободныя науки, учатся «риторическому стилю». Черезъ каждые полгода происходятъ публичные экзамены, на которыхъ «почтенные родители о приращеніи дѣтей ихъ въ наукахъ и языкахъ совершенно удовлетвориться могутъ». На этихъ экзаменахъ нерѣдко присутствовали профессора Университета.

Дѣти могутъ поступать на полный пансіонъ за 200 руб. въ годъ, полупансіонъ—120 руб., за ученье 90 руб., — на наши деньги — суммы, довольно внушительныя. Полнымъ пансіонерамъ обѣщается хорошій столъ, соблюденіе всякихъ гигіеническихъ требованій, внимательный присмотръ иностранныхъ воспитателей. Геншъ выговариваетъ и себѣ кое-что: проситъ провѣрять жалобы дѣтей, брать ихъ на домъ въ случаѣ болѣзни, чтобы не было нареканій; проситъ не присылать съ ними крѣпостныхъ дядекъ. Всѣ эти оговорки весьма характерны: видно, пятилѣтняя практика научила В. Генша осторожности въ сношеніяхъ съ московскими родителями. Пансіонъ В. Генша типиченъ для Москвы 70—80-хъ годовъ. Языки: русскій, французскій, нѣмецкій, ариѳметика, геометрія, исторія и географія, танцы и музыка, иногда еще артиллерія и фортификація, фехтованіе — обычный циклъ наукъ, проходимыхъ «благороднымъ» юношей.

Въ одной уцѣлѣвшей до насъ любопытной «инструкціи», данной помѣщикомъ своему дворовому человѣку, сопровождавшему его «Серіожу» въ іезуитскій кляшторъ въ Смоленскъ, мы находимъ точно такія же науки, какія встрѣчаемъ и во многихъ дворянскихъ наказахъ Комиссіи 1767 г. «Инструкція» эта, относящаяся къ 1772—73 году, вообще очень любопытна и, хотя она была дана не-Московскимъ дворяниномъ, мы возьмемъ изъ нея нѣсколько строкъ. — Дядька получаетъ отъ барина насчетъ «Серіожи» обширныя полномочія. «О всей его прилежности къ наукамъ скучай. Ежели усмотришь лѣность, учителей проси, чтобы не желели наказывать». Дядька долженъ смотрѣть, чтобы мальчикъ ходилъ въ церковь, соблюдалъ посты. Особенно любопытны наставленія насчетъ манеръ молодого джентльмена. «Ты самъ знаешь, что сынъ мой по молодости своихъ лѣтъ нѣсколько упрямъ и уединенъ; проси учителей, чтобы его отъ того отвращали; да притомъ за сыномъ моимъ

крайне наблюдай, дабы беріогъ платья, не дралъ и по садамъ не бѣгалъ, но велъ бы себя благочинно, какъ порядочно притить къ людемъ, поклонитца, сидѣть за столомъ, говорить учтиво, а не такъ, какъ теперь въ бытность ево въ доме усмотрено, что ни поклонитца, ни за столомъ сидеть не умѣетъ, а сіе для молодого человѣка дурно есть: въ наукахъ учонъ, а не политикъ». Кончается «инструкцыя» грозно: «А буде ты сіе упустишь, и онъ будетъ не хорошъ и въ поступкахъ дуренъ, — за то не надѣйся никакой милости отъ меня. Я сына тебѣ моего поручаю и приказываю во всемъ слушаться, о чемъ о его состояніи черезъ каждые двѣ недѣли, а то и чаще пиши».

И вотъ такой «Серіожа» попадаетъ изъ своей деревенской трущобы въ Москву, въ какой-нибудь нѣмецкій пансіонъ, гдѣ его учатъ всякой мудрости, всячески полируютъ. Отъ всего родного остается одинъ дядька, въ одно время слуга и надзиратель, который долженъ «скучать о всей его прилежности къ наукѣ» и снимать ему сапоги. Черезъ 4—5 лѣтъ изъ Сережи вырастаетъ юноша, имѣющій «благородный видъ», который будетъ блистать въ своей глуши, «въ наукахъ учонъ и политикъ».

Въ pendant къ благородному юношѣ московскіе пансіоны выпускали и молодыхъ дѣвушекъ. Ихъ учили грамотѣ, началамъ ариѳметики, немного исторіи и географіи, а главнымъ образомъ говорить по-французски и понѣмецки, танцовать, играть на рояли, умѣть «убирать на головѣ», немножко изящнымъ рукодѣліямъ; наукой ихъ не утруждали. Это почти все, что было доступно дѣвочкамъ. Никакихъ институтовъ такъ и не было открыто при Екатеринѣ II въ Москвѣ. Нѣкоторыя изъ москвичекъ учились въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ въ Петербургѣ.

Въ 1786 г., когда появились въ Москвѣ народныя школы, Сенатъ поручилъ особой Коммиссіи, составленной изъ 2 профессоровъ Московскаго Университета, 2 членовъ Приказа Общественнаго Призрѣнія и 2 духовныхъ особъ, разсмотрѣть всѣ частные пансіоны и ввести тамъ программу и учебники по уставу 5 авг. 1786 года. Ревизія Козодавлева 1788 года застала частные пансіоны въ довольно хорошемъ состояніи, а нѣкоторые и очень одобрилъ онъ, напримѣръ, пансіоны Бурденова, Войтеховскаго.

Намъ остается теперь познакомиться съ той средней школой, которая пріютилась около Университета. Такое соединеніе высшей и средней школъ было довольно обычно для XVIII вѣка, и Московская Гимназія возникла одновременно съ Университетомъ, по мысли Ломоносова. Когда И. И. Шуваловъ далъ ему на прочтеніе свой проектъ объ учрежденіи въ Москвѣ Университета, Ломоносовъ между другими замѣчаніями предложилъ основать еще Гимназію, какъ необходимый разсадникъ, ибо «безъ гимназіи Университетъ, какъ пашня безъ сѣмяни». 19 іюля 1754 г. докладъ Шувалова слушался въ Сенатѣ, а 12 января 1755 года былъ утвержденъ императрицей Елизаветой. Съ этихъ поръ и сталъ знаменитъ на Москвѣ «Татьянинъ день». Москва была избрана мѣстомъ перваго Университета, какъ центръ дворянства.

26 апрѣля 1755 года въ день коронаціи былъ открытъ Университетъ и при немъ двѣ Гимназіи — одна для дворянъ, другая для разночинцевъ. Университетъ и Гимназіи помѣщались тогда около Иверскихъ воротъ, въ зданіи старой аптеки, на мѣстѣ теперешняго зданія Историческаго Музея. Послѣ литургіи въ сосѣднемъ Казанскомъ соборѣ, въ большой залѣ Университета было торжественное собраніе, говорили рѣчи на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ. Вечеромъ былъ торжественный ужинъ, а все зданіе Университета горѣло огнями замысловатой иллюминаціи, которая изображала Парнасъ и Минерву, ставившую обелискъ императрицѣ. Толпы народа до 4-хъ часовъ ночи глазѣли около Университета.

Первое время Гимназіи только еще начинали устраиваться, хотя комплектъ ихъ былъ заполненъ въ первый же годъ: принято было 50 мальчиковъ, поровну въ обѣ гимназіи. Классы помѣщались въ сосѣднемъ зданіи кн. Рѣпнина, а ученики получали содержаніе и жили на квартирахъ. Управленіе ими сосредоточено было въ общей конференціи Университета, но онѣ всегда имѣли своего ректора и инспектора, часто изъ профессоровъ. Первый ректоръ ихъ, Іоаннъ Маттіасъ Шаденъ, въ теченіе своей 25-лѣтней службы высоко поставилъ преподаваніе, особенно классическихъ и новыхъ языковъ. Первоначальная организація Гимназій очень напоминала обычную картину петровской средней школы; ученики дѣлились на 4 группы или школы, съ подраздѣленіемъ на классы: низшій, средній и высшій. Первая школа—Россійская, въ которой проходились грамматика, стихотворство и краснорѣчіе; вторая — латинская, изучала теорію и практику латинскаго языка; третья школа—«первыхъ основаній наукъ», какъ называетъ ее историкъ Московскаго Университета Шевыревъ. Здѣсь учили ариѳметику, геометрію, географію и въ высшемъ классѣ—основы философіи; въ четвертой школѣ проходились новые языки. Дѣти числились одновременно въ разныхъ школахъ, они проходили непремѣнно двѣ первыя школы и затѣмъ языки, вѣроятно, по выбору; разночинцы часто не учились высшей философіи и греческому языку. Лучшіе ученики, по окончаніи Гимназіи, могли переходить въ Университетъ и на торжественномъ актѣ получали студенческую шпагу.

Однимъ изъ первыхъ учениковъ Московской гимназіи былъ Денисъ Фонвизинъ, авторъ «Недоросля». Онъ поступилъ въ нее въ 1755 году, не разъ выступалъ на актахъ и диспутахъ, напр., 12 іюля 1757 г. говорилъ рѣчь по-нѣмецки: «О налучшемъ способѣ къ изученію языковъ». Въ своихъ воспоминаніяхъ Фонвизинъ съ присущимъ ему юморомъ изображаетъ недочеты своихъ знаній: онъ увѣряетъ, напр., что получилъ медаль по географіи за то, что на вопросъ экзаменатора: «Куда впадаетъ Волга?» чистосердечно отвѣтилъ: «не знаю», тогда какъ два другіе товарища сказали: «въ Бѣлое» и «въ Черное море». Фонвизинъ, однако, научился въ гимназіи нѣмецкому и латинскому языку и, что всего важнѣе, «пріобрѣлъ вкусъ къ наукамъ».

Трудами Шувалова и куратора Мелиссино и заботами ректора Шадена быстро росло количество учениковъ, расширялась программа, увеличивался наличный персоналъ преподавателей Гимназіи. Въ 1758 году было

уже 100 учениковъ. Изъ первой печатной программы 1757 г. узнаемъ, что прибавились новыя науки: практическая геодезія, воинская архитектура, исторія, англійскій и итальянскій яз. Всѣхъ учителей насчитывалось 36—16 русскихъ и 20 иностранцевъ; нѣкоторые предметы проходились на французскомъ, за отсутствіемъ русскихъ учителей. Особенно хорошо изучали въ Гимназіи языки. Преподаватели новыхъ языковъ должны были читать съ учениками иностранныя газеты, сопровождая чтеніе комментаріями. Для разночинцевъ существовали особые классы по искусству, которые въ 1757 г. были переведены въ Петербургъ и образовали тамъ Академію Художествъ.

Въ 1759 г. былъ первый выпускъ изъ Московской гимназіи, и происходило торжественное производство гимназистовъ въ студенты.—О бытѣ гимназистовъ за этотъ періодъ мы знаемъ очень немного. Гимназисты, живя на квартирахъ, получали «кормовыя деньги» и обѣдали въ своей столовой «обержи». Повидимому, они иногда терпѣли большую нужду въ пищѣ и платьѣ. Слухи объ этомъ дошли до Шувалова, и онъ проситъ «во избѣжаніе постороннихъ нареканій» выдавать имъ добавочныя деньги, чтобы на все хватало. Гимназисты очень манкировали занятіями, иногда не являлись въ Гимназію по цѣлымъ мѣсяцамъ, несмотря на всѣ карательныя мѣры—выговоры, карцеръ. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ актовыхъ отчетахъ, то и дѣло помѣщаются цѣлые списки исключенныхъ «за нехожденіе въ классъ»; среди нихъ попадаются извѣстныя имена: въ 1760 г., напр., были исключены Николай Новиковъ и «свѣтлѣйшій князь» Григорій Потемкинъ.

Среди громаднаго учительскаго персонала часто происходили ссоры и недоразумѣнія; одинъ гордился своимъ офицерскимъ чиномъ, другой своими знаніями, третій манкировалъ уроками, задерживаясь на частныхъ.

Въ 1787 г. въ гимназіи насчитывалось, кромѣ 150 пансіонеровъ, около 1.000 приходящихъ учениковъ. По-прежнему, главное вниманіе поглощали древніе и новые языки; кромѣ того, въ курсъ Гимназіи входили: катихизисъ, богословіе, ариѳметика, алгебра, геометрія, географія и всеобщая исторія, артиллерія и фортификація, чистописаніе, рисованіе, музыка, танцы и фехтованіе. Всѣ учителя, кромѣ преподавателей искусствъ, иностранныхъ языковъ и богословія, были окончившіе Московскій Университетъ; у каждаго информатора было 4 недѣльныхъ часа.

О внутренней сторонѣ гимназической жизни есть интересныя данныя въ «Воспоминаніяхъ» И. Ѳ. Тимковскаго, который былъ произведенъ въ студенты въ 1790 г. Въ 80-ые годы казеннокоштныхъ учениковъ было около 150 человѣкъ. Они помѣщались въ главномъ зданіи Университета, что на Моховой (теперь старое зданіе Ун.). Для дворянъ было отведено 8 камеръ во 2-мъ этажѣ главнаго корпуса и лѣваго выступа; разночинцы помѣщались тоже въ 8 камерахъ 2-го и 4-го этажей къ Никитской. Въ 3 этажѣ главнаго зданія былъ актовый залъ, библіотека, залы для музыки, фехтованія, рисованія. Въ каждой камерѣ помѣщалось отъ 8 до 10 человѣкъ гимназистовъ различныхъ возрастовъ. По тремъ внутреннимъ стѣнамъ стояли ихъ постели и тумбочки съ имуществомъ; посрединѣ ком-

наты два продолговатыхъ стола для вечернихъ занятій. Кромѣ гимназистовъ, въ каждой камерѣ помѣщалось 3—4 студента, которые имѣли свою постель и маленькій столикъ въ простѣнкахъ между окнами. Младшій изъ студентовъ назначался дежурнымъ, «камернымъ»: онъ слѣдилъ за порядкомъ, чистотой, поведеніемъ младшихъ и каждое утро ходилъ съ докладомъ къ Эфору поведенія, который и устранялъ шероховатости, если такія случались. Для услугъ каждая камера располагала своимъ служителемъ изъ отставныхъ инвалидовъ. Гимназисты носили особую форму—сюртуки и камзолы изъ легкаго фабричнаго сукна верблюжьяго цвѣта; ходили они обычно напудренные.—Въ гимназическомъ пансіонѣ былъ заведенъ опредѣленный порядокъ дня. Ученики вставали въ 6 час., въ $^1/_4$ восьмого собирались въ залу на молитву, и, при выходѣ оттуда попарно, дежурные студенты, стоя у дверей, давали каждому на утренній завтракъ по большому ломтю теплаго пеклеваннаго хлѣба; чаю, повидимому, не полагалось. Отъ 8 до 12 ч. шли первые два урока. По звонку въ четверть перваго собирались въ столовую во 2-й этажъ главнаго корпуса; разночинцы садились на одну сторону, дворяне—на другую. Послѣ обѣда до 2 час. отдыхъ, а затѣмъ съ 2 до 5 или 6 час. уроки. Въ 8 час. ужинъ, а въ половинѣ 9-го расходились по камерамъ, и младшіе ложились спать. По праздникамъ дѣтей отпускали къ знакомымъ. Оставшіеся посѣщали свою Университетскую церковь, въ которой пѣлъ хоръ гимназистовъ и студентовъ, часто подъ управленіемъ извѣстныхъ оперныхъ артистовъ. Здѣсь собиралась нерѣдко вся московская интеллигенція, профессора, студенты.

Пансіонеры жили весело. Помимо всякихъ актовъ и диспутовъ, то-и-дѣло на праздникахъ происходили въ залахъ Университета концерты, балы, маскарады; была своя драматическая труппа, свой оркестръ и всѣ приспособленія для сцены. Здѣсь шли оперы: «Добрые Солдаты» Хераскова, «Мельникъ», «Севильскій цырюльникъ», ставились комедіи: «Недоросль», «Скупой» Мольера и др. Представленія посѣщала вся московская знать.

Лѣтомъ и весной на Университетскомъ дворѣ нерѣдко происходили военныя упражненія, съ барабаннымъ боемъ и деревянными ружьями. Иногда вечерами изъ открытыхъ оконъ слышались серенады. На Пасхѣ на Университетскомъ дворѣ ставились качели. Недалеко отъ Университета, на Неглинной (на мѣстѣ теперешняго Александровскаго сада) или на Никольской, можно было наблюдать кулачные бои между гимназистами и воспитанниками Заиконоспасской Академіи; въ нихъ участвовали главнымъ образомъ приходящіе гимназисты, а не пансіонеры. Особенно это практиковалось часовъ въ восемь, передъ классами, или часа въ два, въ обѣденный перерывъ. Студенты въ бояхъ не участвовали, т. к. считали это ниже своего достоинства. Университетская гимназія существовала въ такомъ видѣ до 1806 года и насчитывала у себя, по словамъ Шевырева, около 3.300 чел. учениковъ. Когда заведены были губернскія гимназіи, и объ ней поднялся вопросъ. Попечитель Муравьевъ, ея воспитанникъ, не желая ее упразднять, нѣсколько расширилъ ея программу, сокративъ количество учениковъ. Въ такомъ видѣ она жила до 1812 г.; послѣ пожара и разгрома Москвы она уже не возобновлялась.

Въ 1779 году возникло при Университетѣ, по иниціативѣ поэта Хераскова, куратора Университета, еще одно учебно-воспитательное учрежденіе «Вольный Благородный Пансіонъ». Первоначально это былъ небольшой пансіонъ для 12-ти дворянскихъ мальчиковъ, 12—14 лѣтъ, которые принимались на 3 года. Однако число желающихъ черезъ полгода превысило 50 чел.; пришлось расширить дѣло и перевести пансіонъ въ отдѣльное зданіе на Университетскомъ дворѣ.

Пансіонъ былъ подчиненъ Совѣту и Правленію Университета, а непосредственно управлялъ имъ до 1791 г. Г. П. Крупенниковъ. Золотая пора Пансіона связана съ именемъ его преемника Антона Антоновича Прокоповича-Антонскаго, который 35 лѣтъ стоялъ во главѣ Пансіона (1791—1824 г.г.). Воспитанникъ Кіевской Духовной Академіи, Антонскій поступилъ въ Московскій Университетъ въ 1782 году и черезъ два года уже былъ баккалавромъ. Затѣмъ мы видимъ его учителемъ при Университетскомъ педагогическомъ институтѣ, репетиторомъ Университетской гимназіи, визитаторомъ въ окружныхъ губерніяхъ, наконецъ, съ 1787 г. преподавателемъ естественной исторіи въ Благородномъ Пансіонѣ. Съ запасомъ педагогическаго опыта становится онъ въ 1791 г. во главѣ Благороднаго Пансіона. Вопросы воспитанія были ему дороги, и его теоретическіе взгляды по этому предмету подкрѣплялись не только хорошимъ знакомствомъ съ новыми теченіями педагогической мысли, но личнымъ опытомъ и наблюденіями.

Антонскій горячо стоялъ за школьное воспитаніе, указывалъ на недостатки домашняго и настаивалъ на тщательномъ изученіи личности питомца, такъ какъ «каждое дитя, по различнымъ отношеніямъ и по мѣрѣ физическихъ и нравственныхъ своихъ качествъ, по мѣрѣ душевныхъ и тѣлесныхъ своихъ силъ, требуетъ особыхъ средствъ, особыхъ попеченій, особаго воспитанія». Всю свою жизнь Антонъ Антоновичъ проводилъ на дѣлѣ эти идеи, и не мало крупныхъ русскихъ дѣятелей вышло изъ стѣнъ Благороднаго Пансіона.

Благородный Пансіонъ съ 1791 года помѣщался въ Газетномъ переулкѣ на Тверской ул., въ домѣ бывшей Межевой канцеляріи.

Хотя онъ состоялъ подъ вѣдѣніемъ Университетскаго Правленія и Совѣта, однако почти все—и хозяйство и учебная часть—лежало на попеченіи Антонскаго. Полные пансіонеры платили 300 руб. въ годъ, и на эти взносы содержался Пансіонъ и весь его громадный штатъ, доходившій иногда до 50 чел. Сушковъ, одинъ изъ воспитанниковъ Пансіона, называетъ Антона Антоныча въ своихъ воспоминаніяхъ «Аристидомъ по честности, министромъ финансовъ по находчивости».

Въ пансіонѣ строго соблюдались всѣ гигіеническія требованія. 8 надзирателей обязаны были попарно дежурить во внѣ-классное время и говорить съ воспитанниками на иностранныхъ языкахъ. Порядокъ дня совпадалъ съ гимназическимъ: вставали въ 6 ч., въ 7—молитва и чай, по постнымъ днямъ—сбитень съ калачами, отъ 8—12 ч. уроки; въ 12 ч. обѣдъ и отдыхъ до 2 час., 2—6 ч. уроки, въ 8 ч. ужинъ, въ 9 ч. спать. Во всемъ—въ пищѣ, одеждѣ соблюдались строгая умѣренность и простота.

Преподаваніе было хорошо поставлено. Антонскій сумѣлъ привлечь въ свой пансіонъ лучшія педагогическія и научныя силы.

Въ программу входило 20 предметовъ: 1. Законъ Божій и Священная Исторія. 2. Логика и Нравственность. 3. Математика всѣхъ частей, т. е., ариѳметика, геометрія, алгебра, тригонометрія. 4. Артиллерія и фортификація. 5. Гражданская архитектура. 6. Опытная физика и естественная исторія. 7. Исторія всемірная и русская. 8. Географія—математическая, всеобщая и русская. 9. Древности и миѳологія. 10. Наука государственнаго хозяйства (съ 1806 г.). 11. Основы законо-искусства. 12. Языкъ русскій. 13, 14, 15, 16. Языки: французскій, нѣмецкій, англійскій, латинскій. 17. Рисованіе. 18. Танцы. 19. Музыка—скрипка, флейта и фортепіано. 20. Фехтованіе и ученіе ружьемъ.

Такая многопредметность не подавляла умъ молодыхъ дворянъ: вѣрный своему девизу, что «во всемъ есть мѣра», Антонскій не заваливалъ ребенка работой, но, сообразуясь съ его индивидуальными склонностями, назначалъ ему ту или другую область знанія для спеціальнаго изученія, помимо общеобязательныхъ предметовъ. Въ 52 § «Объявленія объ ученіи, порядкѣ и содержаніи Благороднаго Пансіона», изданнаго Антонскимъ, читаемъ: «Юноша, вступающій въ Университетскій пансіонъ, испытывается инспекторомъ или его помощникомъ и учителями. Вслѣдствіе такого испытанія назначаются ему предметы, соотвѣтственно его способностямъ, знаніямъ и желанію родителей». И, дѣйствительно, среди воспитанниковъ существовала такая спеціализація. Въ этомъ случаѣ Антонскій, дополняя, поправлялъ Локка, который совѣтуетъ только «отворять юношѣ дверь науки, чтобы онъ могъ кидать взглядъ внутрь и, такъ сказать, завязать тамъ знакомство, но не оставаться на жительство».

Въ пансіонѣ обращалось серьезное вниманіе на поведеніе и нравственныя качества ученика. Въ тѣхъ листкахъ, которые посылались родителямъ съ отмѣтками объ ихъ дѣтяхъ, мы находимъ рубрики: ростъ, умъ, сердце—наклонности; затѣмъ—поведеніе: отношеніе къ высшимъ, равнымъ, низшимъ; обращеніе, дружество. Въ слѣдующихъ графахъ: науки, языки, искусства, забавы.

Обычнымъ педагогическимъ средствомъ было усиленно возбуждаемое соревнованіе, которымъ А. А. Антонскій, съ современной точки зрѣнія, даже злоупотреблялъ. Наблюдалось старшинство мѣстъ въ классахъ—по успѣхамъ, въ комнатахъ—по поведенію. Пониженіе по списку вызывало фактическое перемѣщеніе на высшій рядъ скамей. Послѣдніе по списку, «взобравшіеся на Парнасъ», были не въ чести. Существовало особое дѣленіе на «отличныхъ» и «полуотличныхъ»; первые даже за обѣдомъ сидѣли, не въ примѣръ прочимъ, за особымъ круглымъ столомъ, подъ предсѣдательствомъ «отличнаго изъ отличныхъ». Проступки отмѣчались «штрихами» на спискахъ, и оштрихованные больше всего боялись выговора самого Антона Антоновича, котораго всѣ очень уважали и побаивались. Самая страшная степень наказанія, которой подвергались самые закоренѣлые преступники, это—«ослиный столъ». Вотъ какъ описываетъ очевидецъ это наказаніе. «Передъ столовой, въ проходной горницѣ, въ углу, близъ

Моды XIX вѣка.

Боровиковскій.—Державина.

двери, накрытъ маленькій столъ; передъ нимъ у стѣны—лѣнивый или упрямый преступникъ; надъ нимъ на стѣнѣ листъ бумаги съ надписью: «Ослиный столъ». 150 — 200 паръ воспитанниковъ проходятъ мимо въ столовую и стыдятъ его». На масленицѣ, на святкахъ въ Пансіонѣ устраивались концерты, вечера; на торжественныхъ ежегодныхъ актахъ передъ блестящей публикой воспитанники выступали въ качествѣ ораторовъ, артистовъ, гимнастовъ.

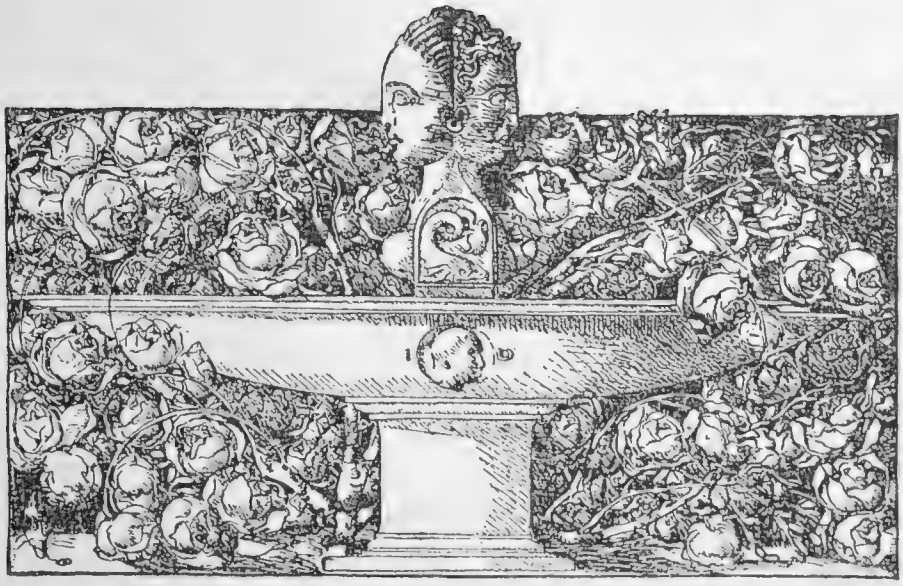
Въ Благородномъ Пансіонѣ много мѣста и вниманія отводилось занятіямъ литературой. А. А. Антонскій, самъ большой любитель словесности, всячески поощрялъ питомцевъ въ этихъ занятіяхъ. Воспитанники много читали; позволялось читать за обѣдомъ, за чаемъ, за ужиномъ. Въ залахъ Благороднаго Пансіона происходили публичныя засѣданія Общества Любителей Россійской Словесности; здѣсь часто присутствовали воспитанники. Среди нихъ существовали особые литературные кружки, въ 1799 г. было учреждено особое общество, а 9 февраля этого года составлены особые законы «Собранія воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона». Въ 1-мъ пунктѣ Устава читаемъ: «Цѣль сего собранія—исправленіе сердца, очищеніе ума и вообще образованіе вкуса». Общество состоитъ изъ 9 дѣйствительныхъ членовъ и нѣсколькихъ почетныхъ; оно выбираетъ своего Предсѣдателя и Секретаря. Засѣданія его—разъ или два въ недѣлю. Каждый дѣйствительный и почетный членъ имѣетъ право голоса; на собраніяхъ читаются и обсуждаются доклады членовъ по вопросамъ литературы, читаются и критикуются свои и чужія произведенія. Общество пополняется избраніемъ по предложенію одного члена и съ согласія всѣхъ остальныхъ. Общество это, какъ видимъ, было довольно организованное. Его основатель и первый предсѣдатель былъ В. А. Жуковскій. Воспитанники Благороднаго Пансіона издавали свои сборники, напр., «Распускающійся Цвѣтокъ», «Утренняя Заря». На засѣданіяхъ общества, въ качествѣ почетныхъ гостей, нерѣдко присутствовали извѣстные литераторы: И. И. Дмитріевъ, Н. М. Карамзинъ, Мерзляковъ, Кокошкинъ, Нелединскій-Мелецкій, В. Л. Пушкинъ, кн. И. М. Долгорукій и др.

Тѣсно сживались между собою воспитанники Благороднаго Пансіона, товарищество было очень развито. Современники отмѣчаютъ, что «всего любезнѣе въ нихъ привязанность къ товарищамъ», что «при встрѣчахъ они не наговорятся другъ съ другомъ, какъ друзья самые старинные». Съ грустью покидали они родной Пансіонъ и долго помнили своего Антона Антоновича. А онъ, удалившись на покой, слѣдилъ по газетамъ за своими питомцами, выписывалъ на бумажки знакомыя имена... Прочитывая эти длинные списки, мы найдемъ среди нихъ не только знакомыя, но и дорогія имена: отсюда вышли Жуковскій, А. Тургеневъ, кн. Одоевскій, Баратынскій, Грибоѣдовъ и многіе другіе. Чуть не 4 дворянскихъ поколѣнія воспитались въ Благородномъ Пансіонѣ.

Въ чемъ же тайна успѣха этого училища? Не одно только знаніе и не одинъ опытъ цѣнны здѣсь; дорогъ былъ тотъ огонь, съ которымъ все дѣлалось. «Любовью рожденъ, любовью взлелѣянъ, любовью напоенъ былъ этотъ разсадникъ просвѣщенія».

Передъ нами прошла Московская школа Екатерининскихъ временъ; мы видѣли частные пансіоны, Воспитательныя училища Бецкаго, Народныя школы Янковича, Университетскія Гимназіи и Благородный Пансіонъ. Несмотря на видимое ихъ разнообразіе, мы можемъ уловить въ нихъ одну общую черту: на первый планъ выдвигалась личность, какъ объектъ воспитанія и просвѣщенія; личность имѣла самостоятельную, а не прикладную цѣнность, какъ въ Петровской школѣ. Школа Екатерининская воспитывала не только учащихся, но и само общество, и если свѣтлыя идеи о перевоспитаніи, о просвѣщенномъ разумѣ не исправили жизни, то онѣ подняли общее самосознаніе, настроили русскую мысль на болѣе высокій тонъ. Въ этомъ служеніи общественному просвѣщенію — великая заслуга Екатерининской школы.

Екатерина Великая и И. И. Бецкій.



Бытъ дворянской Москвы конца XVIII-го и начала XIX-го вѣковъ.

С. А. Князькова.

Современники описываютъ Москву половины XVIII в. какъ большую деревню; какъ городъ «деревенскій» и, по преимуществу, барскій деревенскій: «Москва—это большое село съ барскими усадьбами». Какъ въ селѣ яркимъ контрастомъ выступали на взглядъ проѣзжаго человѣка болѣе или менѣе благоустроенный господскій домъ и дворъ—съ одной стороны, и жалкія мелкія избушки селянъ—съ другой, такъ и въ Москвѣ взглядъ пріѣзжаго человѣка поражало прежде всего разнообразіе, пестрота внѣшняго вида древней столицы. Москва,—пишетъ современникъ,—это «великолѣпные дворцы, разбросанные по всѣмъ частямъ города, и бѣдные деревянные домишки рядомъ, превосходные сады и обширные огороды среди наилучшихъ кварталовъ; огромные крытые базары со множествомъ всякихъ лавокъ и магазиновъ на европейскій ладъ; конскіе бѣга на большихъ площадяхъ, нарочно для этого назначенныхъ и приспособленныхъ чуть не въ центрѣ города; въ назначенные дни кулачные бои, охоты на медвѣдя и волка (садки), привлекавшіе множество зрителей, и рядомъ театры, цирки, акробаты на европейскій ладъ»; питейные дома на каждомъ «тычкѣ» и церкви, множество церквей—иногда двѣ, три и больше въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ одна отъ другой». «Я думаю»,—писалъ К. Н. Батюшковъ,—«что ни одинъ городъ не имѣетъ малѣйшаго сходства съ Москвой. Здѣсь роскошь и нищета, изобиліе и крайняя бѣдность, набожность и невѣріе; постоянство дѣдовскихъ временъ и вѣтренность неимовѣрная,—какъ враждебныя стихіи въ вѣчномъ несогласіи,—и составляютъ сіе чудное, безобразное, исполинское цѣлое, которое мы знаемъ подъ общимъ названіемъ: Москва».

Какъ городъ «деревенскій», Москва половины XVIII-го в. и до самаго 12-го года была по преимуществу деревянной: большинство домовъ

были деревянные, и даже мостовыя, гдѣ были бревенчатыя, гдѣ изъ фашиннику, но чаще совсѣмъ немощеныя; камнемъ, крупнымъ булыжникомъ, прескверно были замощены только главныя проѣзжія улицы, служившія какъ бы большими дорогами, соединившими отдѣльные кварталы города. По старому русскому обыкновенію присмотра за чистотой улицы не было никакого, т. е., писались приказы отъ полиціи, издавались даже Высочайшіе указы о соблюденіи чистоты на улицахъ, но все это исполнялось на дѣлѣ плохо — на улицу выбрасывали безъ стѣсненія со дворовъ весь хламъ и соръ, выливались всѣ помои, на улицѣ преспокойно оставляли всякую падаль. Были мѣста, гдѣ лужи, «грязи», такъ и не просыхали даже въ жаркое лѣто и служили пріютомъ для обывательскихъ гусей и утокъ. Такъ дѣло обстояло по всему теченію зарытой теперь въ землю Неглинной, по Кузнецкому Мосту, по теперешней Театральной площади, которая была просто-на-просто топью, болотомъ, куда москвичи свозили соръ и всякую нечистоту. Улицы были неправильны, то очень широки, превращаясь чуть не въ площадь, то суживались такъ, что двумъ телѣгамъ не разъѣхаться; переулковъ было столько, что въ нихъ путались старожилы, и очень часто то, что казалось переулкомъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывалось къ вящшей досадѣ путника «тупикомъ», т. е., перегороженной чьимъ-либо строеніемъ, иногда очень глубоко входящей въ рядъ строеній впадиной съ улицы; впрочемъ, москвичъ не очень обижался, если предпріимчивый пѣшеходъ, не побоявшись зубастыхъ собакъ, перебирался черезъ его дворъ на просторъ слѣдующей улицы. Огромное большинство домовъ мало чѣмъ отличались отъ простыхъ крестьянскихъ избъ, съ заваленками, на которыхъ или возлѣ которыхъ по-просту на травкѣ любили собираться въ лѣтнее время подъ вечеръ обыватели этихъ домиковъ, сидѣли тутъ, разговаривали съ сосѣдями, грызли орѣхи, смотрѣли на прохожихъ, перекидываясь острымъ словомъ или шуткой, на что москвичи всегда были большіе охотники. Посреди улицъ часто стояли колодцы съ огромными «журавлями»: это были по преимуществу женскіе клубы, гдѣ не умолкалъ звонкій говоръ и смѣхъ московскихъ жительницъ, приходившихъ сюда за водой съ коромыслами и парой ведеръ. Домики и избы мелкихъ и среднихъ московскихъ обывателей строились, обыкновенно, «на улицу», какъ въ деревняхъ, и стояли мѣстами очень плотно сжавшись, пока не прерывались какимъ-либо пустыремъ или погостомъ. Обширные хоромы зажиточныхъ и богатыхъ людей ставились по старому обыкновенію въ глубинѣ обширныхъ дворовъ, и иногда по цѣлымъ улицамъ тянулись безконечные заборы, изрѣдка прерывавшіеся воротами съ двускатными кровлями, подъ которыми всегда была икона или мѣдный литой крестъ. Такія усадьбы богатыхъ людей занимали иногда участки земли до пяти и болѣе десятинъ своими службами, жильями дворовыхъ, флигелями «для гостей», иногда съ домашнею церковью, стоявшей тутъ же, на дворѣ, и дѣйствительно напоминали богатыя помѣщичьи усадьбы. По оффиціальному свидѣтельству, приводимому И. Е. Забѣлинымъ, въ Москвѣ 1770-хъ годовъ было «много такихъ господскихъ дворовъ, кои своимъ расположеніемъ, обширностью, великимъ и лишнимъ числомъ служителей составляли не домъ въ городѣ прилич-

ный, но цѣлое селеніе, по разному ремеслу и званію людей собственное мѣщанское общество составляющее, или такой домъ, который только въ однѣхъ деревняхъ обширностью своею и многолюдствомъ общей тягости не дѣлаетъ».

Линія строеній и усадебъ прерывалась на своемъ протяженіи огромными пустырями—садами, огородами, прудами, лугами, на которыхъ паслись обывательскія стада; каждое лѣтнее утро по улицамъ Москвы шествовалъ пастухъ съ рожкомъ, на звуки котораго заботливыя хозяйки выгоняли своихъ буренокъ и машекъ, радостнымъ мычаніемъ привѣтствовавшихъ утро и своего пастыря, громко хлопавшаго бичомъ въ антрактахъ концерта на рожкѣ. По внѣшнему виду, по укладу жизни мелкаго обывателя Москва тогда была дѣйствительно большой деревней или массой деревень, слившихся въ одну. То, что съ внѣшней стороны составляло Москву-городъ—каменные дворцы и храмы, стѣны Кремля, Китай-города и Бѣлаго города—все это терялось и тонуло въ сельской обстановкѣ Москвы-деревни, а что касается Кремля, его стѣнъ, стѣнъ Китай-города, все это находилось въ явномъ забросѣ и разрушеніи. Стѣны Бѣлаго-города въ данное время уже сносились и очищали мѣсто для теперешнихъ московскихъ бульваровъ; Земляной валъ, насыпанный при царѣ Михаилѣ, во многихъ мѣстахъ уже осыпался и сталъ почти въ уровень съ улицами. «Въ замѣнъ его», — говоритъ И. Е. Забѣлинъ,—«Москва сначала была обнесена, въ 1731 г., надолбами, т. е., врытыми въ землю въ спутанномъ порядкѣ рядами бревенъ, а съ 1732 г. земляянымъ валомъ, но уже не въ фортификаціонныхъ, а въ фискальныхъ цѣляхъ: для прекращенія ввоза корчемнаго вина и сохраненія интересовъ тогдашнихъ компанейщиковъ (откупщиковъ), почему и самый валъ, построенный на счетъ Камеръ-Коллегіи, именовался въ народѣ Камеръ-Коллежскимъ. Кремль въ первой половинѣ XVIII-го вѣка былъ въ запустѣніи невѣроятномъ. Когда въ 1752 г. императрица Елисавета собиралась посѣтить Москву, то у московскаго начальства просто руки опустились: ничего нельзя было подѣлать съ грязью и общей запущенностью. Поѣхалъ посмотрѣть въ чемъ дѣло самъ генералъ-прокуроръ и въ ужасъ пришелъ; по его докладу видно, что весь Кремль—одна сплошная свалка нечистотъ: площадь передъ казенными зданіями затоплена невылазной грязью, площадка у входовъ въ Грановитую палату, передъ Успенскимъ и Благовѣщенскимъ соборами завалена горами всякаго мусору, такъ что и пройти нельзя; въ Китай-городѣ, близъ Тріумфальныхъ воротъ, воздвигнутыхъ въ честь высочайшаго пріѣзда патріотическими москвичами, пустыя лавки въ иконномъ ряду завалены навозомъ и грязью, которую свозили туда съ улицъ, зловоніе изъ этихъ импровизированныхъ свалокъ неслось невѣроятное и т. д. Древнія зданія, не исключая самаго дворца, не ремонтировались; присмотру вообще за ними не было, все ветшало, осыпалось, разрушалось, приходило въ такую ветхость, что ужъ никакой ремонтъ не могъ помочь, и тогда старину просто ломали и уничтожали. Въ Екатерининское время Кремль начали держать сравнительно въ чистотѣ, но это мало помогало всеобщей запущенности: и сама Москва, и ея Кремль всѣмъ своимъ видомъ свидѣтельствовали, что они по-

кинутое жилье, откуда выѣхалъ хозяинъ, слуги же его не брегутъ о покинутомъ дворѣ. Такъ все стало съ тѣхъ поръ, какъ

Передъ новою столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова.

Это «вдовство» Москвы, остававшейся столицей только по имени, отражалось и по своему сказывалось на всемъ обиходѣ московской жизни, особенно тѣхъ слоевъ московскаго общества, которые ближе могли соприкасаться съ царскимъ дворомъ. Покинутая царемъ Москва была очень недовольна своей новой ролью столицы лишь по имени, и это недовольство сказывалось во всемъ; москвичи немножко гордились тѣмъ, что ихъ городъ не гонится за внѣшнимъ холоднымъ блескомъ, которымъ чванился Петербургъ, въ Москвѣ съ распростертыми объятіями принимали всѣхъ, кому «вреденъ становился» воздухъ Петербурга, въ Москвѣ хотѣли жить утрированно по своему, и жили, какъ умѣли, не очень стѣсняясь, какъ посмотрятъ на эту жизнь въ Петербургѣ. Не даромъ со временъ Екатерины Москва прослыла республикою! Конечно, это была петербургская иронія, но иронія съ оглядкой: Петербургъ очень и очень считался съ тѣмъ, что скажутъ въ Москвѣ. Восемнадцатый вѣкъ—это вѣкъ господства дворянства, когда оно черезъ гвардію дѣлало правительства. Въ Петербургѣ за гвардіей очень ухаживали, а въ гвардіи служили дѣти, отцы которыхъ составляли соль и основу московскаго общества.

Въ Москвѣ описываемыхъ временъ жили старшіе представители знаменитѣйшихъ родовъ нашего дворянства. Большею частью это были люди, занимавшіе все свое время высшія государственныя должности и поселившіеся въ Москвѣ послѣ отставки на житье «въ пышномъ бездѣйствіи»; въ Москву жить уѣзжали и такіе бывшіе сановники, самолюбіе которыхъ было оскорблено, которые хотѣли показать своимъ отъѣздомъ, что не нуждаются въ милостяхъ, осыпающихъ своими дарами людей, съ которыми имъ «невмѣстно быть»; въ Москву, наконецъ, съѣзжались на зимнее житье богатые помѣщики, которые не искали службы и чиновъ, а хотѣли только пользоваться своимъ богатствомъ «среди удобствъ и удовольствій столицы». Московскій старожилъ конца XVIII-го и начала XIX-го в.в. Н. Г. Левшинъ въ своихъ любопытныхъ запискахъ о московской жизни называетъ Москву той поры «всеобщимъ инвалиднымъ домомъ всѣхъ россійскихъ дворянъ, знатныхъ и незнатныхъ, чиновныхъ и безчиновныхъ». «Москва», — говоритъ онъ, — «удивительное пристанище для всѣхъ, кому дѣлать болѣе нечего, какъ свое богатство расточать, въ карты играть, ходить со двора на дворъ; дѣловыхъ людей въ Москвѣ мало. Всѣ вообще отставные, старики, моты, весельчаки и праздполюбцы—всѣ стекаются въ Москву и тамъ вѣкъ свой доживаютъ припѣваючи. Раздѣлятъ ли родители дѣткамъ имѣніе—ѣдутъ на покой въ Москву вѣкъ доживать; надобно ль дѣтокъ малолѣтнихъ въ пансіоны отдавать (которыхъ тогда нигдѣ, кромѣ Москвы, найти было нельзя)—ѣдутъ въ Москву; въ службу записывать сынковъ—опять на совѣты и отыскиваніе по роднымъ покровительства ѣдутъ въ Москву,—словомъ сказать, со всего россійскаго

свѣта стекается многое множество къ зимѣ въ родимую Москву; зато лѣтомъ—хоть шаромъ покати—никого нѣтъ, даже на улицахъ станетъ травка пробиваться; всѣ разбредутся по деревнямъ—къ зимѣ деньги собирать». «Отсюда лѣтомъ разносились вѣсти по всей Россіи, а зимой онѣ собирались». Москва всегда отличалась особой жадной воспріимчивостью къ слухамъ и толкамъ всякаго содержанія—отъ вопросовъ большой политики до сплетенъ изъ области закулисной придворной и даже частной жизни. Особенно настораживались московскія уши и усердно работали московскіе языки, когда въ Петербургѣ готовились и совершались событія первостепенной государственной важности: бывшіе дѣятели особенно строго относились къ дѣятельности своихъ преемниковъ и не жалѣли ироніи, злого осужденія и даже завѣдомаго очерненія всякаго «петербургскаго дѣйства». Въ этомъ смыслѣ князь П. А. Вяземскій совершенно правъ, когда характеризуетъ Петербургъ, какъ сцену, а Москву зрительницей, оцѣнивающей и судящей петербургскіе поступки. Эта оцѣнка была тѣмъ строже и придирчивѣе, что зрителями въ Москвѣ были не кто-нибудь, а бывшіе первоклассные лицедѣи государственной жизни: графы Орловы, Остерманъ, кн. Голицыны, Долгорукіе, Дашковы, Ростопчинъ, впослѣдствіи А. П. Ермоловъ; а какой хоръ и фонъ этимъ звѣздамъ первой величины составляла масса бывшихъ дѣятелей порядка второстепеннаго! Тутъ дѣйствительно Петербургу хоть и съ гримасой, а надо было считаться съ Москвой, пряча за извѣстнымъ видимымъ выраженіемъ высокомѣрности стремленіе не ударить въ грязь лицомъ передъ строгими судьями. Миссъ Вильмотъ, подруга и компаніонка кн. Дашковой, въ 1806 году побывала въ Москвѣ и въ письмахъ своихъ на родину даетъ яркую характеристику столповъ тогдашняго московскаго общества. «Общее впечатлѣніе, сохранившееся въ моемъ воображеніи»,—пишетъ она,—«состоитъ въ томъ, что я какъ будто бы витала среди привидѣній временъ Екатерины. Москва—это государственныя политическія Елисейскія поля Россіи! Всѣ тѣ, кто былъ въ силѣ при Екатеринѣ и Павлѣ, и всѣ тѣ, кто нынѣ не въ милости или считаются обойденными Александромъ, пользуются здѣсь, въ этомъ лѣнивомъ, изнѣженномъ, великолѣпномъ азіатскомъ городѣ какимъ-то призрачнымъ значеніемъ, основаннымъ на одномъ лишь учтивомъ вниманіи: потому что все дѣйствительное вліяніе уже давно перешло въ видѣ наслѣдства къ ихъ преемникамъ, которые согрѣваются лучами нынѣ царствующаго двора и управляютъ Имперіей изъ Петербурга. Однако же, встревоженный и разукрашенный призракъ князя Голицына (оберъ-камергера Екатерины II) сохраняетъ свои знаки отличія, свои звѣзды и ленты, которыя, въ прибавокъ къ девяностолѣтнему бремени, вдвойнѣ клонятъ старческій станъ его къ землѣ. Этотъ призракъ носитъ на костлявыхъ раменахъ своихъ брилліантовый ключъ, ленты и всѣ свои блестящіе доспѣхи и пользуется подобающимъ почетомъ среди своихъ товарищей-призраковъ, которые въ прежнія времена раздѣляли съ нимъ государственныя почести. Другой подобный блестящій призракъ это графъ Остерманъ, государственный канцлеръ въ свое время. Орденскіе знаки св. Георгія, Александра Невскаго, св. Владиміра и пр. развѣшаны на немъ на красныхъ, голубыхъ и разноцвѣтныхъ лентахъ. Восемьдесятъ три

года мертвящею пирамидой воздвиглись надъ его головой; и этотъ трепещущій остовъ колышется въ своей каретѣ, запряженной восемью лошадьми, обѣдаетъ не иначе, какъ со стоящими за его креслами гайдуками и требуетъ, чтобы ему оказывали изъ вѣжливости всѣ тѣ же почести, которыя принадлежали ему по праву во дни его дѣйствительнаго значенія при дворѣ. Графъ Алексѣй Орловъ-Чесменскій своимъ богатствомъ превосходитъ всѣхъ владыкъ образованнаго міра и утопаетъ среди чисто-азіатской роскоши... Онъ тоже московскій призракъ... Таковъ же и генералъ Корсаковъ, осиротѣвшій фаворитъ, котораго можно почти назвать алмазнымъ видѣніемъ, и который, не взирая на свои морщины, еще лелѣетъ въ самомъ себѣ воспоминаніе о минувшемъ отличіи, возбудившемъ столько зависти въ средѣ его сверстниковъ».

Всѣхъ этихъ людей, которые были столпами московскаго общества, Вильмотъ характеризуетъ, какъ людей «бывшихъ» для Россіи, но еще очень живыхъ для Москвы, а тѣмъ самымъ не безразличныхъ и въ общемъ укладѣ жизни Россіи, высшихъ круговъ русскаго общества, разумѣется. Но за всѣмъ тѣмъ, поскольку они—москвичи, они являютъ изъ себя не очень отрадную картину по наблюденіямъ умной англичанки. По ея словамъ, «ими руководятъ тѣ же сплетни о придворныхъ увеселеніяхъ, то же тщеславіе, та же напыщенная гордость, то же чванство, и такъ же составляютъ все ихъ горе и радость, какъ будто и нѣтъ имъ дѣла до могилы, готовой разверзнуться передъ ихъ колеблющимися ногами и предать вѣчному забвенію ихъ позлащенныя существованія».

Эти московскіе старики жили какой-то неумирающей жизнью вродѣ знаменитыхъ московскихъ достопримѣчательностей—Царя-колокола и Царя-пушки: ни звонить, ни стрѣлять оба сооруженія не могутъ, а не подивиться ихъ существованію нельзя, и безъ нихъ не то что нѣтъ Москвы, но Москва была бы не Москвой! Ѳ. Ростопчинъ въ одномъ письмѣ-докладѣ своемъ императору Александру Павловичу такъ и говоритъ, что «безсмертные московскіе живутъ исправно: Остерманъ... разъѣзжаетъ по гостямъ. Мамоновъ почти молодецъ, хотя изъ 92 лѣтъ утаиваетъ восемь... Кн. Барятинскій, коего и сама смерть боится, принимаетъ визиты паралича и не можетъ съ жизнью ласково разстаться» и т. д.

Все это послѣдніе могикане Екатерининскихъ временъ для Ростопчина и его высокихъ корреспондентовъ. Но было время, когда вся московская жизнь шла по указкѣ, которую ей давали эти теперешніе старики. Это было во времена ихъ молодости, крѣпости и еще неизжитаго вліянія дѣйствительнаго, а не призрачнаго. Современникъ С. П. Жихаревъ говоритъ въ своихъ запискахъ, про А. Г. Орлова-Чесменскаго, что «какое-то очарованіе окружало богатыря Великой Екатерины, отдыхавшаго на лаврахъ въ просторѣ частной жизни, и привлекало къ нему любовь народную. Неограниченно было уваженіе къ нему всѣхъ сословій Москвы, и это уваженіе было данью не сану богатаго вельможи, но личнымъ его качествамъ». Человѣкъ прежде всего простой, здоровый тѣломъ и здравый умомъ, сильный физически до богатырства, онъ любилъ жить широко, привлекая всѣхъ въ свой гостепріимный обиходъ. Этотъ обиходъ у Чесмен-

ского, который и молодость свою прославилъ тѣмъ, что былъ кутила и весельчакъ-безшабашная голова, съ невѣроятной дерзостью, на ура, «раздѣлавшій вкупѣ съ братьями то событіе», въ результатѣ котораго Екатерина II очутилась Всероссійской самодержицей, и потомъ, на склонѣ его дней, носилъ все тотъ же характеръ гульбы и потѣхи довольно примитивнаго свойства: рысистые бѣга, кулачный бой, охота, голуби — всѣ удовольствія, которыя особенно были по душѣ московскому человѣку средняго и хорошаго достатку. У А. Г. Орлова всѣ эти удовольствія, благодаря его огромнымъ средствамъ, принимали только размѣры головокружительные, а для московской толпы это были ея собственные, только въ большемъ масштабѣ взятыя, увеселенія и удовольствія, къ которымъ радушный иниціаторъ этихъ увеселеній еще и любилъ привлекать толпу. Выѣздъ гр. Орлова на бѣга, гдѣ онъ самъ лично участвовалъ, выѣзжая на своихъ великолѣпныхъ рысакахъ, или его «голубиный гонъ», когда графъ, окруженный блестящей толпой московской знати, любовался, стоя на лугу, на полеты своихъ заводскихъ рѣдкостныхъ голубей, смотря на отраженіе стай ихъ въ огромной серебряной мисѣ, налитой ключевой водой, иллюминаціи, фейерверки, маскарады, когда въ народъ летѣли пригоршни мелкой серебряной монеты, кулачные бои, когда знаменитые бойцы получали щедрыя награды,—все это поддерживало постоянную связь московской толпы съ сіятельнымъ вельможей, и, такъ какъ каждое его появленіе въ народѣ обѣщало зрѣлище, то въ Москвѣ прямо сторожили выѣзды графа. «Молва вполголоса бѣжитъ съ губъ на губы: ѣдетъ, ѣдетъ, изволитъ ѣхать»,— разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ про Орлова П. И. Страховъ, впослѣдствіи заслуженный профессоръ Московскаго университета.—«Всѣ головы оборачиваются въ сторону, къ дому графа Алексѣя Григорьевича; множество любопытныхъ зрителей всякаго званія и лѣтъ разомъ скидаютъ шапки долой съ головъ и тихо, медленно опять надѣваютъ на головы, когда графъ проѣдетъ».

Основаніе огромному состоянію гр. А. Г. Орлова положили тѣ пожалованія землями, душами и деньгами, которыя онъ получилъ за іюньскіе дни 1762 г. Но главную массу его богатствъ, составили тѣ морскіе призы, которые онъ захватилъ во время войны съ турками, когда начальствовалъ русскимъ флотомъ въ Архипелагѣ. На эту экспедицію было отпущено въ его безотчетное распоряженіе около двадцати милліоновъ рублей, т. е., сумма, равнявшаяся безъ малаго половинѣ всего тогдашняго бюджета имперіи; современники увѣряютъ, что значительная часть этихъ денегъ осталась въ карманѣ Орлова. Вѣрно это или нѣтъ—трудно сказать, но... нравамъ той эпохи такой поступокъ не противорѣчилъ: «побѣдителя» не судили, только развѣ слегка осуждали, но зато много-его «удачѣ» завидовали. Не осуждали Чесменскаго и за ту тяжелую роль, которую ему пришлось сыграть въ Ропшѣ въ іюлѣ 1762 года.

Жилъ А. Г. Орловъ-Чесменскій подъ самой Москвой въ своемъ роскошномъ имѣніи—дачѣ Нескучномъ, которое теперь вошло въ черту города. Дворецъ Нескучнаго, построенный Орловымъ, купленъ былъ у его наслѣдницы императоромъ Николаемъ Павловичемъ и подъ именемъ Алек-

сандрійскаго сталъ однимъ изъ императорскихъ дворцовъ Москвы. Паркъ дворца, знаменитый Нескучный садъ, является однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ образцовъ садоваго искусства и можетъ посоперничать со многими образцовыми парками если не размѣрами, то по своему художественному расположенію и планировкѣ, въ которой искусство человѣка, не насилуя природы, только подчеркивало естественную красоту. Нескучный садъ расположенъ на полугорѣ, разбитъ на множество дорожекъ, холмовъ, долинъ, обрывовъ и полонъ различными бесѣдками въ формѣ павильоновъ, храмовъ, развалинъ, купаленъ. Всѣ эти памятники и постройки должны были напоминать подвиги и побѣды гр. А. Г. Орлова. При его жизни лѣтомъ ни одного праздника, ни одного воскресенья не обходилось безъ того, чтобы въ Нескучномъ саду не происходило какихъ-либо торжествъ и празднествъ. Особенно славились представленія въ «воздушномъ театрѣ». Это была большая крытая галлерея-ротонда для зрителей, сцена же была на открытомъ воздухѣ, при чемъ кусты и деревья служили фономъ, декораціями и кулисами для актеровъ. Представленія, которыя давались въ этомъ театрѣ, были большею частью незамысловатыми, но шумными аллегоріями, въ которыхъ подъ грохотъ пушекъ, бой барабановъ и литавръ, звонъ фанфаръ и трубъ прославлялись Петръ Великій, Екатерина II и самъ гр. А. Г. Орловъ-Чесменскій, при чемъ его всегда изображали на сценѣ въ образѣ Марса. Въ манежѣ Нескучнаго сада постоянно устраивались великолѣпныя и роскошныя каруселя, участниками которыхъ были молодые люди знатнѣйшихъ фамилій. Въ Нескучномъ дворцѣ, какъ и въ Московскомъ домѣ, у гр. Орлова былъ ежедневно открытый столъ, и къ обѣду могли пріѣзжать даже и незнакомые лично съ графомъ дворяне, только непремѣнно въ дворянскомъ мундирѣ, иначе графъ, усмотрѣвъ среди своихъ гостей «партикулярную» фигуру, непремѣнно спрашивалъ громко такого гостя: «Отъ кого вы, батюшка, присланы?» И когда незнакомый хозяину гость называлъ себя, графъ извинялся, что не разглядѣлъ: подъ старость плохо видитъ!

По смерти гр. А. Г. Орлова-Чесменскаго Нескучное было оставлено, заброшено и забыто его дочерью и наслѣдницей—графиней Анной Алексѣевной, знаменитой покровительницей архимандрита Фотія и ревностной послѣдовательницей проповѣдуемыхъ имъ аскетическихъ началъ. Запущенный Нескучный садъ сдѣлался тогда мѣстомъ гулянья низовъ московскаго общества. Здѣсь останавливались своими таборами цыгане, сюда съѣзжались и сходились гуляки и праздношатающіеся, здѣсь пили, играли въ карты и безобразили во всю. Къ 30-мъ годамъ XIX в. Нескучный садъ—мѣсто, пользующееся въ Москвѣ очень нелестной репутаціей. «На каждомъ шагу здѣсь», — пишетъ М. Н. Загоскинъ, — «встрѣчались съ вами купеческіе сынки въ длинныхъ сюртукахъ и шалевыхъ жилетахъ и замоскворѣцкіе франты въ венгеркахъ; не очень ловкія, но зато чрезвычайно развязныя барышни въ кунавинскихъ шаляхъ, накинутыхъ на одно плечо, вродѣ греческихъ мантій. Вокругъ трактира пахло пуншемъ, по аллеямъ раздавалось щелканье каленыхъ орѣховъ, хохотъ, громкіе разговоры, разумѣется на русскомъ языкѣ, иногда съ примѣсью французскихъ

словъ нижегородскаго нарѣчія... Изрѣдка вырывались фразы на нѣмецкомъ языкѣ, и можно было подслушать разговоръ какого-нибудь сѣдельнаго мастера съ подмастерьемъ булочника, которые, озираясь робко кругомъ, толковали между собою о дѣйствіяхъ своего квартальнаго надзирателя, о достовѣрныхъ слухахъ, что ихъ частный приставъ будетъ скоро смѣненъ и о разныхъ другихъ политическихъ предметахъ своего квартала. Съ изгнанія цыганскихъ таборовъ изъ Нескучнаго и уничтоженія распивочной продажи все это воскресное общество переселилось въ разныя загородныя мѣста и, въ особенности, въ Марьину рощу». Тогда въ Нескучномъ возникло заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ, потомъ просто садъ стоялъ запущеннымъ: воздушный театръ, т. е., его галлерея, былъ проданъ на сломъ, великолѣпный мостъ черезъ оврагъ-ущелье обрушился, бесѣдки и павильоны развалились. Такъ все было, пока за возстановленіе былого величія не взялось дворцовое вѣдомство. Но и послѣ этого Нескучный не сдѣлался прежнимъ любимымъ мѣстомъ праздничнаго отдыха и гулянья москвичей. Онъ умеръ въ этомъ смыслѣ вмѣстѣ со своимъ основателемъ.

Пока Нескучный переживалъ эту свою агонію, ему тихо и незамѣтно выросъ соперникъ, перетянувшій къ себѣ симпатіи москвичей. Это былъ знаменитый до сихъ поръ Петровскій паркъ возлѣ построеннаго Екатериной II «въ готическомъ вкусѣ» Петровскаго дворца. «Въ началѣ XIX-го вѣка Петровскій паркъ»,—по выраженію М. Н. Загоскина,— «былъ еще въ младенчествѣ, но онъ мужалъ не по днямъ, а по часамъ, и вдругъ, какъ бы волшебствомъ, возникли на чистомъ полѣ прекрасныя дачи, разостлались широкія дороги, зазеленѣли бархатные луга, усыпанные куртинами, поднялся красивый портикъ театра, прекраснаго, какъ игрушка, на которую нельзя было не полюбоваться, и выросло изъ земли огромное зданіе вокзала (увеселительнаго сада) со всѣми своими принадлежностями. Вся Москва хлынула за Тверскую заставу; Нескучное опустѣло»...

За Тверскую заставу хлынула Москва высшихъ и среднихъ круговъ общества, а простой праздновалъ и веселился больше въ Марьиной рощѣ и въ Сокольникахъ. Затѣмъ люди всѣхъ слоевъ общества мѣшались въ многочисленныхъ московскихъ садахъ — частныхъ, дворцовыхъ или казенныхъ. Такихъ садовъ, доступныхъ для всѣхъ, считалось въ Москвѣ около первой четверти XIX в. шесть, кромѣ ботаническаго, впрочемъ мало посѣщавшагося. Изъ городскихъ садовъ лучшими и наиболѣе посѣщаемыми были: Дворцовый садъ за Москвой-рѣкой, Нескучный, Лефортовскій или Слободской садъ и Прѣсненскіе пруды. «Кремлевскіе сады прекрасны», — говоритъ М. Н. Загоскинъ,—«но они болѣе походятъ на затѣйливые бульвары, чѣмъ на сады. Весною лучшее московское общество гуляетъ до обѣда на Тверскомъ бульварѣ, а купцы послѣ обѣда въ Кремлевскихъ садахъ. Въ этихъ же садахъ есть довольно обширный лугъ, который такъ же, какъ и Тверской бульваръ, можетъ назваться аристократическимъ гуляньемъ, но только не взрослыхъ, а дѣтей», которыхъ свозили сюда со всей Москвы погулять подъ присмотромъ разряженныхъ нянь и воспитательницъ. Кромѣ общественныхъ садовъ, для публики были доступны

сады многихъ частныхъ владѣльцевъ, гордившихся другъ передъ другомъ убранствомъ своихъ садовъ. Садъ при домѣ гр. Разумовскаго на Гороховомъ полѣ занималъ пространство болѣе 20 десятинъ. Это было собственно цѣлое помѣстье среди города—садъ, какъ лѣсъ, а въ саду прудъ-озеро. М. Н. Загоскинъ такъ описываетъ одинъ садъ частнаго владѣльца: «Сколько въ этомъ саду необычайныхъ и особеннаго рода красотъ! Какое дивное смѣшеніе истины съ обманомъ! Вы идете по крытой аллеѣ, въ концѣ ея стоитъ огромный солдатъ во всей формѣ. Не бойтесь—онъ алебастровый. Вотъ на небольшой лужайкѣ посреди оранжерейныхъ цвѣтовъ лежитъ корова... Какая неосторожность!.. Успокойтесь—она глиняная. Вотъ китайскій домикъ, греческій храмъ, готическая башня, крестьянская изба; вотъ гуси и павлины, вотъ живая горная коза, вотъ деревянный русскій баранъ; вотъ прудъ, мостики, плоты, шлюпки и даже... военный корабль! Однимъ словомъ, вы на каждомъ шагу встрѣчаете что-нибудь неожиданное, новое, и все это, если не ошибаюсь, на одной десятинѣ земли». Кромѣ городскихъ садовъ, въ распоряженіи московскаго обывателя были пригородные парки богатыхъ владѣльцевъ и парки ихъ подмосковныхъ.

Въ эти загородные парки ѣздили ужъ на цѣлый день запасшись провизіей, даже со своимъ самоваромъ, на случай, если «столики» у обосновавшихся около этихъ загородныхъ гульбищъ «самоварщицъ» всѣ будутъ заняты. Любимыми мѣстами гулянья простого народа, какъ сказано выше, были Ваганьково кладбище за Прѣсненской заставой, Сокольники и Марьина роща—тоже старое кладбище, въ двухъ шагахъ отъ Сущевскаго кладбища. «Это мѣсто самыхъ буйныхъ забавъ, пьянства и цыганскихъ пѣсенъ окружено со всѣхъ сторонъ кладбищами. Въ этой Марьиной рощѣ все кипитъ жизнью и все напоминаетъ о смерти. Тутъ среди древнихъ могилъ гремитъ разгульный хоръ цыганокъ; тамъ на гробовой плитѣ стоитъ самоваръ, бутылки съ ромомъ, и пируютъ русскіе купцы. Здѣсь у самой насыпи, за которой подымаются могильные кресты Лазарева кладбища, раздается удалая хороводная пѣсня: кругомъ мертвые спятъ непробуднымъ сномъ, а толпа живыхъ, безпечно посматривая на эту юдоль плача, скорби и тлѣнія, гуляетъ, веселится и безумствуетъ, не думая ни мало о смерти». Отчего происходитъ это совершенное равнодушіе къ мѣсту, которое должно бы возбуждать не веселье, не житейскіе помыслы, но чувство грусти и умиленія?—спрашиваетъ М. Н. Загоскинъ и отвѣчаетъ себѣ догадкой: «Ужъ не остатокъ ли это языческихъ обычаевъ? Въ древнія времена мы справляли тризну по усопшимъ; въ наше время простой народъ пьетъ вино и гуляетъ на поминкахъ почти такъ же, какъ на свадебномъ пиру; слѣдовательно, измѣнилось одно только названіе этого обычая. Быть можетъ, въ старину русскій народъ любилъ такъ же, какъ и теперь, сбираться въ извѣстные дни пировать на гробахъ своихъ предковъ и передалъ этотъ обычай своимъ потомкамъ».

Аристократическая, дворянская Москва конца XVIII-го и начала XIX-го в.в. прогуливалась преимущественно по Тверскому бульвару и на Прѣсненскихъ прудахъ, гдѣ, впрочемъ, собиралось общество болѣе смѣшаннаго характера. Тогда Тверской бульваръ современники описывали еще, какъ часть «вала», и съ внѣшней стороны характеризовали мѣстность,

какъ «жалкое гульбище для обширнаго и многолюднаго города, какова Москва». По описанію И. А. Второва Тверской бульваръ начала 1800 годовъ представлялъ изъ себя такую картину: «Среди широкой улицы сдѣлана перспектива болѣе версты длиною, укатанная ровно и усыпанная пескомъ; на обѣихъ сторонахъ ея, во всю длину, посажены деревья, а обѣ стороны улицы и площадь заставлены каретами пріѣзжающихъ туда для прогулки дамъ и кавалеровъ, которыхъ всегда бываетъ по нѣскольку тысячъ. Тутъ можно видѣться съ знакомыми, ходить, сидѣть на разставленныхъ по всему проспекту софахъ, а въ галлереѣ, построенной на бульварѣ, пить чай, лимонадъ и оршадъ, лакомиться конфетами и мороженымъ». К. Н. Батюшковъ въ своей статьѣ «Прогулка по Москвѣ», написанной въ самомъ началѣ 1800-хъ годовъ, разсказываетъ, что «стеченіе народа, прекрасныя утра апрѣльскія и тихіе вечера майскіе привлекаютъ сюда толпы праздныхъ жителей. Хорошій тонъ, мода требуютъ пожертвованій: и франтъ, и кокетка, и старая вѣстовщица, и жирный откупщикъ скачутъ въ первомъ часу утра съ дальнихъ концовъ Москвы на Тверской бульваръ. Какіе странные наряды, какія лица! Здѣсь вы видите пріѣзжаго изъ Молдавіи офицера—внука вотъ этой ветхой красавицы, наслѣдника этого подагрика, которые не могутъ налюбоваться его пестрымъ мундиромъ и невинными шалостями; тутъ вы видите провинціальнаго щеголя, который пріѣхалъ перенимать моды, и который, кажется, пожираетъ глазами счастливца, прискакавшаго на почтовыхъ съ береговъ Секваны (т. е., изъ Парижа) въ голубыхъ панталонахъ и въ широкомъ безобразномъ фракѣ. Здѣсь красавица ведетъ за собой толпу обожателей, тамъ старая генеральша болтаетъ съ своей сосѣдкой, а возлѣ нихъ откупщикъ, тяжелый и задумчивый, который твердо увѣренъ въ томъ, что Богъ создалъ одну половину рода человѣческаго для винокуренія, а другую для пьянства, идетъ медленными шагами съ прекрасной женой и съ карломъ. Университетскій профессоръ въ епанчѣ, которая могла бы сдѣлать честь покойному Кратесу, пробирается домой или на свою пыльную кафедру. Шалунъ напѣваетъ водевили и травитъ прохожихъ своимъ пуделемъ, между тѣмъ, какъ записной стихотворецъ читаетъ эпиграмму и ожидаетъ похвалы или приглашенія на обѣдъ. Вотъ гулянье, которое я посѣщалъ всякій день и почти всегда съ новымъ удовольствіемъ. Совершенная свобода ходить взадъ и впередъ съ кѣмъ случится, великое стеченіе людей, знакомыхъ и незнакомыхъ, имѣли всегда особенную прелесть для лѣнивцевъ. Для праздныхъ и для тѣхъ, которые любятъ замѣчать физіономіи... Прибавлю къ этому: на гулянье пріѣзжаютъ одни, чтобы отдыхать отъ заботъ, другіе—ходить и дышать свѣжимъ воздухомъ; женщины пріѣзжаютъ собирать похвалы, мужчины удивляться».

Тверской бульваръ описывали въ прозѣ, разсыпая по всему трактату восклицательные знаки восхищенія, воспѣвали въ стихахъ. Тутъ несомнѣнно бился пульсъ радостности, веселаго довольства московской жизни, тѣхъ слоевъ населенія, которые составляли «общество». Съ бульвара «жаль уйти». Одинъ изъ тогдашнихъ любителей стишковъ «сочинилъ» даже сатиру на Тверской бульваръ, которую такъ и начиналъ:

Жаль разстаться мнѣ съ бульваромъ,
Туда не хотя идешь,
Тамъ глядишь на милыхъ даромъ
И успѣхи даромъ пьешь:
Вездѣ группою прекрасны
Представляются глазамъ.
О! сколь стрѣлы ихъ опасны
И сколь пагубны сердцамъ.

И далѣе авторъ — шестнадцатилѣтній, титулярный юнкеръ кн. Волконскій — перечисляетъ одного за другимъ посѣтителей и посѣтительницъ бульвара, отмѣчая не всегда остроумно, но всегда задѣвая по больному мѣсту тѣхъ, кого упоминаетъ. Тутъ и Шепелева «въ пышныхъ утваряхъ своихъ» и ея супругъ:

«Гусаръ—мужъ ея въ мундирѣ—
Себѣ въ голову забралъ,
Что красавца, какъ онъ, въ мірѣ
Еще рѣдко кто видалъ.
Усы—мѣрой въ полъ-аршина
Отростилъ всѣмъ на показъ,—
Пресмѣшная образина
Шепелевъ въ глазахъ у насъ...

Вотъ «бѣжитъ сломя голову» Анюта Трубецкая, даря всѣхъ улыбкой, а

За ней дѣдушка почтенный
По слѣдамъ ея идетъ;
Покой внучки драгоцѣнной
Пуще глаза бережетъ...

Тутъ и братъ молодого поэта-автора «въ пюсовомъ жилетѣ» идетъ съ Дуровой:

«Оба тяжко воздыхаютъ,
И бульваръ имъ уже не милъ:
Отъ любви они страдаютъ...
. . . . . .
Вотъ поповичъ Малиновскій
Выступаетъ также тутъ;
За нимъ тоненькій Витковскій,
Въ коемъ жиру тридцать пудъ...
Вотъ и Майковъ, музъ губитель,
Декламируя идетъ;
Какъ театра управитель,
Онъ актеровъ всѣхъ ведетъ.

И такъ далѣе авторъ перечисляетъ обычныхъ выдающихся посѣтителей.

Для полноты картины нравовъ стоитъ упомянуть, что это упражненіе въ «ювеналовомъ родѣ» обошлось дорого «титулярному юнкеру». По жалобѣ потерпѣвшихъ, его «въ исправленіе развращенной его нравственности» рѣшили было по приговору Совѣстнаго суда посадить на хлѣбъ и на воду на одинъ мѣсяцъ. Начальникъ князя Волконскаго рѣшилъ, что та-

кое наказаніе неприлично для дворянина, и просилъ государя «онаго кн. Волконскаго, какъ, по образу поведенія своего къ исправленію не совсѣмъ надежнаго, обратить въ военную службу для выслуги», но императоръ Александръ Павловичъ утвердилъ приговоръ суда, и московскаго сатирика, кажется, посадили на хлѣбъ и на воду.

Съ внѣшней стороны прогуливавшіеся на бульварѣ представляли очень пестрое зрѣлище. Уже къ концу XVIII-го в. исчезли почти изъ обихода типичные для XVIII-го вѣка наряды и одежды. Революціонный Парижъ, сметая всѣ воспоминанія о временахъ «тиранніи», сталъ одѣваться такъ, чтобы не походить внѣшнимъ обликомъ на прежнихъ «слугъ короля»,—и вотъ новые citoyen'ы вмѣсто треугольныхъ шляпъ надѣли круглыя, вмѣсто башмаковъ—сапоги, вмѣсто длиннаго жилета-камзола — короткій жилетъ, вмѣсто короткаго сравнительно кафтана — длинный сюртукъ или фракъ англійскаго образца, вмѣсто шпаги сбоку citoyen взялъ въ руки очень увѣсистую дубинку, которую именовалъ droit de l'homme, косичку убралъ совсѣмъ, какъ и пудру, и остригся чуть не наголо, оставивъ спереди изрядный чубъ, размѣрами не меньше прежней косицы сзади. Словомъ, въ области моды и одежды послѣ революціи преслѣдовали одно: одѣться и держать себя такъ, чтобы все и въ человѣкѣ и на человѣкѣ было противоположно всему принятому въ XVIII-омъ в. И московскіе франты не отстали отъ парижскихъ. Статскіе носили въ началѣ 1800-хъ годовъ круглыя шляпы и англійскіе фраки. Фраки шились уже не изъ штофа и шелковыхъ матерій, какъ кафтаны въ XVIII-омъ в., а изъ сукна и легкихъ шерстяныхъ матерій разныхъ цвѣтовъ, но не яркихъ; плюсовый фракъ и синіе панталоны—это былъ обычный ходовой нарядъ. Франты ходили тогда по улицамъ лѣтомъ въ длиннополомъ до каблуковъ сюртукѣ, съ высокимъ отложнымъ воротникомъ, въ узкихъ, обтягивавшихъ ноги панталонахъ, входившихъ у половины икръ въ сапоги съ гусарской вырѣзкой и кисточкой спереди; на шею навертывали нѣсколько косынокъ, чтобы составить широкій и высокій галстукъ, который скрывалъ всю нижнюю часть лица чуть не до верхней губы; большой бантъ этого галстука расправлялся по модѣ въ видѣ розана. Затылокъ и виски выстригались подъ гребенку, а на головѣ, надъ лбомъ, оставлялся густой и довольно высокій клокъ волосъ, который нужно было взбивать и причесывать въ кольца. Лорнетъ на широкой лентѣ и палица droit de l'homme дополняли нарядъ московскаго франта; зимой, конечно, все это великолѣпіе скрывалось подъ болѣе или менѣе роскошной шубой и шапкой. Современники отмѣчаютъ нѣкоторую странность въ нарядахъ москвичей: вѣчно у нихъ въ чемъ-нибудь или что-нибудь преувеличено, особенно то, что модно. Относительно дамскихъ нарядовъ современники постоянно указываютъ ихъ роскошь, блескъ, модность, но все съ прибавленіемъ своего московскаго отпечатка. Миссъ Вильмотъ для начала XIX-го в., М. Н. Загоскинъ уже для 20-хъ и 30-хъ годовъ говорятъ о московскихъ франтихахъ чуть не въ однихъ выраженіяхъ. Пунцовый беретъ при зеленомъ платьѣ, желтая шаль на розовомъ нарядѣ — это въ Москвѣ какъ-то принято. Загоскинъ такъ прямо и говоритъ о «совершенной ненависти «московскихъ дамъ» ко всякому однообразію и симметріи».

«Посмотрите»,—говоритъ онъ,—«на ея головной уборъ—какая пестрота, какое смѣшеніе яркихъ цвѣтовъ, не имѣющихъ между собою никакой гармоніи; какое странное сближеніе стараго съ новымъ. Надъ жемчужной поднизью старинной русской боярыни приколоты цвѣты изъ французскаго магазина, посреди тяжелыхъ ожерельевъ и монистъ блеститъ новомодная севинье; на рукахъ длинныя лайковыя перчатки, а на ногахъ черные коты съ красной оторочкою; на одной рукѣ парижскій браслетъ, на другой — запястье, осыпанное драгоцѣнными камнями,—ну, точно мѣняльная лавка! И что жъ вы думаете?.. Несмотря на эту пестроту и безвкусіе, у всѣхъ языкъ не повернется сказать, что этотъ нарядъ дуренъ; можетъ быть, онъ вамъ даже и понравится. Впрочемъ, надобно вамъ сказать, что это нарядъ домашній, а когда она выѣзжаетъ, такъ, увѣряю васъ, вы не распознаете ее отъ француженки; только не требуйте отъ нея, чтобы она, ради европейства, отморозила себѣ носъ или уши: этого она ни за что не сдѣлаетъ, и если холодно, такъ надѣнетъ непремѣнно сверхъ тюлеваго чепца теплую шапочку, и вовсе не постыдится, даже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, выйти погулять въ салопѣ на лисьемъ мѣху, несмотря на то, что въ ея гардеробѣ есть и клоки, и манто, и даже бурнусъ, который она выписала прямехонько изъ Парижа».

Москва вообще изстари славилась чудаками и оригиналами, которые точно цѣлью жизни поставили себѣ жить не какъ всѣ, а по-своему, и поступать во всемъ обратно общепринятому; и въ Москвѣ это не только никого не раздражало, а, напротивъ, такіе чудаки пользовались всеобщими симпатіями, можетъ быть, за то развлеченіе, за ту возможность поговорить и посудачить, которую они доставляли своимъ согражданамъ, тѣмъ болѣе, что эти сограждане и сами любили ни въ чемъ мѣры не знать. «Московскіе щеголи и щеголихи ничего не дѣлаютъ наполовину»,—пишетъ въ своихъ мемуарахъ С. П. Жихаревъ,—«отличаться, такъ отличаться! подавай золоченыя колеса, красную сафьянную сбрую съ позолоченнымъ наборомъ, который горѣлъ бы какъ жаръ; подавай лошадей — львовъ и тигровъ, съ гривою ниже колѣнъ... А какъ одѣть кучеровъ иначе, какъ въ бархатные кафтаны, голубые, зеленые, малиновые съ бобровыми опушками, съ какою-то блестящей оторочкой». На эту обмундировку кучеровъ, упряжь лошадей и на экипажи тратились тысячи; зато какое соревнованье богатства, какой блескъ, пестрота, роскошь, своя, московская роскошь на гуляньѣ въ Петровскомъ паркѣ, на Прѣсненскихъ прудахъ, на гуляньѣ 1-го мая въ Сокольникахъ»!

Щегольнуть старались не одной роскошью, но и оригинальностью: «Извѣстный богачъ Д.», — разсказываетъ М. Н. Загоскинъ, — «выѣхалъ однажды въ такомъ экипажѣ, что ужъ подлинно ни перомъ описать, ни въ сказкѣ разсказать,—все наперекоръ симметріи и здравому смыслу: на запяткахъ трехъ-аршинный гайдукъ и карлица, на козлахъ кучеромъ мальчишка лѣтъ десяти, а форейторомъ старикъ съ сѣдой бородой, лѣвая коренная съ верблюда, правая съ мышь. Другой баринъ не покажется на гуляньѣ иначе, какъ верхомъ, съ огромной [redacted]ковой трубкой, а за нимъ цѣлый поѣздъ конюховъ съ заводскими лошадьми, покрытыми персидскими

коврами и цвѣтными попонами. Третій не хочетъ ничего дѣлать, какъ люди: зимой ѣздитъ на колесахъ, а лѣтомъ на полозьяхъ; четвертый... да гдѣ перечесть всѣхъ нашихъ московскихъ затѣйниковъ. Воля, братецъ!.. Народъ богатый, отставной; что пришло въ голову, то и дѣлаетъ...» Гуляющіе пѣшкомъ тоже могли похвастать оригиналами: «Вотъ какой-то чудакъ, несмотря на ясный лѣтній день, идетъ закутанный въ шубу, въ бархатныхъ сапогахъ и въ собольей шапкѣ; за нимъ идетъ слуга съ термометромъ для наблюденій господина, который болѣе полувѣка простужается». «Какъ проводите вы въ Москвѣ лѣто?—спросилъ я при встрѣчѣ»,—пишетъ въ своихъ запискахъ В. Н. Погожевъ,—«съ однимъ однокашникомъ моимъ, вышедшимъ въ отставку и живущимъ въ Москвѣ.—«По утрамъ бродимъ или толкаемся по городу, — отвѣчалъ онъ, — потомъ гуляемъ по Александровскому саду, ѣздимъ въ театръ или въ Марьину рощу, или въ Сокольники, или на Воробьевы горы. Впрочемъ, лучшія семейства выѣзжаютъ въ подмосковныя деревни. А зимою все, что современное просвѣщеніе, роскошь и праздность могли придумать, все у нихъ въ Москвѣ въ употребленіи и составило искусство или науку подъ названіемъ savoir vivre и égorger le temps. Утренніе визиты, званые и за-просто обѣды, вечера, балы, собранія, театры и маскарады — вотъ времяпрепровожденіе лучшаго типа московскихъ людей и пріѣзжающихъ изъ деревень, съ супругами и дочками, съ тугонабитыми бумажниками и кошельками».

По утрамъ въ тогдашней Москвѣ, особенно въ праздничные и воскресные дни, было принято ѣздить въ церковь къ обѣднѣ. Нѣкоторые храмы было особенно принято посѣщать. Въ этихъ избранныхъ московскимъ обществомъ храмахъ служба начиналась позднѣе обыкновеннаго и отправлялась особенно торжественно. Прекрасные хоры пѣвчихъ и голосистые представительные дьякона считались необходимостью. «Пѣвчіе въ Шереметевской больницѣ привлекаютъ въ церковь много богомольцевъ»,—пишетъ современникъ.—«Сюда простого народа не пускаютъ. Церкви Голицынской больницы, Коммерческаго училища, прихода Василія Блаженнаго, Вознесенія Господня (на Никитской ул.), Всѣхъ Скорбящихъ Божіей Матери и Никиты Мученика (на Старой Басманной) наиболѣе посѣщаются высшимъ обществомъ. Вознесенскій и Алексѣевскій монастыри посѣщаются также; но мнѣ удивительнымъ показалось видѣть въ Алексѣевскомъ монастырѣ монахинь зашнурованными. Въ Даниловскій монастырь съѣзжается также много, особенно молодыхъ барынь, миленькихъ вдовушекъ и барышенъ. А для чего особенно? Вотъ для чего. Здѣсь есть молодой, красивый собой монахъ, постриженный въ это званіе изъ купцовъ. Всѣ желаютъ посмотрѣть на него, полюбоваться имъ. Его называютъ русскимъ аббатомъ»...

Отъ обѣдни ѣхали домой обѣдать. Обѣды были ранніе, если не приглашали гостей. Но какой же праздничный обѣдъ въ богатомъ московскомъ домѣ мыслимъ былъ безъ гостей? Различали только большіе и малые обѣды; это значитъ, больше или меньше гостей ждали и только. Москва издавна славилась своимъ хлѣбосольствомъ и гостепріимствомъ, и лучшіе дома соперничали другъ съ другомъ постановкой своей кухни. У нѣкоторыхъ москвичей ѣда превращалась прямо въ какой-то культъ, и вся жизнь шла

отъ обѣда до ужина, а отъ завтрака до обѣда, а тамъ снова до ужина, съ короткими промежутками для сна или для прогулки въ экипажѣ. Даже москвичи смѣялись надъ такими любителими поѣсть и называли ихъ дома «поварскими собраньями». Поваръ въ такихъ домахъ былъ первый человѣкъ. Если этотъ артистъ своего искусства былъ крѣпостной, владѣтель цѣнилъ его въ десятки тысячъ, если же это былъ наемный французъ, то онъ получалъ у иного богача жалованье, которому позавидовалъ бы губернаторъ. Проѣдались въ Москвѣ цѣлыя состоянія. В. П. Оленина большую часть своего имѣнія и около 1000 душъ промотала на обѣды и ужины; къ ней вся Москва ѣздила званая и незваная; подъ старость эта хлѣбосолка жила въ крайней бѣдности, чуть не въ нищетѣ. За то у ней подавали зимой дыню въ 6 рублей, французскій пирогъ въ 30 рублей, устрицы въ избиліи по 12 р. сотня и все на серебрѣ. Парадный обѣденный столъ устраивался обыкновенно покоемъ и сервированъ былъ смотря по состоянію хозяина; дорогой фарфоръ и хрусталь, серебряная и даже золотая посуда, зеркальныя и серебряныя плато, фонтанчики съ виномъ и духами разставлялись съ большимъ вкусомъ и очень искусно; лѣтомъ скатерть усыпали цвѣтами. Гости, мужчины, собирались въ залѣ, пожилыя дамы занимали гостиную, а дѣвицы диванную. Каждый гость-мужчина, здороваясь, цѣловалъ ручки хозяекъ и всѣхъ знакомыхъ дамъ и барышень, а онѣ цѣловали его въ лобъ. До обѣда обязательно закусывали, послѣ закуски по докладу дворецкаго, что кушать подано, шли попарно—кавалеры предложивъ руки дамамъ въ залъ или столовую; мужчины садились по одну сторону стола, дамы по другую; мѣста занимали по чинамъ и по положенію. За каждымъ гостемъ стоялъ особый слуга съ тарелкой въ лѣвой рукѣ, чтобы при перемѣнѣ блюдъ тотчасъ же поставить на мѣсто прежней чистую; если у хозяина не хватало своей прислуги, то за стульями гостей становились пріѣхавшіе съ ними ихъ же лакеи.

Хлѣбосольство Москвы вошло въ пословицу, какъ и умѣнье ѣсть и любовь поѣсть. Перемѣнъ кушаній было, по отзыву современниковъ, «многое-множество», и за обѣдомъ, случалось, сидѣли часа три, четыре. Послѣ обѣда переходили въ гостиную, гдѣ столъ передъ диваномъ ломился подъ тяжестью вазъ съ фруктами и со всякими сластями; слуги разносили кофе и ликеры; мужчины могли курить,—по тогдашнему обыкновенію курили трубки. Въ кабинетѣ хозяина, въ диванной, въ маленькой гостиной раскладывались ломберные столы, и охотники до карточной игры садились за свое увлекательное занятіе. Большинство гостей разъѣзжались скоро послѣ обѣда—часовъ въ семь, восемь вечера, такъ какъ обѣды начинались часа въ три или четыре. «Здѣсь пиры блещутъ всѣми дарами четырехъ временъ года»,—разсказываетъ миссъ Вильмотъ,—«при этомъ цѣлые хоры музыки раздаются и, такъ сказать, гармонизируютъ со всѣми яствами, вамъ предлагаемыми». Далѣе она описываетъ, для примѣра, званый обѣдъ у генерала Кнорринга. «Когда мы пріѣхали»,—пишетъ она,—«то насъ ввели въ переднюю, гдѣ тридцать или сорокъ слугъ въ богатыхъ ливреяхъ кинулись снимать съ насъ шубы, теплые сапоги и пр. Затѣмъ мы увидѣли

въ концѣ цѣлаго блестящаго ряда изукрашенныхъ и ярко-освѣщенныхъ комнатъ самого генерала, съ старомодной почтительностью ползущаго къ намъ навстрѣчу, отражаясь въ зеркалахъ со всѣхъ сторонъ и даже вверхъ ногами въ зеркальныхъ потолкахъ, осыпаннаго орденами и поспѣшавшаго встрѣтить насъ въ дверяхъ передней съ неустанными поклонами. Когда онъ поцѣловалъ намъ руки, а мы его въ лобъ, то онъ провелъ насъ черезъ разные великолѣпные покои (но, странно сказать, безъ ковровъ), покуда мы дошли до закуски, т. е., стола, уставленнаго водками, икрою, сыромъ, маринованными сельдями, кругомъ котораго стоитъ обыкновенно все общество и лакомится въ ожиданіи картъ, за которыми сидятъ до двухъ или трехъ часовъ (дня). Тогда каждый мужчина подставляетъ свой локоть дамѣ, и вся эта процессія изъ тридцати или сорока паръ торжественно выступаетъ подъ звуки музыки и садится за трехчасовое обѣденное торжество. Всѣ горничныя, образуя цѣлый женскій хоръ, стоятъ толпою въ дверяхъ и поютъ національныя пѣсни съ аккомпаниментомъ скрипокъ и другихъ инструментовъ. Маленькій китаецъ и маленькій арапченокъ въ присвоенныхъ имъ костюмахъ, черкешенка въ прелестномъ одѣяніи своей отчизны, калмычка въ княжескомъ костюмѣ (все дополнительныя принадлежности домашняго быта) съ присоединеніемъ къ нимъ еще нѣсколькихъ рабовъ, полоненныхъ въ военное время или полученныхъ въ подарокъ, бѣгаютъ кругомъ стола для потѣхи общества, иногда поютъ, иногда прыгаютъ, при чемъ ихъ цѣлуютъ и одѣляютъ сластями.

«Когда мы тою же процессіей, которой вступили въ столовую или вѣрнѣе въ обѣденную галлерею, вернулись въ гостиную, наше развлеченіе заключалось въ томъ, что тѣ же и еще другія дѣвицы забавляли насъ различными плясками, покуда мы распивали нашъ кофе и заказывали имъ различныя національныя представленія по внушенію нашего любопытства. Но вотъ приносятъ свѣчи, зажигаются люстры, приставляются къ окнамъ транспаранты, вмѣсто ставней, и, когда только что настаетъ вечеръ—всѣ разъѣзжаются и оставляютъ хозяевъ однихъ. Насъ тогда всѣхъ укутываютъ и везутъ домой часовъ въ шесть или въ половинѣ седьмого (вечера), какъ разъ въ томъ настроеніи, когда особенно не по вкусу холодныя, пустыя и уединенныя комнаты». Иногда, впрочемъ, гости оставались и на вечеръ. Это были любители карточной игры по преимуществу. «Не знаю»,—пишетъ М. Н. Загоскинъ,—«найдется ли во всей Европѣ городъ, въ которомъ выходило бы такъ много картъ, какъ у насъ въ Москвѣ. Карты! да безъ нихъ ступить нельзя; онѣ такъ же необходимы для жизни нашего общества, какъ воздухъ необходимъ для жизни человѣка. Во всѣхъ клубахъ играютъ, на всѣхъ вечерахъ играютъ, на всѣхъ балахъ играютъ, и даже почти на всѣхъ обѣдахъ играютъ въ карты, т. е., начинаютъ свои партіи до обѣда и оканчиваютъ ихъ послѣ. Конечно, бываютъ изрѣдка вечера, на которыхъ стараются замѣнить карты разговоромъ, чтеніемъ, ученою бесѣдою, но на этихъ вечерахъ, обыкновенно, бываетъ не очень тѣсно, и гости рѣдко сидятъ до полуночи».

Карточная игра особенно культивировалась и процвѣтала въ знаменитомъ Англійскомъ клубѣ, основанномъ въ 1802 году. Этотъ клубъ помѣ-

щался сначала на Петровкѣ, въ домѣ, гдѣ теперь Новая Екатерининская больница, и только послѣ 1812 г. клубъ перешелъ въ домъ, бывшій гр. Разумовскаго на Тверской, гдѣ находится и теперь. Попасть въ члены Англійскаго клуба было очень трудно. Очереди ждали по десяти и болѣе лѣтъ, но баллотироваться въ члены этого клуба считалъ своей обязанностью всякій истый «благородный» москвичъ, иначе ему чего-то и очень существеннаго не хватало въ жизни. Существовало въ первой половинѣ XIX-го в. еще три клуба — Дворянскій, Купеческій и Нѣмецкій, но это все было слабое подражаніе: подъ словомъ «клубъ» просто разумѣли только Англійскій. Въ Москвѣ посмѣивались на ту тему, что знатному человѣку можно считать въ своей жизни четыре рѣшительныхъ періода: рожденіе, производство въ первый чинъ, женитьбу и поступленіе въ члены Англійскаго клуба!

Но клубъ съ картами и пересудами на темы «обо всемъ, а больше ни о чемъ» былъ доступенъ только для мужчинъ. Дамамъ оставались вечера у знакомыхъ и родныхъ, балы и театры; днемъ домашняя жизнь нѣсколько разнообразилась поѣздкой на Кузнецкій Мостъ во французскіе магазины, къ портнихамъ, шляпочницамъ и т. п. Эти магазины дѣлали превосходныя дѣла: про знаменитую модистку Шальме разсказывали, что она бросила свой магазинъ и ушла съ арміей Наполеона изъ Москвы, оставивъ въ своей лавкѣ одного товару болѣе чѣмъ на полмилліона рублей. Если эта сумма и преувеличена молвой, то все же она говоритъ за широкую постановку дѣла у m-me Шальме. Но когда дамская Москва, что называется, шалѣла и цѣлые дни проводила въ лавкахъ и магазинахъ Гостинаго Двора, Ильинки, Никольской и Кузнецкаго Моста,—такъ это въ періодъ «дешевки». Издавна установили въ торговой Москвѣ обычай распродавать на Ѳоминой недѣлѣ остатки товаровъ и всякую мануфактурную заваль съ большой скидкой — только бы сбыть и освободить мѣсто. «На этомъ торгу продаются только одни остатки»,—разсказываетъ М. Н. Загоскинъ,—«начиная отъ дорогого бархата, до самыхъ дешевыхъ тафтяныхъ лентъ, отъ воздушныхъ газовъ и индѣйской кисеи до толстаго миткаля и тридцатикопѣечныхъ ситцевъ, отъ мягкаго шелковистаго терно до грубаго фриза, и отъ бѣлоснѣжнаго батиста до простой посконной холстины. Этотъ торгъ остатками получилъ свое начало отъ стариннаго обычая московскихъ купцовъ, которые предоставляли въ пользу своихъ сидѣльцевъ всѣ мелкіе остатки отъ товаровъ, скопившіеся въ лавкѣ въ теченіе цѣлаго года. Разумѣется, эта лоскутная продажа давно уже измѣнила своему первобытному назначенію. Теперь пользуются выгодами этой торговли не сидѣльцы, а сами купцы. Главное стеченіе покупщиковъ бываетъ обыкновенно на Ильинкѣ, по которой въ эти дни рѣшительно нѣтъ проѣзду. Если вы захотите когда-нибудь взглянуть на этотъ временный толкучій рынокъ московскихъ барынь, то я совѣтую вамъ пробраться сквозь пеструю толпу ихъ внизъ по Ильинкѣ до магазина г.г. Матьясовъ и посмотрѣть, какъ безчисленныя покупщицы выходятъ изъ него по довольно крутой лѣстницѣ. Издали это должно вамъ показаться какимъ-то разноцвѣтнымъ водопадомъ, котораго голубыя, желтыя, бѣлыя, розовыя и всѣхъ

Кру́глая комната и залъ въ подмосковной кн. Шаховского.—„Бѣлая Колпь“.

возможныхъ цвѣтовъ волны льются безпрерывно на улицу. Вблизи вы разсмотрите, что это не волны, а женскія шляпки, и даже съ прискорбіемъ замѣтите, что многія изъ нихъ сдернуты на сторону, оборваны, исковерканы и превращены въ такіе странные головные уборы, что имъ нельзя пріискать никакого приличнаго названія. Если вы человѣкъ смѣлый и рѣшительный, то есть, не боитесь ни тѣсноты, ни толчковъ, ни этихъ острыхъ локтей, которые будутъ впиваться въ ваши бока, то присоединитесь къ какой-нибудь отдѣльной дамской толпѣ, которая собирается взять приступомъ эту лѣстницу. Ступайте смѣло впередъ, толкайте направо и налѣво и не теряйте времени на вѣжливыя извиненія: въ этой давкѣ никто и ни въ чемъ не извиняется. Послѣ нѣкоторыхъ неудачныхъ попытокъ, вы успѣете наконецъ, вмѣстѣ съ вашей толпой, ворваться въ сіе хранилище всевозможныхъ остатковъ. Не думайте, однакожъ, чтобъ вамъ удалось подойти къ прилавку, а и того менѣе—купить что-нибудь. Нѣтъ, это дѣло невозможное! Вы все-таки мужчина, и хотя рѣшились толкать женщинъ, однакожъ, драться съ ними, вѣрно, не захотите. Разумѣется, вы прижметесь къ стѣнкѣ, и если останетесь тутъ на нѣсколько минутъ, то, вѣрно, будете свидѣтелемъ многихъ сценъ смѣшныхъ, забавныхъ, а иногда даже и немножко отвратительныхъ. Вы увидите, какъ женщины, повидимому, довольно порядочныя, вырываютъ другъ у друга какой-нибудь лоскутъ гривенной тафтицы; вы услышите, какъ онѣ переругиваются межъ собой. Извините—это выраженіе не слишкомъ благородно, но другого я никакъ придумать не могу...»

На первой недѣлѣ великаго поста дамская половина Москвы увлечена другимъ торгомъ «на льду», т. е., собственно на Москворѣцкой набережной, гдѣ продается преимущественно всякая великопостная снѣдь. Но сюда съѣзжается главнымъ образомъ купеческая Москва, а дворянская посылаетъ своихъ дворецкихъ и барскихъ барынь:—въ дворянскіе дома великопостной снѣди достаточно доставлено изъ деревень и прикупать мало что нужно.

Зимой по вечерамъ дворянская Москва отдаетъ дань баламъ и танцовальнымъ вечерамъ, которые назначаются у богатыхъ людей въ опредѣленные дни. По понедѣльникамъ у Обольянинова, — какъ разсказываетъ Н. Г. Левшинъ, — по вторникамъ у кн. П. М. Дашкова, по средамъ у Н. А. Дурасова и т. д. Къ Обольяниновымъ,—по словамъ Н. Г. Левшина, — съѣзжалось столько, что нельзя было помѣститься, такъ что многіе запоздавшіе, не входя въ домъ, возвращались именно потому, что ступить негдѣ, отъ жары свѣчи гасли. Настоящіе англійскіе рауты, — съ ироніей замѣчаетъ Н. Г. Левшинъ. По словамъ А. М. Тургенева «въ продолженіе зимы, начиная съ послѣдней половины ноября, каждый день бывало 40—50 баловъ въ дворянскихъ домахъ. Менѣе 4000 человѣкъ на вторникахъ въ дворянскомъ собраніи не бывало».

Обстановка московскаго бала начала 1800-хъ годовъ описывается въ воспоминаніяхъ современниковъ такъ: Обыкновенно въ 6 часовъ вечера зажигались двѣ плошки у крыльца, а фонарь освѣщалъ путь отъ воротъ къ дому. На лѣстницѣ, по стѣнамъ, зажигались у людей богатыхъ восковыя, а у тѣхъ, что побѣднѣе, сальныя свѣчи, которыя таяли и оплывали. Въ прихожей цѣлая

свѣча, обыкновенно стоящая въ бутылкѣ съ отбитымъ горлышкомъ, перемѣщалась въ жестяной подсвѣчникъ. Въ люстрахъ, канделябрахъ и стѣнныхъ бра горѣли обыкновенно свѣчи-ашлике (сало, налитое въ восковой чехолъ), также оплывавшія; жирандоли отражались въ зеркалахъ, стоящихъ въ простѣнкахъ; на окнахъ маканыя свѣчи (сальныя, толсто-фитильныя) воткнуты были въ деревянные некрашеные треугольники съ тремя жестяными горлышками для свѣчей по концамъ. Особые мальчики-казачки должны были слѣдить, чтобы оплывавшія свѣчи не коптили и не чадили, для этого казачки, вооруженные особыми щипцами, бѣгали постоянно среди гостей и снимали нагаръ въ кружку съ водой, которую тоже имѣли при себѣ. Масляныя лампы были въ началѣ XIX-го в. роскошью, которой обзавелись только очень немногіе богачи. Освѣщеніе было вообще такое слабое, «что отъ одного конца залы до другого нельзя узнать другъ друга».

Пріѣздъ гостей возвѣщался звонкомъ, который давалъ швейцаръ съ подъѣзда. Особый громогласный лакей докладывалъ фамилію прибывшихъ. Хозяева встрѣчали гостей у передней и вели въ гостиную, гдѣ начинались взаимныя привѣтствія гостей. На миссъ Вильмотъ эти громкія привѣтствія произвели не очень пріятное впечатлѣніе и заставили ее сказать о московскихъ дамахъ, что «хотя онѣ и отличаются почти общей наружностью на французскій ладъ, хотя французскій языкъ признается господствующимъ въ ихъ обществѣ и туалеты тоже, и что хотя юное поколѣніе воспитывается француженками и французскими аббатами, но при всемъ томъ, онѣ большею частью не могутъ назваться ни благовоспитанными, ни пріятными дамами, а только исключительно подражательницами, и потому часто пересаливаютъ во внѣшнихъ пріемахъ и ухваткахъ, нисколько не заботясь о той гармонической прелести въ обращеніи, которая преобладаетъ и такъ плѣняетъ во Франціи. Когда московскія барыни оглядѣли васъ съ головы до ногъ, перецѣловали раза четыре или разъ шесть вмѣсто двухъ, поручили себя вашей вѣчной дружбѣ, въ шутливомъ тонѣ и прямо вамъ въ лицо провозгласили, что вы прелестны, разспросили о цѣнѣ каждаго предмета въ вашемъ нарядѣ и выразили свои предположенія насчетъ большей или меньшей удачи предстоящаго бала въ Благородномъ собраніи—болѣе отъ нихъ уже ожидать нечего. Едва ли мысли ихъ могутъ простираться далѣе, развѣ только, чтобы бранить русскихъ ювелировъ и восхищаться искусству французскихъ». Приговоръ англійской путешественницы, конечно, слишкомъ строгъ и бьетъ немного сплеча, но, какъ массовой отзывъ, онъ не расходится съ тѣми впечатлѣніями, какія оставили намъ русскіе наблюдатели. Какъ могли вести себя и держать иначе дамы, подвиги которыхъ на «дешевкѣ» такъ картинно описалъ Загоскинъ. Правда, между описаніемъ Вильмотъ и картиной Загоскина лежитъ промежутокъ лѣтъ въ тридцать слишкомъ, но это говоритъ только за правдивость отзыва англичанки.

«Балъ открывался «длиннымъ польскимъ», тянувшимся извилистой полосой по всѣмъ комнатамъ. Въ переднихъ парахъ шли почтенные и знатные гости, старики въ звѣздахъ и лентахъ, ведя галантно своихъ тоже «кавалерственныхъ» дамъ; степенные старички и почтенныя старушки въ шутку то щеголевато кланяются, то присѣдаютъ. Не попавшіе въ польскій

мужчины одинъ за другимъ останавливаютъ первую пару и, хлопнувъ въ ладоши, отбиваютъ даму. Кавалеры отвоеванныхъ дамъ достаются сзади идущимъ дамамъ и переходятъ отъ одной къ другой; кавалеръ въ послѣдней парѣ оказывается въ одиночествѣ. Иной стоически переноситъ остракизмъ и отправляется къ одному изъ карточныхъ столовъ или въ буфетъ отдохнуть отъ своихъ подвиговъ, а иной, преслѣдуемый словами: «усталъ! въ отставку! на покой!», бѣжитъ къ первой парѣ и отбиваетъ даму. «Смѣхъ, толкотня, недосказанныя рѣчи, недослушанные отвѣты, жданыя и нежданыя встрѣчи, извиненія, шутки и прибаутки весело кончаютъ длинный польскій». Не обходится дѣло и безъ чисто московскаго явленія, сразу заставляющаго наблюдателя вспомнить обстановку петровскихъ ассамблей: въ кругъ танцующихъ вдругъ врывается шутъ и, припѣвая подъ музыку какія-то не слишкомъ пристойныя риѳмы, пускается догонять въ присядку первую пару. За польскимъ слѣдовали «легкіе танцы—экосезъ и экосезъ-кадриль; мазурка въ началѣ 1800-хъ годовъ еще только входила въ обиходъ баловъ, французскую кадриль еще совсѣмъ не танцовали, а вальсъ хотя и считался тогдашними строгими маралистами танцемъ не совсѣмъ приличнымъ, московскіе кавалеры и дамы танцовали съ особымъ увлеченіемъ и одушевленіемъ, заставляя восхищаться красотой и изящнымъ умѣньемъ вальсировать даже пріѣзжихъ иностранцевъ, знатоковъ этого дѣла. Заканчивался тогдашній балъ особымъ танцемъ въ родѣ котильона—danse à la grecque съ множествомъ фигуръ, выдумываемыхъ первою парою, и сопровождавшійся бѣготней по всѣмъ комнатамъ. Бальная музыка, обыкновенно изъ крѣпостныхъ артистовъ, въ большинствѣ была очень плоха; помѣщались оркестры на хорахъ и количествомъ музыкантовъ богаты не были.

Москва умѣла остаться Москвой даже и на свѣтскомъ балу, внося въ это европейское удовольствіе нѣчто совершенно не вяжущееся съ нашимъ представленіемъ о балѣ. М. Н. Загоскинъ разсказываетъ, какъ онъ со своимъ знакомымъ, будучи на балу въ среднемъ дворянскомъ домѣ, прошелъ вторую гостиную и остановился въ дверяхъ небольшого покоя, который, вѣроятно, по случаю бала, превратился изъ спальни въ пріемную комнату. Посреди этой комнаты стоялъ длинный столъ, покрытый разными галантерейными вещами. Золотыя колечки, сережки, запонки, цѣпочки, булавочки и всякія другія блестящія бездѣлушки разложены были весьма красиво во всю длину стола, накрытаго краснымъ сукномъ. За столомъ сидѣлъ старикъ съ напудренной головой, въ черномъ фракѣ и шитомъ разными шелками атласномъ камзолѣ. Наружность этого старика была весьма пріятная, и, судя по его благородной и даже нѣсколько аристократической физіономіи, трудно было отгадать, какимъ образомъ онъ могъ попасть за этотъ прилавокъ. Да, прилавокъ,—потому что онъ продалъ при насъ двумъ дамамъ, одной—золотое колечко съ бирюзой, а другой—небольшое черепаховое опахало съ золотой насѣчкою; третья барышня, лѣтъ семнадцати, подошла къ этому прилавку, вынула изъ ушей свои сережки и сказала:—«Вотъ, возьмите! Маменька позволила мнѣ промѣнять мои серьги. Только, воля ваша, вы много взяли придачи; право, десять рублей много!»—«Ну, вотъ еще много!» прервалъ купецъ,—«да твои се-

режки и пяти рублей не стоятъ!»—«Ахъ, что вы, князь!»—возразила барышня,—«да я за нихъ двадцать пять рублей заплатила!»—«Князь!»—повторилъ я шопотомъ.—«Да»,—сказалъ мнѣ на ухо пріятель,—«это отставной бригадиръ князь Н. *** Онъ промоталъ четыре тысячи душъ наслѣдственнаго имѣнія и теперь, видишь, чѣмъ промышляетъ. Ты будешь часто встрѣчать его сіятельство съ этимъ же самымъ подвижнымъ магазиномъ; съ нѣкотораго времени онъ сдѣлался почти необходимою принадлежностью всѣхъ баловъ».

Итакъ—шутъ съ непристойной пѣсенкой среди танцующихъ, торгашъ, быть можетъ, ростовщикъ—вѣдь на балахъ въ карты играютъ и проигрываютъ—среди гостей. Современники отмѣчаютъ эти явленія, какъ курьезъ московской жизни, и, конечно, это были курьезы, но терпимые московскимъ обществомъ, а, слѣдовательно, характеризовавшіе и самый культурный уровень этого общества.

Неизмѣнной принадлежностью каждаго бала былъ буфетъ съ прохладительными напитками, мороженымъ, чаемъ со всякими сластями; сюда спасались отъ духоты и копоти танцевальныхъ залъ. Въ буфетѣ, обставленномъ по стѣнамъ прилавками, на которыхъ въ хрустальныхъ чашахъ лежали грудами плоды и конфекты, въ граненыхъ разноцвѣтныхъ графинахъ стояли освѣжительные напитки, и кипѣла вода въ серебряномъ самоварѣ, постоянно и безъ перерыву толпились гости, волною смѣняя другъ друга. Добраться до прилавка всегда было трудно. «Пока мы дожидались нашей очереди»,—разсказываетъ современникъ,—«чтобы напиться лимонаду, одинъ приземистый баринъ успѣлъ пропустить въ себя пять чашекъ чаю и проглотить съ полдюжины сдобныхъ булочекъ; но, по крайней мѣрѣ, онъ ничѣмъ не запасался, а въ двухъ шагахъ отъ него какая-то пожилая барыня преспокойно набивала конфектами свой огромный ридикюль, который начиналъ уже принимать форму довольно увѣсистаго кулька»... Пушкинъ, какъ современникъ, очень невысокаго мнѣнія о московскомъ обществѣ, въ которомъ онъ такъ много бывалъ: На балахъ, по его словамъ,

....всѣхъ занимаетъ
Такой безсвязный, полный вздоръ,
Все въ нихъ такъ блѣдно, равнодушно;
Они клевещутъ даже скучно;
Въ безплодной сухости рѣчей,
Вопросовъ, сплетенъ и вѣстей,
Не вспыхнетъ мысли въ цѣлы сутки,
Хоть невзначай, хоть наобумъ,
Не улыбнется томный умъ,
Не дрогнетъ сердце хоть для шутки.
И даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!..

Зато встрѣчалось другое.

Отличительной чертой большихъ московскихъ баръ было то, что принято называть самодурствомъ—грубость не безъ нѣкоторой доли даже остроумія въ своемъ проявленіи при увѣренности: «мнѣ» все можно. Современники разсказываютъ намъ о такихъ «оригиналахъ», которые собранія и балы у себя кончали тѣмъ, что становились среди зала и орали: «Heraus!»—то есть, «вонъ», или, взявъ у музыканта волторну, трубили «ре-

тираду», т. е., военный сигналъ объ отступленіи, и гости должны были уходить. Для нравовъ эпохи важно, однако, не то, что такіе грубые чудаки были, а то, что грубость, которую они позволяли себѣ, москвичей не задѣвала. Эту грубость не только прощали, но ждали всякій разъ, какъ необходимое завершеніе вечера. Похоже на то, что нравилось просто то, до какой степени самодурства можетъ дойти тотъ или иной большой баринъ. Обижаться и не собирались. «Да чѣмъ тутъ обижаться»,—приводитъ М. Н. Загоскинъ слова своего пріятеля-москвича,—«всѣ знаютъ, что добрый хозяинъ радъ своимъ гостямъ, а что ужъ у него такая привычка; у него всѣ балы такъ оканчиваются...» «И, дѣйствительно»,—продолжаетъ Загоскинъ,—«всѣ казались и веселы и спокойны, какъ будто бы не случилось ничего необыкновеннаго». Были чудаки и чудачки, которые ставили себѣ въ правило и обязанности говорить «правду» всѣмъ въ глаза и часто говорили просто грубости, снискивая аплодисменты однихъ, обиду, а то и грубую реплику отъ другихъ. Въ началѣ 1800-хъ годовъ такой присяжной московской правдолюбицей была почтенная дама старуха Офросимова. «Старушка Офросимова»,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ В. Н. Погожевъ,—«играетъ весьма значительную роль на сценѣ московскаго большого свѣта. Судитъ, рядитъ, поправляетъ всѣхъ, даетъ законы общежитія и нарядовъ, и все послушно ей и покорно. Но бывали случаи, что иные дерзали возставать противъ ея деспотизма. Такъ, напримѣръ, въ одномъ многолюдномъ и блестящемъ обществѣ г-жа Офросимова вздумала за что-то одному изъ модныхъ московскихъ франтовъ, извѣстному петиметру Асташевскому, дѣлать замѣчанія, но онъ осмѣлился рѣзко ей возразить. Тогда она сказала ему:—«Ахъ, батюшка, вишь какъ разсвирѣпѣлъ! Пожалуйста, не съѣшь меня».—«Будьте спокойны, милостивая государыня»,—хладнокровно отвѣчалъ Асташевскій,—«я магометанинъ!»

Кромѣ многочисленныхъ зимою баловъ въ частныхъ домахъ, вся Москва собиралась по вторникамъ на балы-концерты въ Благородномъ собраніи. Здѣсь собиралось, по словамъ кн. П. А. Вяземскаго, отъ трехъ до пяти тысячъ человѣкъ. «Это былъ настоящій съѣздъ Россіи, начиная отъ вельможи до мелкаго помѣстнаго дворянства, отъ статсъ-дамы до скромной уѣздной невѣсты, которую родители привозили въ собраніе, чтобы на людей посмотрѣть, а особенно себя показать и при успѣхѣ выйти замужъ». Обширный и великолѣпный залъ Благороднаго собранія не имѣлъ себѣ подобныхъ въ Россіи. По описанію современниковъ, во время баловъ, концертовъ и маскарадовъ, которые здѣсь устраивались московскимъ дворянствомъ, все блистало роскошью, великолѣпіемъ, красотой и элегантностью. Залы и гостиныя, кромѣ люстръ, освѣщались еще цвѣтными стаканчиками. На концерты собирались около 8 час. вечера, но слушали музыку или пѣніе очень мало: разговоръ былъ до того шуменъ, что заглушалъ не только пѣніе, но и оркестръ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали минуты, когда музыка кончится, и затѣмъ начинался «променадъ»: ходили кругомъ зала тѣ, которые хотѣли себя показать, а которые предпочитали другихъ посмотрѣть,—тѣ сидѣли на скамьяхъ и стульяхъ, разставленныхъ по стѣнамъ кругомъ всей залы.

На собраньи, по словамъ поэта,

...«тѣснота, волненье, жаръ,
Музыки грохотъ, свѣчъ блистанье,
Мельканье, вихорь быстрыхъ паръ,
Красавицъ легкіе уборы,
Людьми пестрѣющіе хоры,
Невѣстъ обширный полукругъ
Всѣ чувства поражаютъ вдругъ.
Здѣсь кажутъ франты записные
Свое нахальство, свой жилетъ
И невнимательный лорнетъ.
Сюда гусары отпускные
Спѣшатъ явиться, прогремѣть,
Блеснуть, плѣнить и улетѣть...
. . . . . .

Общая характеристика поэта, жалующагося на пустоту московскаго общества, совпадаетъ съ воспоминаніями современниковъ... «Въ собраніи»,—пишетъ въ своихъ запискахъ И. А. Второвъ,—«бываетъ лучшее и блестящее общество и наблюдается болѣе нежели гдѣ-нибудь благопристойности и вѣжливости... Много молодыхъ людей, прекрасно образованныхъ и скромныхъ, но едва ли не больше глупыхъ, вѣтреныхъ, шарлатановъ, избалованныхъ счастьемъ и богатствомъ. Я много замѣтилъ такихъ, которые, тщеславясь купленными мальтійскими орденами, выказывали свою модную прическу, большое жабо до нижней губы и высокіе воротники на мундирахъ. Всѣ такіе шарлатаны были въ очкахъ, не для пособія зрѣнію, а для моды. Тогда (начало 1800-хъ годовъ) въ общія собранія иначе нельзя было появиться, какъ не въ мундирѣ. Были и фраки для частныхъ домовъ, но особаго покроя, вродѣ французскихъ кафтановъ, однобортные и со стоячимъ воротникомъ»... Впрочемъ, слишкомъ франтить не дозволялось верховной властью, и собственникъ очень моднаго, а потому казавшагося эксцентричнымъ костюма рисковалъ иногда очутиться... въ полиціи! Правда, это были павловскія времена, когда франтовъ, одѣтыхъ въ «запрещенную одежду», полицейскіе солдаты раздѣвали даже на улицахъ. Распространяя очень широко свое право печься о благочиніи и благопристойности, нѣкоторые градоправители считали своей обязанностью цензуровать и бальную одежду. Вотъ, что случилось разъ въ Благородномъ собраніи, по словамъ И. А. Второва.—«Молодой щеголь, изъ лучшей фамиліи, одѣтъ былъ такъ каррикатурно, что воротникъ у фрака торчалъ выше головы, а жабо его галстука закрывало нижнюю губу. Г. Эртель (тогдашній московскій оберъ-полицеймейстеръ) подходитъ къ нему и съ вѣжливостью напоминаетъ молодому человѣку о непристойности такого наряда, не говоря уже о воротникѣ, потому что такихъ было еще много, кромѣ его, по крайней мѣрѣ, приказываетъ ему перевязать свой галстукъ; онъ обѣщалъ исполнить, но спустя нѣсколько времени опять встрѣчается съ нимъ и въ томъ же видѣ и опять далъ то же обѣщаніе. Въ третій разъ, уже спустя долго, г. Эртель замѣтилъ то же и, подойдя къ нему, сказалъ:—«Вы не хотите меня послушать?»—«Да, помилуйте, ваше превосходительство, со мною здѣсь нѣтъ камердинера,

кто мнѣ будетъ перевязывать галстукъ?»—«А! такъ у васъ нѣтъ камердинера»,—сказалъ Эртель и, подозвавъ полицейскаго офицера, приказалъ взять ослушника. Бѣднаго франта вывели подъ руки изъ Собранія. Благоразумные одобривали оберъ-полицеймейстера, а глупые роптали на него»,—сентенціозно заканчиваетъ свой разсказъ И. А. Второвъ. Но и когда павловскія времена миновали, все равно одѣвшійся эксцентрично франтъ рисковалъ всегда объясненіями съ полиціей.

«Молодой человѣкъ тѣхъ временъ, желающій быть принятымъ въ большомъ свѣтѣ»,—пишетъ В. Н. Погожевъ,—«необходимо долженъ имѣть слѣдующія качества: говорить по-французски, танцовать, знать хотя по названіямъ сочиненія новѣйшихъ авторовъ, судить о ихъ достоинствѣ, порицать старыхъ и все старое, разбирать играемыя на театрахъ піесы, умѣть завести споръ о музыкѣ, сѣсть за фортепіано и взять небрежно нѣсколко аккордовъ, или сыграть что-нибудь затверженное, или промурлыкать романсъ или арію; знать наизусть нѣсколько стишковъ любимаго дамами или моднаго современнаго поэта. Но главнѣе всего—это играть въ карты по большой и быть одѣтымъ по модѣ... Кто не говоритъ по-французски, долженъ отказаться отъ знакомства съ такъ называемымъ высшимъ обществомъ или тонными дамами... Кто имѣетъ всѣ эти достоинства, тотъ можетъ съ честью явиться на сцену моднаго свѣта. Нынѣ не спрашиваютъ, есть ли у такого франта душа, а сколько именно душъ? Никто не хочетъ знать, откуда г. N. N. беретъ деньги на карточную игру и на прочія модныя жизненныя потребности. Все равно; старинное правило—не все золото, что блеститъ—обратилось въ слѣдующую аксіому, или, лучше сказать, гипотезу: что блеститъ, то и золото».

Дамы въ свою очередь не отставали отъ модъ и употребляли всѣ усилія, чтобы, согласно требованіямъ тогдашней парижской указки, изображать изъ себя нимфъ, грацій и богинь. «Кто любилъ картины и статуи, тотъ не могъ пожаловаться на тогдашнюю (начала 1800-хъ годовъ) моду дамскаго наряда и невольно поддавался увлеченію. Въ золотой вѣкъ Греціи о красотѣ женскаго платья судили по точности, съ которою оно обозначало формы тѣла, и потому древнія гречанки употребляли матеріи легкія и прозрачныя. Къ тому же стремились и московскія дамы». «Смотрю въ публичныхъ собраніяхъ на молодыхъ красавицъ XIX-го в.,»—пишетъ современникъ (1802 г.),—«и думаю, гдѣ я? Въ Мильтоновомъ ли раю, въ которомъ милая натура обнажалась передъ взоромъ блаженнаго Адама, или въ кабинетѣ живописца, гдѣ красота являлась служить моделью для Венерина портрета во весь ростъ?» А красавицъ въ Москвѣ было много,—это призналъ даже К. Н. Батюшковъ въ своей иронической статьѣ-письмѣ—«Прогулка по Москвѣ»: «Какое множество прелестныхъ женщинъ!»—восклицаетъ онъ.—«Москву по истинѣ можно назвать Цитерою». Блескъ мундировъ и орденовъ, красота дамскихъ нарядовъ и брилліантовъ, шумъ, говоръ, музыка, танцы—создавали въ общемъ живую и интересную по внѣшнему виду картину [1]).

---

[1]) Н. Дубровинъ. «Русская жизнь въ началѣ XIX-го в.»

Такимъ образомъ вторники въ Благородномъ собраніи, давали возможность пріѣзжимъ видѣть «всю Москву», а для самихъ москвичей были истинной школой того, что тогда называли «людкостью». «Мы всѣ, молодые люди тогдашняго поколѣнія»,—пишетъ кн. П. А. Вяземскій,—«торжествовали въ этомъ домѣ вступленіе свое въ возрастъ свѣтлаго совершеннолѣтія. Тутъ учились мы любезничать съ дамами, влюбляться, пользоваться правами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, покоряться обязанностямъ общежитія. Тутъ учились мы и чинопочитанію и почитанію старости. Для многихъ изъ насъ эти вторники долго теплились свѣтлыми днями въ лѣтописяхъ сердечной памяти».

Знакомство, завязавшееся на Собраніи или въ частномъ домѣ молодой человѣкъ тѣхъ временъ считалъ необходимымъ закрѣпить личнымъ визитомъ по возможности на другой день послѣ того, какъ былъ представленъ. Визиты дѣлали тогда очень рано – часовъ около 11 утра; посѣщали, разумѣется, при этомъ и вообще знакомыхъ и друзей. Обыкновенно у франтоватаго молодого человѣка все утро до обѣда уходило на визиты, если онъ не ѣхалъ на бульваръ; «были такіе «львы», которые ѣздили въ каретахъ, не запирая дверей—такъ много было визитовъ и такъ близко жили ихъ знакомые другъ отъ друга».

Если франтъ не успѣвалъ съѣздить съ визитомъ лично или не могъ почему-либо, то посылалъ съ лакеемъ въ «манкированный» домъ визитную карточку. Карточки въ началѣ XIX-го в. были цвѣтныя, тисненыя, съ гирляндами, каймами, съ рисунками—амуры и цвѣты, нимфы, даже просто гербъ владѣльца. Но съ 20-хъ—30-хъ годовъ визитныя карточки стали дѣлать простыя бѣлыя «лакированныя» безъ всякихъ украшеній. «Въ Новый Годъ и на Святой»,—пишетъ современникъ,—«самый большой расходъ визитнымъ карточкамъ. Лакеи на извозчикахъ, верхомъ и пѣшкомъ рыскаютъ по всему городу. Москва такъ велика, что эта развозка билетовъ бываетъ иногда весьма затруднительна и тягостна; напримѣръ, если вы живете у Калужской заставы и должны послать карточку къ Лефортовскому дворцу, то вашему человѣку придется сдѣлать въ два конца, т.-е. туда и назадъ, безъ малаго двадцать пять верстъ. Впрочемъ, разносчики билетовъ находятъ средство облегчать свои труды: у нихъ есть сборныя мѣста, главное изъ нихъ въ Охотномъ ряду; тамъ они сличаютъ свои списки и мѣняются визитными карточками. Разумѣется, это не всегда бываетъ безъ ошибокъ. Иногда вамъ отдадутъ карточку какого-нибудь барина, съ которымъ вы вовсе незнакомы, или заставятъ васъ поздравить съ праздникомъ человѣка, съ которымъ вы не хотѣли бы и встрѣтиться».

Московскія дамы вели не менѣе подвижной образъ жизни. «Прежде дѣвицы»,—пишетъ современникъ,—«ѣздили только въ церковь, въ домъ родственниковъ и друзей, а теперь (1810 г.) сами родители—ежедневно трясутъ ихъ въ каретахъ, знакомятъ со множествомъ домовъ, развозятъ по гостямъ, театрамъ, маскарадамъ и гуляньямъ,—однимъ словомъ, употребляютъ всѣ средства, чтобы отучить ихъ отъ куколъ и заставить выбрать одну живую, т. е., мужа».

«Ухаживанье» или «вздыханье» царили на всѣхъ сходбищахъ московскаго общества. Не имѣть своего «предмета» считалось просто недостойнымъ. Нельзя сказать, чтобы московское общество культивировало особую строгость нравовъ въ своей средѣ. «Повѣсничество» и «ловеласничество» были очень поощряемымъ занятіемъ, и на мелкіе грѣшки и проступки въ этой сферѣ, если не доходило до громкаго скандала, въ московскомъ обществѣ умѣли смотрѣть сквозь пальцы—видя и не видя. «Тогда (начало 1800-хъ годовъ) свиданіе было сопряжено съ большими затрудненіями, не то что нынѣ (1840-ые годы)»,—пишетъ А. М. Тургеневъ.—«Объ эмансипаціи дамы наши тогда не имѣли понятія, даже слово эмансипасіонъ не было употребительнымъ въ разговорѣ. Тогда не только ночью, да и днемъ дамы и дѣвицы по улицамъ однѣ не бѣгивали: если и шла дама или дѣвица пѣшкомъ, ее сопровождалъ всегда служитель. Правда, тогда не было у насъ тротуаровъ, зато жены и дочери наши не слыхали того, что нынѣ на тротуарахъ, и особенно вечеркомъ, слышатъ. О, просвѣщеніе! о, эмансипація! нынѣ все такъ обдумано, придумано, такъ устроено, приспособлено, на всякомъ шагу готовы удобства, возможность! Все такъ прилажено, соглашено, соображено, иглы не подточишь! Напримѣръ, couturière, что можетъ быть простѣе и невиннѣе сего ремесла? Да въ магазинѣ два входа, одинъ съ улицы, другой со двора, и особая есть комната для примѣриванія корсета. Café-restaurant avec chambres closés (кофейный домъ съ отдѣльными комнатами), кондитерскія avec un cabinet pour jaser (съ кабинетомъ поболтать)»... Такъ какъ тогдашняя дама не могла просто выйти изъ дому, а должна была выѣхать въ каретѣ или колескѣ съ лакеями на запяткахъ, то въ случаѣ нужды, карета оставлялась у подъѣзда модной лавки, черезъ другую дверь дама выходила снова на улицу, нанимала извозчика и ѣхала, куда ей было надобно, а затѣмъ возвращалась снова въ магазинъ, выходила съ покупками, садилась въ свою карету и ѣхала домой. Но это все уже интимная сторона жизни, опасности и неожиданныя препятствія которой преодолѣвалъ каждый, какъ умѣлъ, а что умѣли—въ этомъ, не можетъ быть сомнѣній.

Въ обществѣ женщина хорошаго тона, чтобы съ честью поддерживать свою репутацію, должна была казаться спокойной, ровной, безстрастной, не выказывать ни особаго вниманія, ни повышеннаго любопытства, должна была владѣть собой въ совершенствѣ:

И что ей душу ни смутило,
Какъ сильно ни была она
Удивлена, поражена,

надо чтобы ей

... ничто не измѣнило;

чтобы

Въ ней сохранился тотъ же тонъ,
Былъ также тихъ ея поклонъ.

Но эта сдержанность вовсе не должна переходить въ холодную неподвижность статуи. Нѣтъ, женщина должна быть живой вдохновительни-

цей общества, и поэтъ современникъ, цитируемый Н. Дубровинымъ, пишетъ о женщинѣ своей эпохи (1811 г.), что

... Нынче лесть изображаетъ
Красавицу съ огнемъ въ глазахъ,
Въ которыхъ пылкій умъ блистаетъ
И дѣлаетъ пожаръ въ сердцахъ.
Вокругъ обстрижену кудрями,
Богиней, граціей зовутъ
И страстно томными стихами
Въ романсахъ ей хвалу поютъ.
Старинный цвѣтъ лица не въ модѣ,
Онъ грубъ для нашихъ нѣжныхъ чувствъ,
Хвалить его не ловко въ Одѣ,
Намъ нуженъ сталъ соборъ искусствъ.
Красавица, взамѣнъ поклона,
Съ улыбкой любитъ присѣдать,
Въ бесѣдѣ франта-вѣтрогона
Ученою себя казать»...

Эта «ученость» не выходила, конечно, за предѣлы простой начитанности, да и то преимущественно въ области изящной литературы, но природный умъ, изящество внѣшняго облика, талантливое умѣнье во-время и мѣтко блеснуть оригинальнымъ замѣчаніемъ или сужденіемъ, создавали нѣкоторымъ дамамъ славу «учености», и онѣ собирали около себя такихъ людей, какъ Карамзинъ, Жуковскій, кн. Вяземскій, А. С. Пушкинъ и его друзья. Создавались литературные салоны, но ихъ было очень немного. Обычай и приличіе требовали, чтобы женщина, интересовавшаяся наукой и литературой, не подавляла въ себѣ этими интересами женственности, не была бы

....семинаристомъ въ желтой шалѣ
Иль академикомъ въ чепцѣ...

не походила бы на засохшаго въ книгахъ педанта, у котораго на одно собственное сужденіе приходятся тысячи запыленныхъ и захватанныхъ мнѣній различныхъ авторитетовъ, въ которыхъ тонетъ и путается его собственная, вѣчно все «изучающая» мысль. Считалось неудобнымъ для тогдашней дамы или дѣвицы подчеркивать свой интересъ къ книгѣ. «Мнѣ чрезвычайно хотѣлось»,—писала одна своей подругѣ,—«подойти къ столу (въ Собраніи), на которомъ лежатъ газеты и журналы, но дамы къ нему не подходятъ, хотя комнату, въ которой онъ поставленъ, проходятъ безпрестанно» [1]).

Конечно, на ряду съ истинно-образованными цѣнительницами изящной литературы и умной книги, было много каррикатурныхъ явленій, которыя именно стремились пустить пыль въ глаза тѣмъ, что умѣютъ держать въ рукахъ книгу и кстати и не кстати, днемъ и ночью, перелистывали печатныя страницы, заботясь не только о томъ, чтобы читать, а о томъ, чтобы ихъ видѣли читающими. Такія дамы, по выраженію М. Н. Загоскина, отъ нечего

[1]) Н. Дубровинъ. «Русская жизнь въ началѣ XIX в.»

дѣлать, обыкновенно на склонѣ дней, «прикидывались» страстными любительницами словесности и по-неволѣ русской: въ Москвѣ нѣтъ французскихъ литераторовъ; такая дама ставила себѣ въ обязанность покровительствовать всѣмъ молодымъ писателямъ, отыскивать геніевъ и открывать *громадные* таланты. «Въ Парижѣ была когда-то госпожа Графиньи,—почему же не быть ей и въ Москвѣ?» И вотъ такая дама заводитъ у себя литературныя бесѣды и чтенія. «Ей какъ-то не удается заманить на свои вечера ни извѣстныхъ литераторовъ, ни первоклассныхъ московскихъ львицъ и львовъ; но зато въ ея домѣ вы можете встрѣтить проникнутыхъ европеизмомъ русскихъ барынь, которыя или пріѣхали изъ-за границы или собирались ѣхать за границу; художниковъ, которыхъ замѣчательныя произведенія разбросаны по всѣмъ московскимъ альбомамъ; иностранцевъ, по большей части путешествующихъ для своей забавы и разныхъ торговыхъ оборотовъ; съ полдюжины писателей, которые еще ничего не написали; одного или двухъ геніевъ не вовсе еще зрѣлыхъ, но готовыхъ при первомъ удобномъ случаѣ вспыхнуть и озарить новымъ свѣтомъ всю вселенную, и цѣлую толпу глубокихъ *мыслителей*, которые, доживъ до двадцати лѣтъ успѣли все испытать, все перечувствовать и всѣмъ надоѣсть»...

Но, конечно, не эти немного каррикатурныя дамы, хотя ихъ и было большинство, давали блескъ дамскому обществу тогдашней Москвы. Большіе наши поэты и просто умные люди любили бесѣду и писали свои очаровательныя стихотворенія красавицамъ, которыя умѣли цѣнить настоящее острое слово, подлинную поэзію и умѣли легко, не морща чела и не поражая своего собесѣдника цитатами и всезнайствомъ, дать ему почувствовать, что его понимаютъ и съ нимъ любятъ поговорить, цѣня его мысль и слово, давая ему въ обмѣнъ свои мысли и слова, отграненныя истиннымъ пониманіемъ прекраснаго и поэтическаго. Карамзинъ, Жуковскій, а впослѣдствіи Пушкинъ имѣли въ этомъ небольшомъ кругу настоящихъ поклонницъ и читательницъ... И сколько истинно вдохновенныхъ строфъ посвятили они тѣмъ, около которыхъ отдыхали, и чьей улыбкой окрылялось ихъ поэтическое творчество.

Разговорнымъ языкомъ въ обществѣ, конечно, былъ французскій. По словамъ современника, люди высшаго русскаго общества, воспитанные французами, съ дѣтства пріобрѣтали предпочтеніе къ этому народу, узнавали Францію только en beau и считали ее отечествомъ вкуса, свѣтскости, искусства и изящныхъ наслажденій, а также «убѣжищемъ свободы и разума, очагомъ священнаго огня, гдѣ они нѣкогда зажгутъ свѣтильникъ, долженствующій освѣтить ихъ отечество». Послѣдніе годы XVIII в. имѣли въ этомъ отношеніи очень большое значеніе въ исторіи нашей общественности. Это были годы, когда въ Россію нахлынуло множество представителей старинной французкой знати, спасавшихся отъ ужасовъ революціи. Если въ Екатерининскія времена русское общество знакомилось съ Франціей и увлекалось французской мыслью по книжкѣ, то съ появленіемъ массой въ Россіи представителей высшаго французскаго общества распространеніе французскихъ идей и языка среди нашего дворянства пошло еще быстрѣе и живѣе черезъ посредство живого увлекательнаго слова и на-

гляднаго примѣра. По отзывамъ современниковъ, пріѣзжіе дюки, графы, и маркизы при помощи своего лоска и свѣтскаго образованія скоро подчинили себѣ тогдашнее наше общество и заняли въ немъ твердую позицію, въ качествѣ занимательныхъ собесѣдниковъ, учителей-наставниковъ, содержателей пансіоновъ не только въ городахъ, но и въ селахъ, владѣльцевъ модныхъ лавокъ и даже управляющихъ имѣніями. Пользуясь авторитетомъ представителей передовой націи, французы своимъ изяществомъ легко заслуживали расположеніе женщинъ, становились друзьями дома и черезъ женъ имѣли вліяніе на ихъ мужей, дѣтей и все семейство. Вотъ тогда-то преимущественно и нахлынуло къ намъ изъ обветшалой Франціи волокитство, въ модныхъ домахъ появились дамскіе будуары съ мягкими диванами, а съ ними истерики, мигрени, спазмы и другія болѣзни,—нѣсколько наивно замѣчаетъ С. Н. Глинка.

«Увы»—писалъ въ своемъ знаменитомъ письмѣ, поданномъ императору Александру I В. Н. Каразинъ,—«французскій языкъ дѣлается господствующимъ въ русскомъ образованномъ обществѣ и даже въ провинціальномъ». Къ началу 1800-хъ годовъ высшее наше общество и большая часть средняго совсѣмъ офранцузились въ томъ смыслѣ, что все французское ставятъ выше своего, русскаго. Люди, побывавшіе за границей, считаются всѣми, и сами считаютъ себя, уже однимъ фактомъ своего пріобщенія, всегда почти крайне поверхностнаго, къ Западу, солью земли русской! На вопросы на языкѣ отечественномъ они отвѣчаютъ не иначе, какъ по-французски, считаютъ просто болѣе вѣжливымъ говорить на этомъ языкѣ. «Матушки торопились отдавать своихъ дочерей за титулованныхъ эмигрантовъ, чтобы имѣть удовольствіе называть ихъ графинями, маркизами и герцогинями, батюшки щеголяли вольнодумствомъ и безвѣріемъ, а сынки кинулись въ развратъ, руководимые во всемъ выходцами иностранцами. Не было ни сговора, ни свадьбы, ни развода, ни похоронъ, ни завѣщанія, ни крестинъ, гдѣ бы французъ тѣмъ или другимъ образомъ не принималъ участія. Семейныя праздники, спектакли, гдѣ почти всегда играли французскія пьесы—все находилось въ распоряженіи французовъ. Въ знатныхъ домахъ, по словамъ Погожева, няньки, даже горничныя и барскій камердинеръ говорили по-французски»...[1]) Многіе владѣли французскимъ языкомъ въ совершенствѣ, но были и такіе, которые потому только были убѣждены, что ихъ камердинеры и горничныя знаютъ французскій языкъ, что сами знали не больше своихъ слугъ. Н. Дубровинъ приводитъ со словъ кн. П. Вяземскаго нѣсколько примѣровъ знанія языка въ тогдашнемъ нашемъ обществѣ. Въ Аустерлицкомъ сраженіи Наполеонъ любовался атакою русской кавалеріи и спросилъ генерала Ѳ. П. Уварова, взятаго въ плѣнъ, кто командовалъ конницей?—«Je, Sire!»—отвѣчалъ тотъ. Тотъ же Уваровъ, стоя въ сѣняхъ театра и слушая, какъ вызывали кареты, кричалъ, когда подъѣзжалъ не его экипажъ: «Pas ma, pas ma!» А когда подъѣхала его карета, то возгласилъ: «Ma!» Русская путешественница, представляясь одной изъ нѣмецкихъ королевъ, титуловала ее Sirène на томъ основаніи, что королю по-фран-

[1]) П. Дубровинъ. «Наши мистики и сектанты».

цузски въ обращеніи говорятъ Sire. Тѣмъ не менѣе, люди едва читавшіе и плохо говорившіе по-французски считали неприличнымъ писать все по-русски и примѣшивали французскія слова кстати и некстати въ своихъ письменныхъ обращеніяхъ къ людямъ своего круга. Вотъ образчикъ одной изъ записочекъ: «Billet въ партеръ, начало à six heures—особы qui не могутъ s'y rendre сами sont priées возвратить les billets». Такія записочки въ изобиліи гуляли по Москвѣ и писались какъ женщинами, такъ и мужчинами [1]). Впадали и въ другую крайность и тоже очень часто: усваивали французскій языкъ такъ прочно, что забывали родной. Впрочемъ не совсѣмъ: обиходныя слова изъ лексикона псарей, лакеевъ, кучеровъ большіе господа знали въ тонкости. «Я зналъ»,—разсказываетъ А. М. Тургеневъ,—«толпу князей Трубецкихъ, Долгорукихъ, Голицыныхъ, Оболенскихъ, Несвицкихъ, Щербатовыхъ, Хованскихъ, Волконскихъ, Мещерскихъ,—да всѣхъ не упомнишь и не сочтешь,—которые не могли написать на руссомъ языкѣ двухъ строкъ, но всѣ умѣли краснорѣчиво говорить по-русски... непечатныя слова».

Театръ въ Москвѣ конца XVIII-го и начала XIX-го вѣковъ не пользовался особенными симпатіями «общества»: это было развлеченіе, которое позволяли себѣ доставлять, но, какъ искусствомъ, театромъ не увлекались. Да съ этой стороны московскіе театры той поры были, должно быть, не важны. Вообще нѣсколько придирчивый къ Москвѣ К. Н. Батюшковъ особенно изощряется надъ московскими театрами. «Я скажу тебѣ»,—пишетъ онъ въ своемъ письмѣ,—«что я видѣлъ въ Петербургѣ дурныхъ актеровъ, слышалъ на сценѣ нестройные крики, провинціальное нарѣчіе, видѣлъ кривляніе, подлые жесты и самые дурные навыки; видѣлъ, что актеръ не умѣлъ и не хотѣлъ понимать своей роли, читалъ въ глазахъ его самое глубокое невѣжество; однимъ словомъ, я видѣлъ русскую комедію, русскую трагедію и оперу; видѣлъ и сказалъ: можетъ ли что быть хуже этого? Теперь, побывавъ въ московскомъ театрѣ, могу смѣло сказать самому себѣ: можетъ! и есть хуже! Здѣсь опера не хороша, комедія еще хуже, а трагедія еще хуже и комедіи. Но французскіе актеры не лучше русскихъ. Я видѣлъ Тезея, которому мнѣ хотѣлось сказать: братецъ, почисти мнѣ сапоги!.. Я бьюсь объ закладъ, что онъ былъ честный артистъ-décroteur и, постепенно переходя изъ состоянія въ состояніе, сдѣлался, наконецъ, актеромъ, вопреки уму и природѣ, и теперь весьма спокойно тиранитъ стихи бѣднаго Ивана Расина въ бѣлокаменной Москвѣ. Я видѣлъ Ипполита, сего дикаго скифа, которому въ уста безсмертный авторъ «Федры» вложилъ прекраснѣйшіе стихи; я видѣлъ [redacted]гордаго Ипполита въ самомъ жалкомъ положеніи: черные его волосы, которые до сихъ поръ, падая по высокому стройному челу, вились кудрями, подобно кудрямъ Аполлона Бельведерскаго, сіи волосы — порыжѣли! чистые пламенные глаза его сдѣлались отъ времени свинцовыми. Конечно, нашъ скифъ немного поразвратился: ноги и руки тонкимъ образомъ высохли и пожелтѣли. Голосъ звонкій, чистый, голосъ дѣвственника Ипполита, сдѣлался вялъ, тяжелъ и совершенно охрипъ.

---

[1]) Н. Дубровинъ. «Русская жизнь въ началѣ XIX в.»

Однимъ словомъ, Ипполитъ Расиновъ или Эврипидовъ превратился въ бѣднаго Фариса, француза, который живетъ на Кузнецкомъ Мосту въ магазинѣ духовъ и помадъ». Конечно, К. Н. Батюшковъ нѣсколько преувеличиваетъ въ сторону недостатковъ тогдашняго московскаго театра, но, въ смыслѣ вѣрности общаго впечатлѣнія, онъ даетъ картину близкую къ дѣйствительности: были на тогдашнемъ театрѣ отдѣльные актеры и иногда большого таланта, но театра, какъ цѣльнаго художественнаго зрѣлища не было. Да его и не могло создаться въ обществѣ, смотрѣвшемъ на театръ, какъ на развлеченіе, хоть нѣсколько разнообразившее безконечную цѣпь баловъ, вечеровъ, маскарадовъ, званыхъ обѣдовъ, которые пополняли жизнь тогдашняго общества, составляли даже сущность общественной жизни для огромнаго большинства.

Въ Екатерининское время существовали въ Москвѣ театры частной антрепризы, и къ концу XVIII-го вѣка особенно славились театры Медокса. Но большой московскій свѣтъ предпочиталъ посѣщать домашніе театры богатыхъ владѣльцевъ, большихъ баръ, составлявшихъ труппы драматическихъ и оперныхъ артистовъ изъ своихъ крѣпостныхъ. Такихъ театровъ въ Москвѣ конца XVIII-го в. насчитывалось болѣе двадцати. Про одинъ такой театръ современникъ, А. М. Тургеневъ, пишетъ, что «каждую недѣлю доморощенная и организованная труппа крѣпостныхъ актеровъ ломала потѣхи ради Алексѣя Емельяновича Столыпина (владѣльца) и всей почтеннѣйшей ассамблеи—трагедію, оперу, комедь; и, сказать правду, безъ ласкательства, комедь ломали превосходно. Помню, почтенная публика тогда жаловала пьесу «Нина» или «Отъ любви сумасшедшая» (La Folle par amour). У Столыпина въ театрѣ «Ниной» всѣ знатоки тогдашняго времени восхищались. Нина была ростомъ немного поменѣе фланговаго гвардейскаго гренадера; черные длинные на головѣ волосы, большіе черные глаза, безъ преумноженія — величиною въ полтинникъ. Да, надобно было видѣть, какъ Нина выворачивала глаза — чудо! Когда она узнавала возлюбленнаго по жилету, который она вышила шелками и ему подарила, какъ бывало выпялитъ очи на любезнаго да вскрикнетъ: «Это онъ!» — такъ боярыни вздрогнутъ, а кавалеры пріударятъ въ ладони, застучатъ ногами, хоть вонъ бѣги. Страстные любители эффекта крикивали — «бисъ, бисъ!» Впослѣдствіи, труппа столыпинскихъ артистовъ была куплена въ казну и вмѣстѣ съ купленными же артистами кн. М. П. Волконскаго и вольными артистами Медокса составили первую казенную труппу въ Москвѣ, когда, съ 1-го апрѣля 1806 г., театръ Медокса перешелъ въ казну и сталъ называться императорскимъ. Впрочемъ, это уже выходитъ за предѣлы темы статьи. Само собою разумѣется, что актеры, не исключая и первыхъ персонажей, въ общество не допускались; актеръ въ глазахъ «свѣта» былъ нѣчто къ увеселенію служащее, что-то въ родѣ шута и забавника по профессіи, и ему не было мѣста въ дворянскомъ обществѣ.

Проводить время въ ресторанахъ у тогдашняго московскаго общества въ обычаѣ не было, и современники, описывая русскіе трактиры, почти единогласно отмѣчаютъ ужасное состояніе ихъ кухни и обстановки. Посѣщеніе ресторановъ было удовольствіемъ простыхъ людей. Но въ Москвѣ были, все-же,

трактиры, которые славились своей кухней и куда заѣзжали иногда очень высокопоставленные господа. Заѣзжали впрочемъ, какъ кажется, скорѣе изъ любопытства, насколько можно судить по сдѣланному миссъ Вильмотъ довольно смутному описанію одной такой экскурсіи. Она пишетъ: «Я выражала княгинѣ мое сожалѣніе, что по случаю нашихъ постоянныхъ сношеній съ высшими слоями общества, мы лишены зрѣлища многихъ національныхъ особенностей: напримѣръ, домашняго быта купечества, лавочниковъ и проч. Она обѣщала мнѣ отчасти удовлетворить мое любопытство, и тутъ же былъ назначенъ день, когда наше общество въ числѣ 16 или 17 лицъ должно было обѣдать въ самомъ знаменитомъ изъ московскихъ трактировъ. За столомъ всѣ блюда... подавались въ русскомъ вкусѣ, и всѣ носили особый національный отпечатокъ. Для полноты картины, хозяйка трактира, украшенная золотыми тканями и брилліантами, помѣщалась во главѣ стола, съ намалеванными, какъ у куклы, лицомъ, шеей и руками; этотъ способъ раскрашиванія тѣла — въ числѣ національныхъ обыкновеній и существуетъ съ первыхъ временъ въ Россіи. Наша прислуга состояла изъ 40 человѣкъ, съ бородами, въ желтыхъ, красныхъ и пестрыхъ рубашкахъ, съ приподнятыми рукавами, такъ, что половина рукъ оставалась обнаженною, и безъ сюртуковъ и жилетовъ. Тутъ же находился мальчикъ, который игралъ на органѣ и который за это право платилъ хозяину трактира нѣсколько сотъ рублей въ годъ, что можетъ служить доказательствомъ, въ какой степени это заведеніе посѣщалось публикою, и какъ музыка здѣсь почитается насущною жизненною потребностью. Послѣ кофе былъ вызванъ для нашей потѣхи хоръ цыганъ, одѣтыхъ въ расшитыя золотомъ шали, пристегнутыя къ одному плечу, и въ серьгахъ изъ разной мелкой монеты. Какъ прекрасно они плясали цыганскіе и египетскіе танцы, напоминая пляшущія фигуры Геркуланума! Въ тѣ минуты, когда имъ слѣдовало выражать страхъ, живость пляски доходила до изступленія; и ихъ тѣлодвиженія, сопровождаемыя прерывающимися возгласами, производили такое дикое и сверхъестественное дѣйствіе, что мудрено было бы вообразить ихъ обитателями нашей сонной планеты».

Домашняя жизнь и обстановка дворянской Москвы конца XVIII-го и начала XIX-го в.в., во многомъ представляли странную смѣсь стариннаго, чуть ли не до-петровскаго, уклада съ новыми европейскими формами. Не говоря уже о вельможахъ, но и сколько-нибудь состоятельные помѣщики средней руки стремились къ тому, чтобы имѣть въ Москвѣ свой домъ, особнякъ, какъ мы бы сказали теперь; цѣлыя улицы и переулки были застроены такими особняками, большими и поменьше, обыкновенно одноэтажными съ мезониномъ, рѣже двухэтажными, чаще просто деревянными, иногда штукатуренными. Архитектура этихъ домовъ была самая невзыскательная и, конечно, ни подъ какіе стили не подходила: прелестные особнячки барской Москвы, до сихъ поръ сохранившіеся въ переулкахъ около Поварской, Арбата и другихъ улицъ, возникли «послѣ француза» и въ Николаевскія времена. При каждомъ почти домѣ былъ большой дворъ, содержавшійся не очень опрятно, позади дома располагался огородъ, передъ домомъ разбивали иногда палисадникъ, если не было большого сада съ оран-

жереями и разными фруктовыми и декоративными деревьями. Обстановка и отдѣлка комнатъ поражала заѣзжихъ иностранцевъ своей «сборностью» и какой-то безалаберностью: камины изъ разныхъ породъ мрамора, множество бронзы, мраморныя статуи и статуетки, превосходная мебель, картины хорошихъ мастеровъ, богатые драпри и гобелены, прекрасные ковры, а рядомъ—потертая простая мебель, скрипучія кровати, богато населенныя «легкой и тяжелой кавалеріей», отсутствіе необходимѣйшихъ удобствъ, комнаты безъ обоевъ, стулья безъ подушекъ, окна безъ занавѣсей, съ разбитыми стеклами, подклеенными бумажкой, голые деревянные, некрашеные полы и печи со щелями въ изразцахъ. Обыкновенно, вся роскошь и богатство убранства сосредоточивались въ обширныхъ «парадныхъ» комнатахъ, а жилые, маленькіе и душные покои, выглядѣли заброшенно, были грязны и неуютны. Въ прихожей—толпа слугъ оборванныхъ, грубыхъ, полупьяныхъ, которые отъ нечего дѣлать дуются съ утра до ночи въ карты или шашки. Самъ хозяинъ—вѣчно въ халатѣ съ трубкой, оригинальный чубукъ, которой служитъ ему и орудіемъ воздѣйствія на слугъ и домашнихъ, хозяйка—вѣчно въ капотѣ; дѣти одѣты кое-какъ, но при нихъ состоитъ нѣмецъ-гувернеръ или французъ-учитель, при взрослыхъ барышняхъ «мадама», при всѣхъ вообще—шутъ. Въ столовой вѣчно накрытъ столъ съ водкой, квасомъ и закусками—разными домашними соленьями и маринадами. Вѣетъ скукой, лѣнью, обезпеченностью, которой не умѣютъ пользоваться для созданія настоящихъ удобствъ, и которой не всегда хватаетъ на прихоти, о чемъ, впрочемъ, мало заботятся, въ увѣренности, что какъ нибудь мужикъ за все заплатитъ, а не заплатитъ—такъ можно продать или заложить всю деревню. Домашняя скука, неимѣніе какого-либо опредѣленнаго дѣла или занятія, отсутствіе стремленія къ работѣ, дѣлу, пониманіе дѣла, какъ службы только, и именно государственной службы, при чемъ послѣднюю стремились выбирать такъ, чтобы она была «полегче»—все это заставляло тогдашнихъ обезпеченныхъ крѣпостнымъ трудомъ дворянъ-москвичей отдавать много времени и досуга,—а досугомъ оказывались чуть ли не 24 часа въ сутки,—той примитивной общественности, которая была характеризована выше, и которая вся сводилась къ пользованію разными незамысловатыми увеселеніями и развлеченіями. Вся зима и уходила на такое время препровожденіе, которое разнообразилось «драмами», когда запасенныя деньги проигрывались въ карты, или оживлялось безконечными ссорами, разгоравшимися въ кругу отдѣльныхъ семей, или между знакомыми семьями, съ необычайной легкостью на почвѣ самыхъ невѣроятныхъ пустяковъ.

Конечно, не «вся Москва» даннаго времени была такова, но значительная часть, да, была такой. Какъ исключеніе, К. Н. Батюшковъ рисуетъ культурный уголокъ. «Вотъ маленькой деревянной домъ»,—пишетъ онъ,—«съ палисадникомъ, съ чистымъ дворомъ, обсаженнымъ сиренями, акаціями и цвѣтами. У дверей насъ встрѣчаетъ учтивой слуга не въ богатой ливреѣ, но въ простомъ опрятномъ фракѣ. Мы спрашиваемъ хозяина: войдите! Комнаты чисты, стѣны расписаны искусной кистью, а подъ ногами богатые ковры и полъ лакированный. Зеркала, свѣтильники,

кресла—все прелестно и кажется отдѣлано самимъ богомъ вкуса. Здѣсь обитаетъ привѣтливость, пристойность, людскость. Хозяйка зоветъ насъ къ столу, мы сядемъ, гдѣ хотимъ, безъ принужденія»...

На лѣто всѣ помѣщичьи семьи переѣзжали обратно въ свои деревни. Хорошій тонъ требовалъ имѣть «свою подмосковную», но это было доступно лишь избраннымъ баловнямъ судьбы,—большинство отъѣзжало въ «свои деревни»—около московскихъ губерній. Каждую весну, какъ только установится послѣ весенней распутицы сколько-нибудь сносная дорога, начиналось это великое переселеніе дворянъ изъ Москвы въ деревню. Путешествіе совершалось почти всегда «на долгихъ», т. е., на собственныхъ лошадяхъ, которыхъ загодя приводили изъ деревень. Послѣ молебна въ домѣ начиналось прощанье съ пріѣхавшими проводить родственниками и друзьями и съ остающейся «стеречь» московскій домъ дворней. Впереди всѣхъ, на нѣсколько часовъ раньше господъ, выѣзжала большая бричка съ кухней и поваромъ, чтобы приготовить обѣдъ на привалахъ и ужинъ на ночлегахъ. За нею выѣзжали барскія кареты и коляски, затѣмъ шелъ обозъ съ багажомъ и всякими московскими закупками.

Выѣзжать старались пораньше, съ утра; въ полдень останавливались, чтобы покормить лошадей и подкрѣпиться самимъ. Мѣстомъ остановки были въ ненастье «знакомые» постоялые дворы, которыхъ въ тѣ времена было множество по всѣмъ дорогамъ, чуть не во всѣхъ деревняхъ, а въ погожее время предпочитали остановку «на вольномъ воздухѣ», на бережку большого ручья или рѣчки, въ рощицѣ; на лужайкѣ раскладывали ковры и клали подушки; трапеза была готова — объ этомъ позаботился ѣхавшій впереди поваръ; послѣ трапезы отдыхъ, а тамъ опять путешествіе «по холодку» до ночлега; ночевать тоже предпочитали въ своихъ экипажахъ, такъ какъ духота и грязь постоялыхъ дворовъ, особое звѣрство «лютыхъ какъ тигры» клоповъ были хорошо вѣдомы тогдашнимъ путешественникамъ; на случай ночлега въ экипажахъ были сдѣланы различныя приспособленія, при помощи которыхъ сидѣнія превращались въ болѣе или менѣе комфортабельныя постели. Для зимнихъ путешествій устраивались экипажи, обитые внутри мѣхомъ или коврами, а снаружи войлокомъ.

Современникъ, нѣкто г. М., цитируемый Н. Дубровинымъ, такъ описываетъ помѣщичій поѣздъ: «Восемь лошадей тащили восьмимѣстную линею, за которой слѣдовала дорожная карета, потомъ коляска, двѣ кибитки, а въ концѣ огромная фура, украшенная фамильнымъ гербомъ. Она наполнялась обыкновенно вещами дворни, въ числѣ которой находились: одинъ настоящій казакъ, одинъ такой же гусаръ, два казака, переряженныхъ изъ конюховъ, и до пяти человѣкъ солдатъ, выпрошенныхъ на честное слово въ отпускъ у разныхъ военныхъ начальниковъ. Солдаты эти были необходимы, какъ конвой, такъ какъ по многимъ дорогамъ бродили шайки разбойниковъ, и ѣхать было не безопасно». Генералъ Неплюевъ, большой чудакъ и оригиналъ устраивалъ свой поѣздъ такъ, что на зрѣлище его выѣзда собирались толпами зѣваки. Въ Неплюевскомъ поѣздѣ было: три восьмимѣстныя линеи, двѣ или три кареты четырехмѣстныя, многое множество колясокъ, кибитокъ, фуръ, дрожекъ—и все это было переполнено

разнымъ народомъ. Подлѣ главныхъ экипажей, тянувшихся ровнымъ шагомъ, шли скороходы и гайдуки, на запяткахъ сидѣли вооруженные гусары и казаки... Въ экипажахъ сидѣли компаньонки, компаньоны, шуты, шутихи, дуры и дураки; «послѣдніе припрыгивали и взвизгивали голосами всякихъ животныхъ. Самъ баринъ въ богатомъ гродетуровомъ, зеленаго цвѣта, халатѣ, украшенномъ орденами, лежалъ на сафьянномъ пуховикѣ въ коляскѣ; на головѣ его былъ зеленый же картузъ съ красными опушками, отороченный гдѣ только возможно галунами. Изъ-подъ картуза виднѣлся бѣлый колпакъ. Въ рукахъ баринъ держалъ гигантской величны трубку, малиновый остъ-индскій платокъ и ужасную дорожную табакерку, съ изображеніемъ одного изъ мудрецовъ Греціи».

Большинство ѣздили, конечно, проще, безъ вывертовъ и фокусовъ, какіе могли себѣ позволять богатые оригиналы, но, все же, барскій поѣздъ на большой или проселочной дорогѣ въ тѣ времена представлялъ изъ себя явленіе прелюбопытное. Для самихъ путешественниковъ передвиженіе шуткой не было—дороги представляли изъ себя нѣчто невѣроятное; миссь Вильмотъ прямо говоритъ, что «велико должно быть краснорѣчіе, которое въ состояніи дать понятіе о страданіяхъ русскаго путешествія»—именно отъ бездорожья, не говоря о другихъ опасностяхъ. Но бездорожье и всѣ другія непріятности и опасности переносились легко при мысли о полномъ отдыхѣ и всякомъ благополучіи, ожидающихъ барина-путешественника на его родномъ пепелищѣ.

Барскія подмосковныя густой сѣтью окутывали близкія и далекія окрестности Москвы. Теперь уже немного осталось ихъ. Однѣ сгорѣли, другія изветшали и разрушились, третьи стоятъ руинами; сохранились цѣликомъ очень немногія, да и то однѣ стоятъ пустыя, нежилыя, точно музеи или памятники отжившей въ свое время жизни, къ другимъ присосѣдились фабрики и заводы, а въ барскихъ аппартаментахъ водворились новые владѣльцы, которые всѣмъ своимъ укладомъ такъ не подходятъ къ стѣнамъ и обстановкѣ, создавшимся при совсѣмъ иныхъ условіяхъ жизни. Но воспоминаніями о томъ прошломъ полны окрестности Москвы. «Вѣкъ Екатерины, пышный, роскошный, велелѣпный, оставилъ вокругъ Москвы множество слѣдовъ богатой аристократіи ея времени. Невозможно исчислить всѣхъ такъ называемыхъ подмосковныхъ селъ, достойныхъ вниманія». «Не говоря уже объ Архангельскомъ, Кусковѣ и Останкинѣ»,—пишетъ бар. Врангель [1]),—«подъ Москвой всю первую половину XIX-го вѣка еще была въ расцвѣтѣ помѣщичья жизнь». По Владимірской дорогѣ, на 16-ой верстѣ стояли великолѣпныя Горенки, гдѣ съ 1816 г. поселился бывшій министръ народнаго просвѣщенія, гр. А. К. Разумовскій. «Въ подмосковномъ великолѣпномъ своемъ имѣніи, среди царской роскоши, заперся онъ одинъ съ своими растеніями». «Домъ и англійскій садъ графа прекрасны»,—пишетъ современникъ,—«богатства природы, собранныя въ теплицахъ и оранжереяхъ, приводятъ въ восторгъ: невольно изумляешься, какъ частный человѣкъ могъ соединить въ немногіе годы столько сокровищъ природы изъ

[1]) Старые годы. 1910, кн. 7—9.

всѣхъ странъ свѣта». Этотъ знаменитый Горенковскій садъ былъ устроенъ извѣстнымъ ботаникомъ, профессоромъ Стефани, въ послѣдніе годы XVIII-го вѣка. Въ 1839 году въ Горенкахъ уже находилась прядильная фабрика купца Волкова, но дивный домъ и садъ еще были не вполнѣ разрушены.

Одной изъ наиболѣе сохранившихся барскихъ подмосковныхъ были Кузьминки, принадлежавшіе въ 40-хъ годахъ XIX-го в. князю С. М. Голицыну. Павелъ Сумароковъ, посѣтившій тогда это имѣніе, такъ описываетъ его: «Мѣстоположеніе плоское, весьма обыкновенное, но искусство и полтора милліона рублей превратили Кузьминки въ прекраснѣйшую подмосковную. Князь пригласилъ меня туда на храмовой праздникъ — 2-го іюля. Кареты, коляски тянулись рядами, нищіе мальчики и дѣвочки бѣжали рысью, умоляя о подаяніи. Своротили съ большой дороги и показалась чугунная рѣшетка, за нею другой дворъ, другая рѣшетка съ бронзовыми украшеніями статуями, съ княжескимъ гербомъ на воротахъ. Куча оффиціантовъ стояла на крыльцѣ, и въ комнатахъ много гостей, одни сидѣли на балконѣ, другіе играли въ карты. Домъ дубовый, прибранъ со вкусомъ и достоинъ великаго вниманія. Оный существуетъ 158 лѣтъ, и Петръ Великій часто бывалъ въ немъ у Строгонова. За обѣдъ помѣстились 136 посѣтителей; все барское, богатое, вина рѣдкія, плодовъ горы, гремитъ музыка, и въ окнахъ выставлялись шляпки, перья, бороды между ними. Незваныхъ сихъ гостей было до 5 тысячъ, и коляски, телѣжки, дрожки занимали всѣ аллеи. Сады съ пригорками, рѣчками, бесѣдками великолѣпно соединяются между собой и представляли тогда модныя, шумливыя общества. Къ вечеру вся зелень освѣтилась шкаликами, разноцвѣтными фонарями, и фейерверкъ заключилъ празднество, похожее на царское въ уменьшенномъ размѣрѣ».

Неподалеку отъ Кузьминокъ находится до сихъ поръ сохранившееся имѣніе Люблино. Въ началѣ XIX-го в. оно принадлежало нѣкоему господину Дурасову. Господинъ Дурасовъ долго жаждалъ стать кавалеромъ одного изъ россійскихъ орденовъ и, наконецъ, удостоился получить орденъ св. Анны. Въ честь этого достопамятнаго событія онъ рѣшилъ построить и построилъ себѣ домъ въ формѣ орденскаго знака св. Анны, а на крышѣ воздвигъ статую святой. Казалось трудно было бы ожидать, чтобы при такомъ радѣніи изъ архитектурныхъ стараній вышло что-нибудь путное, а вышелъ домъ, одинъ изъ очаровательнѣйшихъ по своей красотѣ, оригинальности и вкусу. Миссъ Вильмотъ оставила такое описаніе этого имѣнія и праздника, даннаго владѣльцемъ въ честь кн. Дашковой: «Когда мы подъѣзжали къ дому»,—пишетъ она,—«онъ представился намъ въ видѣ какого-то мраморнаго храма, потому что весь первый этажъ его покоится на мраморныхъ колоннахъ за исключеніемъ одной только средней части всего зданія, которая имѣла видъ величественнаго купола; потолокъ этой залы со сводами и украшенъ разными аллегорическими рисунками, и въ дни торжественныхъ пріемовъ она служитъ столовою. Все общество было собрано подъ колоннами, фундаментъ которыхъ состоялъ изъ мраморныхъ ступень, покрытыхъ благоухающими и роскошнѣйшими тепличными ра-

стеніями и окаймленными зеленымъ лужкомъ, обсаженнымъ деревьями и спускающимся къ берегу. Со всѣхъ сторонъ этого очаровательнаго мѣста представляются новые виды, плѣняющіе взоръ своимъ разнообразіемъ и счастливымъ сочетаніемъ красокъ и тѣней: тутъ видны и кусты, и рощи, луга и озера, холмы и долины, а тамъ вдали блестящіе златоглавые куполы московскихъ церквей, какъ бы заканчивающіе всю картину. Я не стану описывать роскошный обѣдъ, хотя все было великолѣпно, какъ въ волшебномъ замкѣ. По выходѣ изъ-за стола мы раздѣлились на группы и разбрелись по парку; вечеръ снова соединилъ насъ всѣхъ въ театрѣ, этой неизбѣжной принадлежности всякаго сколько-нибудь замѣчательнаго помѣстья. На сценѣ и въ оркестрѣ появилось около сотни его собственныхъ крѣпостныхъ людей, и хотя между большою и малою пьесами проплясали балетъ, и все сошло какъ нельзя лучше, хозяинъ разсыпался въ извиненіяхъ насчетъ бѣдности всей обстановки, которую онъ приписывалъ рабочей порѣ и жатвѣ, отвлекшей почти весь его народъ, кромѣ той горсти людей, которую успѣли собрать для представленія. Однако самый театръ и декораціи были очень нарядны, и исполненіе актеровъ весьма порядочное. Въ промежуткахъ разносили подносы съ фруктами, пирожками, лимонадомъ, чаемъ, ликерами и мороженымъ, а ароматическія куренія сожигались въ продолженіе всего вечера»... (Великолѣпны были и другія подмосковныя—княгини Сибирской, Небольсино—Демидова; Отрада—Орловыхъ, Марѳино—Салтыковыхъ, Думашево—Болтина, Вяземы—кн. Б. А. Голицына [1]); Покровское-Стрѣшнево, знаменитыя шереметевскія подмосковныя Останкино и Кусково и мн. др. Отъ Кускова, говорятъ старожилы, и, судя по воспоминаніямъ мемуаристовъ, это, вѣрно, остались только слѣды прежняго великолѣпія, но надо видѣть эти «слѣды», представляющіе собою еще и теперь зрѣлище большой красоты и вкуса; паркъ Кускова, его озеро, затѣйливые бесѣдки и павильоны, красота видовъ и сочетаніе группъ зелени до сихъ поръ дѣлаютъ Кусково одной изъ достопримѣчательностей Москвы.

Конечно, не всѣ подмосковныя сплошь были дворцами. Дома людей средняго достатка ничего замѣчательнаго изъ себя не представляли. Типомъ средней руки дома была деревянная постройка, большая и громоздкая, саженъ 12 и больше длиною, съ огромной, пролетной залой, глубокою и столь же широкою гостиной; надъ домомъ возвышалась шатромъ крыша безъ всякихъ размѣровъ. Такіе дома строили обыкновенно свои плотники, руководясь смѣткой и не особенно заботясь объ архитектурной красотѣ своихъ созиданій. Касательно помѣщиковъ недостаточныхъ должно сказать, что ихъ жилыя постройки большею частью состояли изъ двухъ деревянныхъ связей, раздѣленныхъ сѣнями, которыя, однако же, впослѣдствіи обращались иногда въ пріемную комнату, сѣни же прорубались съ боковъ; все это было крыто соломенными снопиками, иногда тростникомъ, рѣдко тесомъ, а чаще всего перебитою соломой. У нѣкоторыхъ господъ бывали и небольшіе домики, выстроенные хотя и прочно, но относительно

[1]) Н. Врангель. «Помѣщичья Россія». Старые годы. 1910 г., кн. 7—9.

законовъ симметріи кое-какъ. На этихъ домикахъ въ-частую на переднемъ ихъ фасѣ, между ужасными простѣнками, бывали только четыре окна, и подъ крышею торчала одна безобразно широкая и кривая труба, размалевываемая только для пріѣзда гостей или для праздника известью».

Господскій домъ, будь то дворецъ или зданіе вродѣ описаннаго типичнаго средняго, располагался на самомъ живописномъ мѣстѣ имѣнія — на пригоркѣ, на берегу рѣки, запруженной такъ, что разливъ ея образовывалъ цѣлое озеро; возлѣ дома находилась церковь, большею частью каменная, въ богатыхъ помѣстьяхъ иногда очень обширная и превосходной архитектуры. Передъ домомъ былъ всегда обширный дворъ, кругомъ службы, флигеля для гостей, а позади дома и съ боковъ раскидывался болѣе или менѣе обширный садъ. Обстановка комнатъ была самая простая. Обыкновенно въ залѣ стояли плетеные стулья и карточные столы; въ гостиной висѣли хрустальныя люстры, а въ простѣнкахъ зеркала съ подстольниками изъ краснаго дерева; вдоль стѣнъ стояли канапе и между ними и передъ столами кресла изъ краснаго дерева, крытыя сафьяномъ, а то и ситцемъ; по стѣнамъ висѣли картины и портреты предковъ хозяевъ и ихъ самихъ — все большею частью издѣлія кисти крѣпостныхъ мастеровъ: «кавалеры въ губернскихъ мундирахъ, дамы въ огромныхъ чепцахъ, а нѣкоторыя повязанныя платочками; Ермакъ Тимофеевичъ глядѣлъ, вытараща глаза, на какого-то архіерея; живописецъ, кажется, не богатъ былъ красками: сурикъ, вохра, сажа и бѣлила замѣняли у него все прочее; о правильности рисунка и говорить нечего. Полы обыкновенно были некрашенные и часто покоробленные, стѣны иногда штукатурились и бѣлились, но часто оставались въ натуральномъ видѣ».

Помѣщичій домъ, какъ городской, такъ и деревенскій, былъ наполненъ дворовыми, толпившимися обычно въ передней и въ сѣняхъ. Вигель въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ рисуетъ прямо какой-то таборъ, когда описываетъ прихожую барскаго дома; тутъ одни изъ дворовыхъ, небрежно и грязно одѣтые, собственно даже полураздѣтые, босикомъ валяются на прилавкѣ, другіе сидятъ, стоятъ, кто спитъ, кто зѣваетъ, кто громко смѣется. Въ одномъ углу на столѣ кроились платья, въ другомъ чинились господскіе сапоги; спертый и удушливый воздухъ царствовалъ въ этой комнатѣ. Рядомъ съ залой бывала обыкновенно дѣвичья, гдѣ сидѣло нѣсколько десятковъ дѣвушекъ, кто за пяльцами, кто за шитьемъ, кто за вязаньемъ». Вся эта толпа, которая въ богатыхъ домахъ, конечно, была умыта, приглажена и выряжена въ ливреи, въ сущности ничего не дѣлала, дорого стоила помѣщику, но обойтись безъ многочисленной дворни никто не могъ, — этого требовало дворянское достоинство, да и весь укладъ помѣмѣщичьей жизни толкалъ тогдашнее дворянство на то, чтобы обставляться въ своей домашней жизни, полной челяди. Эта жизнь крѣпостного времени была для господъ по преимуществу лѣнивой дѣятельной жизнью, дѣятельность въ которой сводилась къ распоряженію надъ безотвѣтными рабами, которымъ цѣлью существованія ставилась работа на господина; тутъ естественно выходило, что на каждый пустякъ и мелочь въ домашнемъ обиходѣ оказывалась всегда готовая рука раба, которому однимъ словомъ

можно было разъ навсегда приказать состоять при такой-то работѣ. Но главной причиной многолюдства домашней челяди оставался, конечно, весь укладъ жизни помѣщика крѣпостныхъ временъ.

«Хотите, чтобы помѣщикъ не имѣлъ дворни?»—спрашивалъ гр. Ѳ. Г. Орловъ,—«сдѣлайте, чтобы онъ не былъ ни псовымъ, ни конскимъ охотникомъ, уничтожьте въ немъ страсть къ гостепріимству, обратите его въ купца или мануфактуриста и заставьте его заниматься однимъ—ковать деньги». «Скажутъ, что можно быть псовымъ и конскимъ охотникомъ и гостепріимнымъ хозяиномъ безъ того, чтобы не прислуживали вамъ двадцать человѣкъ»,—справедливо разсуждаетъ другой современникъ,—«тогда вы должны будете прибѣгнуть къ найму спеціальныхъ людей, которыхъ количество хотя втрое меньше, но содержаніе ихъ будетъ стоить втрое дороже; куда дѣвать своихъ? Обратить въ крестьянъ, завести фабрику? Съ первымъ же годомъ будетъ сопряжено насиліе, и оно не удастся, потому что эти люди понатерлись около васъ, болѣе или менѣе образованы по вашей мѣркѣ, охотно за соху не возьмутся, и употребить ихъ на такую работу, къ которой они не чувствуютъ склонности, ни способности, и которую почитаютъ для себя униженіемъ, жестоко и несправедливо. Да и зачѣмъ вамъ жаловаться, что васъ съѣла дворня? Пусть ѣстъ! чѣмъ ея у васъ больше, тѣмъ больше къ вамъ уваженія: это вывѣска, что живете не для одного себя, а кормите и поите другихъ» [1]).

Домашній день въ дворянскомъ домѣ лѣтомъ распредѣлялся такъ: Утромъ чай, потомъ завтракъ, краткое отдохновеніе, передъ обѣдомъ закуска. Послѣ обѣда глава семейства отдыхалъ, потомъ подавался кофе и лакомства, потомъ, позже, чай, наконецъ слѣдовалъ ужинъ и настоящій сонъ. «Что можетъ быть успокоительнѣе и питательнѣе»,—восклицаетъ современникъ,—«какъ восемь разъ покушать и три раза въ сутки соснуть!» Въ промежуткѣ между этими занятіями баринъ принималъ утромъ буфетчика съ запискою о произведенныхъ вчера расходахъ, а вечеромъ старосту съ отчетомъ о полевыхъ работахъ, при чемъ дѣлались приказанія, и отдавались распоряженія касательно работъ на слѣдующій день. Для разнообразія въ теченіе дня предпринимались объѣзды полей, катанья на лошадяхъ, а то созовутъ въ столовую или къ крыльцу дворовыхъ запѣвалъ и плясуновъ и веселятся ихъ весельемъ.

Въ деревнѣ тогдашнему дворянину больше приходилось сидѣть дома, чѣмъ въ Москвѣ, но все же очень замкнутой эта жизнь не была. То и дѣло приходилось съѣздить въ гости къ сосѣду или у себя принять два, три и больше сосѣднихъ семействъ. Къ инымъ магнатамъ могли пріѣзжать и жить на всемъ ихъ иждивенія цѣлыя семьи дворянъ, съ которыми хозяева не были даже знакомы. У графа Чернышева въ торжественные дни собиралось множество (на конюшнѣ стояло иногда до 500 лошадей) гостей; жили у него эти званные и незванные гости по нѣскольку недѣль. Они угощались съ утра до вечера; ѣли фрукты до обѣда и послѣ: каждый, кто хотѣлъ, шелъ въ оранжерею и срывалъ себѣ персики, сливы—что

[1]) Дубровинъ. «Русская жизнь въ началѣ XIX в.», записки Жихарева. Русск. Арх., 1891 г. № 1.

подвертывалось подъ руку, или на что манилъ вкусъ. Обѣды въ деревнѣ отличались тою же роскошью сервировки и обиліемъ всякихъ яствъ, какъ и въ Москвѣ; въ деревнѣ, пожалуй, все было даже изобильнѣе; по выходѣ изъ-за стола, сервировавшагося въ деревнѣ обыкновенно около часу дня, люди пожилые шли спать, а молодежь расходилась по комнатамъ или удалялась въ садъ, гдѣ начинались и долго длились всякія игры—и фанты, и веревочка, и горѣлки, и въ кошку и мышку, и въ воланъ, и много другихъ игръ знала тогдашняя молодежь. Около 4-хъ часовъ дня подавали чай и прохладительные напитки, въ седьмомъ часу ужинали. Тѣмъ временемъ подкрадывалась ночь, гремѣла музыка, взлеталъ въ воздухъ роскошный фейерверкъ, потомъ начинались танцы, и балъ длился иногда до разсвѣта. По воспоминаніямъ одного современника, богатый помѣщикъ П. И. Юшковъ, угощая гостей на своей подмосковной дачѣ, далъ въ теченіе трехъ недѣль сряду 18 баловъ «съ фейерверками и музыкой въ саду, такъ что окрестныя фабрики перестали работать, ибо фабричные всѣ ночи проводили около его дома и въ саду, а игуменья Новодѣвичьяго монастыря не могла справиться со своими монахинями, которыя, вмѣсто заутрени, стояли на стѣнахъ монастыря, глядя на фейерверки, слушая цыганъ и роговую музыку».

Пикники, катанья на лошадяхъ и въ лодкахъ съ музыкой и пѣсельниками въ иллюминованныхъ лодкахъ и гондолахъ — словомъ, не перечесть всѣхъ удовольствій, которыя радушный богачъ-хозяинъ предоставлялъ своимъ гостямъ. Подмосковныя лѣтомъ — это какое-то сплошное веселое царство, полное пѣсенъ, музыки, радости и веселья, въ морѣ которыхъ тонули неизбѣжныя, конечно, всегда и всюду несчастья и горести отдѣльныхъ людей—по крайней мѣрѣ, такъ было на взглядъ наблюдателя со стороны. Веселье часто переходило въ разгулъ, радушіе и гостепріимство въ издѣвательство сильнаго надъ слабымъ, театральныя представленія у тѣхъ господъ, «къ которымъ дамы не ѣздили», заканчивались вакханаліями, пикники и охота—побоищами дворянъ, находившихся въ ссорѣ. Довольно было и самодурства и незнающаго никакого удержу разгула. Про генерала Измайлова современникъ разсказываетъ, что любимой потѣхой его было вотъ что. «Напоитъ мертвецки человѣкъ 15 небогатыхъ дворянъ, посадитъ ихъ еле живыхъ въ большую лодку на валькахъ, велитъ привязать къ носу и кормѣ по живому медвѣдю, и потомъ всю эту комбинацію псари спускали съ горы прямо въ рѣку. Да отчего и не потѣшиться такому барину-магнату»,—добавляетъ авторъ статьи о генералѣ Измайловѣ и его дворнѣ:—«когда, несмотря на всѣ безобразія Измайлова, мелкіе дворяне такъ и льнули къ нему, составляя постоянную его свиту, сопровождая его толпой на картежную игру, на псовую охоту, на скачки, на игрища—всюду, гдѣ онъ изволилъ тѣшиться». И потѣхи самодура, и проявленія его гнѣва одинаково носили характеръ издѣвательства надъ заискивавшими у него людьми, любителями дарового куска и подачки: тутъ не знаешь, чему удивляться: безшабашному презрѣнію къ человѣку со стороны самодура или той покорности и низкому искательству тѣхъ, которые готовы были подвергать издѣвательству свою честь и жизнь. «Въ

минуты гнѣва или на потѣху себѣ и другимъ Измайловъ привязывалъ гостившихъ у него дворянъ къ крылу вѣтряной мельницы, и послѣ нѣсколькихъ поворотовъ крыла привязаннаго снимали еле-живымъ; приказывалъ протащить подо льдомъ изъ проруби въ прорубь; зашивалъ въ медвѣжью шкуру и травилъ собаками, окуналъ въ деготь и вываленнаго въ пуху дворянина приказывалъ водить по окольнымъ деревнямъ съ барабаннымъ боемъ и съ объявленіемъ о провинности передъ генераломъ»[1]). Измайловъ былъ далеко не единичное явленіе—хроники тѣхъ временъ сохранили многое-множество случаевъ подобнаго рода, когда въ обстановкѣ крѣпостного права, на почвѣ безотвѣтственнаго властвованія одного человѣка надъ сотнями и тысячами рабовъ, воспитывалось и выражалось въ самыхъ дикихъ формахъ презрительное отношеніе властителя къ подвластнымъ, богача-магната къ заискивавшей его милостей и подачекъ бѣднотѣ.

Осенью, послѣ уборки полей, наступала пора любимаго тогдашняго дворянскаго удовольствія—полеванья, псовой охоты. «Въ назначенный день помѣщикъ давалъ приказаніе собираться, и тогда ловчій надѣвалъ охотничій костюмъ, бралъ трубу и, выйдя на крыльцо, долго трубилъ, давая тѣмъ знакъ охотникамъ. По первому звуку трубы, конюшій собиралъ лошадей, псари вели собакъ, а охотники въ особыхъ костюмахъ садились на лошадей. Они выстраивались сообразно званію, значенію и должности. Одежда ихъ была самая разнообразная: куртки, чекмени, казакины съ патронташами, картузы, кинжалы въ серебряной оправѣ съ чернью, охотничьи ножи съ кожаными рукоятками, тульскіе и турецкіе пистолеты, арапники и хлысты, свистки и духовые рожки. Къ крыльцу барскаго дома подавалась коляска, дрожки и одноколки для гостей. За каждымъ экипажемъ находился верхомъ конюшій, имѣя въ поводу верховую лошадь для помѣщика или для одного изъ его гостей. Когда хозяинъ садился въ коляску, ловчій снова трубилъ, охотники выстраивались въ рядъ, и вся кавалькада съ пѣснями отправлялась въ путь. Часто за охотниками слѣдовали линейки съ дамами, окруженныя молодежью, на смирныхъ иноходцахъ... далѣе стремянные вели запасныхъ господскихъ лошадей и на сворахъ борзыхъ. Наконецъ, слѣдовалъ обозъ съ палатками, съѣстными припасами, таганами, кострюлями, сковородами и проч.»... [1]) «На пространномъ полѣ, перерѣзанномъ кое-гдѣ оврагами, притонами хитрыхъ увертливыхъ лисицъ, у опушки рощъ и лѣсовъ гомозится за исто-барскимъ веселымъ дѣломъ, подъ главнымъ распоряженіемъ самого барина, разнообразный людъ: псари, доѣзжачіе, стремянные, конюхи, казаки, приживальцы, помѣщики разныхъ сортовъ, богатые и бѣдные, съ ихъ собаками и псарями. Гончія заливаются звонкимъ частымъ лаемъ, выгоняя звѣря на широкій просторъ поля; борзыя мечутся въ разныя стороны за добычей, а доѣзжачіе и гости помѣщики порскаютъ, атукаютъ, трубятъ въ рога, скачутъ сломя голову

По полямъ и по лѣсамъ,
И по мхамъ и по болотамъ,
По долинамъ и буграмъ...»

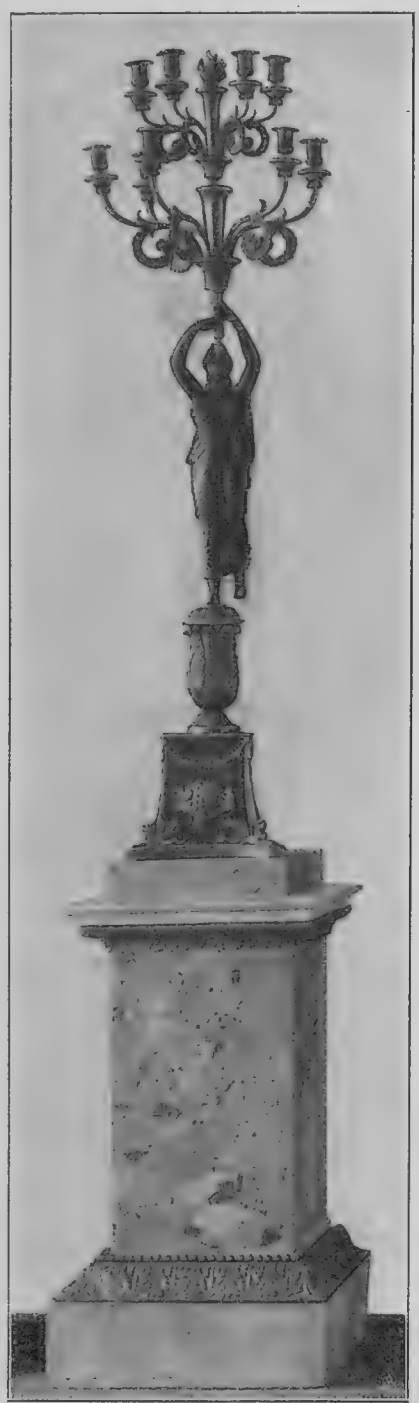
---

[1]) Н. Дубровинъ. „Русская жизнь въ началѣ XIX-го в.“.

Часто охотники увлекались до того, что захватывали ночь, и возвращаться домой было невозможно. Тогда раскидывался лагерь и пускалось въ ходъ все, что было въ обозѣ. Кушали сытно, и вино лилось рѣкою. Господа тѣшились и пировали, а охотники-крестьяне часто утирали слезы. «Веселье это»,—говоритъ современникъ, Н. Г. Левшинъ,—«довольно часто обращалось въ горе не малое, ибо, когда пропустятъ зайца, а, спаси Боже, лисицу, то тутъ же всѣхъ (псарей) перепорютъ ихъ же плетками... Рѣдкое поле проходило безъ баталіи,—большею частью вся прислуга кулакомъ глаза утирала и вздыхала»...

Охота продолжалась до самой глубокой осени, до первой пороши. Тогда богатые помѣщики переселялись въ Москву, а остальные замыкались въ своихъ деревняхъ. Снова оживали московскія улицы, освѣщались по вечерамъ фонариками и плошками дома, гдѣ давались вечера и балы, гремѣло музыкой и сверкало огнями разноцвѣтныхъ шкаликовъ Благородное Собраніе, начинался круговоротъ зимней московской жизни, съ ея увеселеніями, обѣдами, балами съ неизбѣжнымъ Тверскимъ бульваромъ и Кузнецкимъ мостомъ, гдѣ тратились скопленные за лѣто и осень помѣщичьи доходы,—французская лавка модъ и карточный столъ въ клубѣ живо съѣдали къ веснѣ накопленныя блага и вызывали заботы, какъ и гдѣ добыть денегъ,—бурмистры и управляющіе близкихъ и дальнихъ имѣній получали грозныя предписанія о присылкѣ денегъ цѣной продажи всего, что можно продать, имѣнія закладывались въ казенныя учрежденія и частныя руки, выдавались векселя и заемныя письма,—и жизнь, все та же веселая и беззаботная, пустая и безсодержательная, шла своимъ чередомъ, истощая трудъ крѣпостной деревни, погружая мысль въ сонъ, сводя все дѣятельное въ человѣкѣ къ пустому вращенію въ кругу мелкихъ интересовъ такъ называемой «свѣтской» жизни, въ пустынѣ которой небольшими отрадными оазисами выдавались проблески жизни духа, и тѣмъ ярче свѣтилъ тотъ свѣтъ духовный, благодать котораго внѣ зависимости отъ преходящихъ условій внѣшней жизни, и который далъ Россіи геній Пушкина, всю плеяду его современниковъ. Тѣсно сплотившись между собою, образованные кружки эти рѣзко выдѣлялись надъ остальной массой населенія, имѣли съ ней мало общаго и жили своей особой жизнью, соприкасаясь съ остальными слоями общества только внѣшнимъ образомъ. Эти разрозненные кружки, «въ которыхъ»,—по словамъ К. Д. Кавелина,—«сосредоточивались лучшія умственныя и культурныя силы—искусственные центры, съ своей особой атмосферой, въ которой вырабатывались изящныя, глубоко-просвѣщенныя и нравственныя личности. Они въ любомъ европейскомъ обществѣ заняли бы почетное мѣсто и играли бы видную роль. Но эти, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательные люди вращались только между собой и оставались безъ всякаго непосредственнаго дѣйствія и вліянія на все то, что находилось внѣ ихъ тѣснаго, немногочисленнаго кружка». А огромное большинство тогдашняго русскаго общества жило, выражаясь языкомъ современника, «тунеядствуя», ничего не цѣня въ жизни, кромѣ благъ матеріальныхъ, ставя ихъ выше цѣнностей нравственныхъ. Это была жизнь порядка крѣпостного, въ которой рабы

были въ зависимости отъ господъ, а господа, можетъ быть, еще больше зависѣли отъ той «даровщины», которую создавала для нихъ крѣпостная обстановка, и въ которой тонуло и гибло все, что можетъ звать человѣка къ самодѣятельности и совершенствованію во имя благъ иныхъ, чѣмъ тѣ, которыя опредѣляются жирной кулебякой и псовой охотой.



Архитектура Москвы XVIII и начала XIX в.

И. Е. Бондаренко.

На рубежѣ 18-го вѣка Москва украсилась архитектурными памятниками съ элементами тѣхъ западно-европейскихъ чертъ, какія неустанно пробивались въ русскую жизнь еще въ концѣ XVII-го вѣка.

Это новшество въ области архитектуры коснулось прежде всего внѣшняго вида храмовъ, проявляя новую изукрашенность фасадовъ въ характерѣ господствовавшаго тогда на Западѣ барокка.

Такія сооруженія явились переходомъ отъ старой Руси къ новому вѣку Петровскихъ реформъ.

Нарышкины, — эти ближайшіе ко двору государеву бояре, — первые создали столь отлично выраженныя сооруженія, что храмы, выстроенные ими или схожіе съ ними, по типу носятъ справедливое названіе «Нарышкинскихъ».

Изъ этихъ памятниковъ сохранились въ бывшей вотчинѣ Нарышкиныхъ въ с. Филяхъ церковь Покрова, ц. Владимірской Б. М. у Никольскихъ воротъ, ц. Знаменія при д. Шереметева, ц. Троицы въ с. Троицко-Лыковѣ и др.

Но лучшимъ памятникомъ болѣе пышнаго, свободнаго отъ древняго церковнаго уклада, болѣе грандіознаго типа осталась въ Москвѣ отъ петровскаго времени — такъ называемая «Меньшикова башня» — церковь во имя Архангела Гавріила, построенная кн. Меньшиковымъ въ своей усадьбѣ у такъ называвшихся тогда «Поганыхъ прудовъ».

Застроенное теперь почтамтскими постройками, это красивое зданіе совершенно недоступно для обзора его во всей своей красотѣ.

Эту «башню» строилъ архитекторъ Иванъ Зарудный (Зарудневъ), одинъ изъ пансіонеровъ, посланныхъ Петромъ за границу, въ числѣ тѣхъ «добрыхъ ребятъ», которые впервые вдохнули въ себя аромать чужезем-

ной культуры и познакомились съ рѣдкими западно-европейскими памятниками зодчества.

Очень эффектенъ въ этой церкви входъ съ перевитыми колоннами; красиво возвышается массивная группа этажей башни, заканчивающейся нарядным шпилемъ,—а раньше былъ еще одинъ (деревянный) этажъ, увѣнчанный фигурой ангела; этотъ этажъ сгорѣлъ въ 1723 г.

Многое было не докончено въ постройкѣ этого храма, и внутреннее убранство очень пострадало, особенно ненужными стараніями митр. Филарета, но, несмотря на эти невзгоды, все такимъ же гордымъ и красивымъ стоитъ этотъ памятникъ, строившійся Меньшиковымъ, чтобы затмить славу только передъ тѣмъ выстроенной Сухаревой башни (1692—1695).

Послѣднее сооруженіе было построено какъ въѣздныя ворота въ черту Земляного города, а верхъ башни предназначался для чисто научныхъ цѣлей,—«навигацкіе классы» желалъ открыть въ этомъ зданіи Петръ.

Поэтому, можетъ быть, Сухарева башня и не носитъ на себѣ слѣдовъ большой парадности.

Массивное зданіе украшено деталями очень распространеными къ этому времени среди московскихъ рабочихъ людей каменнаго дѣла — а строили башню русскіе рабочіе, чего нельзя предположить, глядя на детали Меньшиковой башни.

Особнякомъ стоитъ еще одинъ памятникъ рубежа XVIII в.—это церковь въ с. Дубровицахъ.

Рѣдкое произведеніе итальянскаго барокко, выполненное съ рѣдкимъ художественнымъ совершенствомъ — это зданіе, какъ произведеніе Тредзини,—вполнѣ западно-европейскій храмъ, начиная отъ вѣнчающей его короны, кончая удивительной рѣзьбы хорами и барельефами цоколя.

Всѣ эти произведенія составляютъ самостоятельную эпоху русскаго зодчества и, выдѣляясь на общемъ фонѣ архитектурныхъ памятниковъ Россіи, они скорѣй принадлежатъ предыдущему вѣку и какъ бы завершаютъ прошлый обликъ Москвы, давая переходъ къ новому.

Это новое—то, о чемъ мы хотимъ сказать, т. е., архитектура Москвы XVIII вѣка,—вылилось въ формахъ Елизаветинскаго рококо, на смѣну котораго явились произведенія Екатерининскаго классицизма, завершеннаго эпохой русскаго Empire.

Удивительная пышность царитъ на всей эпохѣ Елизаветинскаго царствованія.

Начиная съ пышныхъ робронов, съ обильныхъ драпировокъ, на фонѣ которыхъ такъ любила изображать себя Елизавета,—на всемъ лежитъ печать широкой пышности, правда иногда грубовато, вѣрнѣе аляповато, выраженной, иногда наивной, но несомнѣнной пышности, присущей молодому двору, старавшемуся во всемъ подражать «какъ въ Европѣ».

Елизавета любила Москву; ей хотѣлось надѣлить столицу памятниками, храмами, дворцами.

Ко времени ея царствованія въ Москвѣ былъ великій художникъ зодчій, сумѣвшій прекрасно понять желанія царицы и отлично ихъ вы-

разить. Это Бартоломео Растрелли или, какъ его называли у насъ, Варфоломей Варфоломеевичъ Разстрелій, еще при императрицѣ Аннѣ начавшій постройку деревяннаго дворца въ Кремлѣ («зимній Анненгофъ») и другого дворца въ усадьбѣ Головина за Яузой.

Елизавета начала постройку въ Кремлѣ каменнаго дворца на старомъ основаніи древнихъ дворцовыхъ построекъ. Но постройка эта была спѣшной и столь плохо приспособленной къ жизни, что къ концу Елизаветинскаго царствованія дворецъ пришелъ въ совершенную негодность и ветхость.

Да и дворцовая жизнь сосредоточивалась тамъ за Яузой, въ районѣ Нѣмецкой слободы, гдѣ еще со временъ Петра началась новая жизнь, гдѣ зарождались реформы, гдѣ вспыхнули первые проблески новой Россіи. Тамъ и Елизавета рѣшила отстроить себѣ дворецъ, названный впослѣдствіи Головинскимъ; строилось все въ очень большомъ масштабѣ; при дворцѣ строился театръ, многочисленныя службы на фонѣ прекрасно разбитаго сада и парка съ гротесками, бесѣдками и бассейнами, обрамленными камнемъ. Яуза тогда была чиста и прозрачна. Дворцовый садъ окружала красивая желѣзная рѣшетка съ бронзовыми воротами, строенными архитекторомъ Алексѣемъ Евлашевымъ—этимъ способнымъ ученикомъ Растрелли, его помощникомъ и настолько опытнымъ зодчимъ, что большинство построекъ дворца было выстроено имъ по однимъ эскизамъ оберъ-архитектора Растрелли. А впослѣдствіи Евлашевъ былъ единственнымъ руководителемъ въ дворцовыхъ постройкахъ и выразителемъ Елизаветинскихъ желаній.

Отъ Головинскаго дворца Елизаветинскаго времени до насъ дошли лишь однѣ архивныя данныя, рисующія картину былого; также немного осталось данныхъ и тоже архивныхъ о сосѣднемъ дворцѣ Перовскомъ въ с. Перовѣ, гдѣ была жалованная вотчина гр. А. К. Разумовскаго, для котораго Елизавета выстроила по проектамъ Растрелли деревянный дворецъ.

Но по дорогѣ въ городъ изъ Нѣмецкой слободы сохранилась прекрасная церковь Никиты мученика на Басманной (1751), хорошій примѣръ пышныхъ храмовъ той эпохи, съ характернымъ распредѣленіемъ порталовъ на легкихъ колоннахъ, съ граціознымъ куполомъ и легкой колокольней. Типичная рѣшетка окружаетъ погостъ храма.

Дальше по Покровкѣ былъ домъ гр. Разумовскаго (теперешнее зданіе 4-ой гимназіи), строенный по проекту Растрелли въ 1742 г.; зданіе осталось нетронутымъ и, перешедши послѣ къ Трубецкимъ, оно въ эпоху строгаго Екатерининскаго и Александровскаго классицизма казалось столь фривольнымъ по своимъ искривленнымъ деталямъ, что домъ называли иронически «комодомъ», и даже Трубецкіе, жившіе въ этомъ домѣ, назывались: «Трубецкіе комодъ».

Наконецъ, Басманная заканчивалась Красными воротами, выстроенными въ 1742 г. для коронаціи Елизаветы архитекторомъ кн. Д. Ухтомскимъ.

Сохранилась еще за рѣкой Москвой церковь Папы Климента, тоже очень типичный храмъ для Елизаветинской эпохи, и если и не Растрелли строилъ этотъ храмъ, то вѣроятно по его проекту былъ созданъ этотъ очень граціозный памятникъ, выдержанный въ пропорціяхъ и деталяхъ.

Богомольныя путешествія любила часто совершать Елизавета въ Троицко-Сергіевскую Лавру, и на пути этихъ богомольныхъ шествій былъ цѣлый рядъ дворцовъ.

Уже въ Покровскомъ, тогда еще не слившемся съ городомъ селомъ, былъ каменный дворецъ, строенный Растрелли.

Отъ Покровскаго дворца теперь остался лишь одинъ остовъ стѣнъ, пріютившихъ Покровскую Общину.

Дальше отъ дворца шла большая дорога, и въ с. с. Тайнинскомъ и Алексѣевскомъ были для отдыха деревянные большіе дворцы, а въ с. Братовщинѣ строился большой каменный дворецъ.

Былъ небольшой дворецъ въ Александровской слободѣ, а въ самой «Троицѣ» Елизавета оставила по себѣ хорошій памятникъ, выстроивъ въ Лаврѣ красивую высокую колокольню (1741—70). Строилъ ее архитекторъ Ив. Мичуринъ, составившій первый геометрическій планъ города Москвы и много работавшій въ ней не только какъ архитекторъ строитель, но и въ качествѣ архитектора-администратора.

Многаго, конечно, не сохранилось отъ того времени, но то, что сохранилось, указываетъ на энергичную строительную дѣятельность Елизаветы.

Къ тому было не мало причинъ.

Пожаръ 1737 года, такъ называемый «троицкій», случившійся въ Троицынъ день, опустошилъ огромную часть Москвы. Много погибло въ пламени этого пожара деревянной Москвы, и, конечно, однимъ изъ первыхъ желаній Елизаветы было возстановленіе погорѣвшей столицы. Очистила ее и привела въ порядокъ, насколько могла, Елизавета, стала энергично застраивать погорѣвшую столицу.

Растрелли явился проводникомъ царившаго на Западѣ рококо, и этотъ стиль пришелся весьма кстати любившей пышность императрицѣ. Пышность стиля проникала всюду, проникла она и во внутреннее убранство церквей, оставивъ рядъ памятниковъ въ видѣ типичныхъ «елизаветинскихъ» иконостасовъ, съ вьющимися гроздьями винограда вокругъ искривленныхъ колоннъ; цѣлыя гирлянды листьевъ перевили ярусы иконъ; пухлыя румяныя лица херувимовъ глядятъ въ завиткахъ орнаментовъ, обильно покрытыхъ позолотой.

Тяжелыя штофныя матеріи украшали дворцовыя стѣны, тканыя занавѣси, бахрома, бархатъ, золоченая мебель, зеркала, рѣзныя рамы—и среди этой нарядности добродушная Елизавета съ чисто русскими наклонностями темперамента и русскими привычками.

Было много противорѣчиваго въ внѣшнемъ укладѣ жизни, какъ и въ характерѣ царицы, и эта противорѣчивость сказывалась на всѣхъ формахъ тогдашней молодой культуры.

Такъ и въ зодчествѣ: часто одними лишь внѣшними деталями новаго, моднаго стиля рококо одѣвались зданія, вовсе не сложившіяся въ своихъ массахъ въ духѣ этого стиля, и потому иногда столь очевидна приклеенность украшеній, нелогичныхъ съ формами.

Но такіе недочеты въ Елизаветинскихъ постройкахъ не часты, и къ концу царствованія въ зодчествѣ начинаетъ проявляться большая упо-

рядоченность въ формахъ, большая строгость и согласованность, болѣе внимательное изученіе западно-европейскихъ элементовъ архитектуры и болѣе удачное приспособленіе этихъ элементовъ къ требованіямъ русской архитектурной культуры.

Такому логичному росту архитектуры содѣйствовало цѣлое учрежденіе въ Москвѣ—это такъ называемая «школа князя Ухтомскаго»,—учрежденіе, гдѣ училось много будущихъ нашихъ художниковъ-зодчихъ, среди которыхъ и такой огромный талантъ, какимъ явился впослѣдствіи знаменитый М. Ф. Казаковъ.

Академія художествъ только что еще была основана, ея архитектурные питомцы еще только начинали науку, а наиболѣе компетентное изученіе архитектуры, какъ искусства, было сосредоточено въ этой московской «командѣ кн. Ухтомскаго», сумѣвшаго дать строгое направленіе своей школѣ и, судя по списку руководствъ къ изученію архитектуры, очень знакомаго съ развитіемъ западно-европейскаго зодчества.

Въ этой-то школѣ изучались элементы классической архитектуры; здѣсь читался Витрувій, Палладіо, Серліо и др. творенія по архитектурѣ, здѣсь имѣлись гравированные листы лучшихъ памятниковъ античной архитектуры и ренессанса и тѣ листы, что были въ модѣ, особенно композиціи въ стилѣ Людовика XVI.

Здѣсь, ознакомясь съ классицизмомъ въ зодчествѣ, наши молодые архитекторы компоновали свои идеи и постепенно создавали тотъ стиль русскаго классицизма, который выразился въ царствованіе Екатерины въ цѣломъ рядѣ величественныхъ памятниковъ, дающихъ законченное понятіе объ архитектурномъ обликѣ Москвы XVIII и начала XIX вѣка, какъ о городѣ своеобразной старой красоты, на фонѣ которой выросли зданія стройныя, законченныя, служащія яснымъ выразителемъ увлеченій классическими идеалами,—увлеченій вполнѣ логичныхъ и понятныхъ.

Екатерина была воспитана въ духѣ французской образованности XVIII вѣка, когда царили въ литературѣ Корнель и Расинъ, воспѣвавшіе героизмъ классическаго міра.

Французская просвѣщенность была столь значительна, столь сильна, что вездѣ въ Европѣ слѣдовали моднымъ теченіямъ мысли оттуда, гдѣ творилъ Руссо, Вольтеръ, Дидро и др.

За внутреннимъ интеллектуальнымъ прогрессомъ неизбѣжно слѣдовалъ прогрессъ и внѣшнихъ культурныхъ проявленій и вмѣстѣ съ модой на античные сюжеты древности шла мода и на внѣшнія формы той области искусства, какая наиболѣе чутка къ заимствованіямъ и наиболѣе выражаетъ духъ народа,—т.-е. архитектуры.

Явилась потребность созидать храмы, монументальныя виллы, общественныя зданія, украшенныя портикомъ, въ которомъ столько величія, и колонны котораго столько даютъ импозантной строгости; понадобились на фронтонахъ цѣлыя группы, полныя аллегорій и символовъ.

Екатерина явилась проводникомъ въ русскую жизнь этихъ классическихъ мечтаній. Еще будучи царевной, она зачитывалась энциклопеди-

стами и почти до конца дней своихъ не прерывала сношеній съ лучшими умами Западной культуры и черезъ посредство того же Гримма искала въ Европѣ хорошихъ художниковъ для воплощенія своихъ эстетическихъ мечтаній и проектовъ. Гриммъ доставилъ возможность работать въ украшеніи Россіи такимъ геніальнымъ зодчимъ, какъ Кваренги и Камеронъ.

Теперь внѣшнія проявленія русской культуры были менѣе шероховаты; грубыя подчасъ проявленія Елизаветинскаго времени стали рѣже и иногда лишь проявлялись въ рядѣ чудачествъ Екатерининскихъ вельможъ, какъ, напр., кн. М. Долгорукова, любившаго сидѣть въ пустыхъ залахъ своего огромнаго дома на обитомъ бархатомъ тронѣ, или гр. А. Орлова, не считавшагося ни съ какой вѣжливостью...

Общество стало болѣе воспріимчивымъ къ культурнымъ новшествамъ, и имъ легче усваивалось то, что въ предыдущіе годы иныхъ царствованій насаждалось съ трудомъ.

Екатерина часто пріѣзжала въ Москву и останавливалась въ большихъ, но крайне неудобныхъ помѣщеніяхъ Головинскаго дворца, въ районѣ котораго все еще сосредоточивалась жизнь придворной знати, владѣвшей здѣсь цѣлымъ рядомъ красивыхъ дворцовъ.

Ближе всѣхъ къ дворцу поселился Безбородко, задумавшій здѣсь постройку огромнаго дома. Были скуплены сосѣднія владѣнія, продано было свое большое крымское имѣніе для осуществленія плана, составленнаго Кваренги, этимъ лучшимъ архитекторомъ Екатерининскаго царствованія.

Была сдѣлана закладка дворца — цѣлый пышный праздникъ, но выстроена была лишь часть дома, перешедшая впослѣдствіи во владѣніе «слободскаго» дворца и частью (позже уже) подъ Техническое училище, гдѣ сохранилась лишь малая часть того, что было выстроено.

На Нѣмецкой жили гр. Зубовы; у Разгуляя гр. Мусинъ-Пушкинъ выстроилъ себѣ прекрасный домъ, съ очень интереснымъ сходомъ въ большой паркъ; домъ этотъ сохранился, и теперь здѣсь помѣщается 2-ая гимназія.

На Басманной жили кн. Куракины, на Гороховомъ полѣ имѣлъ свой домъ гр. А. К. Разумовскій,—теперешнее зданіе Николаевскаго Сиротскаго Института. При домѣ былъ отромный садъ, примыкавшій къ великолѣпному саду Демидова.

Зданіе это было перестроено въ 1826 году, но средняя часть осталась нетронутой.

Домъ Демидова теперь перестроенъ подъ помѣщеніе Елизаветинскаго института, а тотъ превосходный садъ, который былъ предметомъ восхищенія москвичей въ концѣ XVIII и въ нач. XIX в.в.,—садъ, наполненный разнообразными образцами деревьевъ, цвѣтниками, гротами и т. п.—заглохъ уже.

До конца своего царствованія Екатерина заботилась объ заяузской резиденціи, перестраивая Головинскій дворецъ, и, подъ конецъ, названный «Екатерининскимъ», такъ и остался онъ недостроеннымъ архитекторомъ

Кампорези при участіи архитектора Кваренги, въ обработкѣ фасада давшаго нарядную колоннаду изъ коринфскихъ колоннъ.

При Павлѣ дворецъ былъ обращенъ въ казармы, называвшіяся «Екатерининскими», а послѣ 1812 года сюда былъ переведенъ кадетскій корпусъ.

Неподалеку отъ дворца находился «Генеральный Гофшпиталь», перестроенный въ 1798 г.

Но, перестраивая Головинскій дворецъ, Екатерина въ то же время была озабочена устройствомъ сноснаго жилья въ Кремлѣ. Старый елизаветинскій дворецъ безконечно поправлялся и все же былъ ветхъ, неинтересенъ по своему фасаду и совершенно не отвѣчалъ широкимъ размѣрамъ пышной дворцовой жизни.

Временный дворецъ, выстроенный на Пречистенкѣ, перешедшій тотчасъ же по выстройкѣ къ кн. Потемкину, былъ невеликъ и, какъ временная постройка, былъ строенъ на-спѣхъ.

Строить новый Кремлевскій дворецъ явилось необходимостью. И вотъ создалась идея постройки колоссальнаго дворца въ Кремлѣ, и для осуществленія этой идеи Екатерина, такъ она выразилась, «завладѣла» молодымъ, талантливымъ архитекторомъ В. И. Баженовымъ, обучавшимся въ Парижѣ у де-Валли и показавшимъ свой талантъ въ рядѣ проектовъ столь значительныхъ, какъ проектъ Капитолійской лѣстницы въ Римѣ.

Проектъ дворца былъ чрезвычайно смѣлый. На протяженіи почти 3-хъ верстъ, цѣлымъ колоссальнымъ треугольникомъ долженъ былъ возвышаться на Кремлевскомъ холмѣ новый дворецъ.

Всѣ кремлевскія церкви входили во внутренній дворъ дворца и высокій Иванъ Великій однимъ лишь своимъ ярусомъ возвышался изъ-за парапета фасада дворца.

Колоссальныя пропорціи, величественность зданія должны были поразить Европу, и смѣта, представленная на постройку дворца, въ 20 милліоновъ рублей, по заключенію современника архитектора Кампорези, должна была увеличиться по крайней мѣрѣ до 50 милліоновъ.

Сдѣлана была закладка, но проектъ не былъ осуществленъ, и осталась лишь модель этого смѣлаго проекта, модель, приводившая въ восхищеніе иностранцевъ путешественниковъ (Clark и др.) и современниковъ русскихъ и изумлявшая грандіозностью задачи.

Кремль остался цѣлымъ, разобраны были лишь остатки старыхъ зданій приказовъ.

На перестройку дворца Елизаветинскаго составлены были позже архитекторами Львовымъ и Старовымъ проекты перестройки, но проекты такъ и оставались проектами,—и дряхлѣвшій дворецъ былъ сломанъ лишь въ сороковыхъ годахъ XIX ст., когда строился существующій дворецъ.

Одновременно съ Баженовымъ другой талантливый зодчій Казаковъ составилъ проектъ на постройку въ Кремлѣ огромнаго зданія «Ордонансъ-Гауза», Манежа и зданія для Сената.

Осуществлено было лишь зданіе Сената, выстроенное въ 1776 г. для «присутственныхъ мѣстъ»—теперешнее зданіе Окружнаго Суда.

Это зданіе вполнѣ монументальное сооруженіе, прекрасно проектированное и отлично выполненное въ своихъ архитектурныхъ пропорціяхъ, и является рѣдкимъ образцомъ Екатерининскаго классицизма и лучшимъ твореніемъ Казакова.

Планъ зданія красивъ по своимъ линіямъ, не говоря уже объ удачномъ распредѣленіи помѣщеній. Въ спокойныхъ линіяхъ рисуется фасадъ зданія съ отличной лѣпкой надъ фронтономъ въѣзда, теперь къ сожалѣнію, испорченной частой и грубой побѣлкой.

Самое красивое въ этомъ зданіи—это большой, круглый залъ, предназначавшійся для засѣданій Сената.

Изящныя, строго вычерченныя колонны съ фризомъ, украшеннымъ богатымъ орнаментомъ, поддерживаютъ огромный куполъ, который своимъ смѣлымъ размѣромъ даже пугалъ начальника строительныхъ работъ Измайлова настолько, что Казаковъ по отнятіи лѣсовъ долженъ былъ войти на вершину свода, дабы убѣдить въ безопасности его конструкціи.

Цѣлый рядъ барельефовъ, размѣщенныхъ между колоннами, прославляютъ дѣянія Екатерины, которая «и на сѣверѣ возрождала художества». Верхъ купола былъ увѣнчанъ золоченой фигурой Георгія Побѣдоносца, похищенной французами въ 1812 году.

Въ примыкающемъ къ Сенату владѣніи Чудова монастыря, тотъ же Казаковъ выстроилъ угловое зданіе—«Митрополичій домъ» (въ 1776 г.), который былъ обнесенъ раньше палисадникомъ и былъ только двухэтажнымъ. Въ началѣ прошлаго вѣка былъ надстроенъ третій этажъ, и зданіе было обращено подъ Николаевскій дворецъ.

Обильно была строительство въ эпоху Екатерининскаго царствованія, рядъ зданій общественныхъ возникъ въ Москвѣ, строились особняки дворянства, строились торговыя помѣщенія.

Въ память восшествія своего на престолъ Екатерина выстроила на Солянкѣ церковь во имя Кира и Іоанна (теперь ц. Сербскаго подворья). Строилъ храмъ архитекторъ Карлъ Бланкъ, все еще державшійся завѣтовъ своего учителя Растрелли, но не смогшій вылить зданія въ красивыя стройныя классическія формы, что, напр., съ такимъ искусствомъ осуществлялъ архитекторъ Казаковъ, строя церковь Филиппа Митрополита, на второй Мѣщанской (въ 1777 г.) или его сынъ Родіонъ Казаковъ, создавая красивую колокольню Андроніеваго монастыря, послужившую прекраснымъ примѣромъ для церковныхъ сооруженій.

Храмы теперь облекались въ формы такихъ чистыхъ классическихъ пропорцій, какъ красивая церковь Бол. Вознесенія на Никитской, являющаяся лучшей церковью эпохи русскаго классицизма.

Еще со времени возникновенія Нарышкинскихъ церквей въ церковномъ зодчествѣ былъ нарушенъ традиціонный планъ креста, и примитивный абрисъ плана храма теперь, въ рукахъ художниковъ-зодчихъ, превращался въ свободно очерченныя живописныя формы.

Часто давали форму круга для плана храма, какъ, напр., церкви Вознесенія на Гороховомъ полѣ, Георгія на Лубянскомъ скверѣ, и всегда перекрывался храмъ этой эпохи большимъ куполомъ съ трибуномъ.

Для типа храмового зодчества были готовы прекрасные храмы Италіи, которые безъ сомнѣнія были извѣстны и русскимъ зодчимъ, обучавшимся за границей, и тѣмъ зодчимъ, которые хотя и не имѣли счастья побывать въ Италіи, но видѣли по гравюрамъ эти образцы новой архитектуры.

Въ храмѣ величіе достигалось именно такимъ куполомъ западнаго зодчества, куполомъ большимъ, воздушнымъ, богато украшеннымъ орнаментомъ или живописью—парящими херувимами. Этотъ типъ храма съ большимъ куполомъ сталъ очень распространеннымъ, начиная съ Екатерининскаго времени,—и особенно много проектировалось русскихъ церквей въ такомъ стилѣ въ началѣ XIX вѣка.

Такихъ памятниковъ въ Москвѣ сохранилось много; особенно типична церковь Мартина Исповѣдника въ Таганкѣ, выстроенная въ 1772—1795 г. архитекторомъ Р. Казаковымъ, подновленная послѣ 12-го года; церковь эта сохранила благородныя формы стиля.

Церковь Іоанна Предтечи на Земляномъ валу (1741—1794) съ очень красивымъ алтарнымъ выступомъ, съ простой отдѣлкой стѣнъ, съ красиво очерченными окнами,—и только теперешняя грубая, чуждая этому стилю окраска рѣжетъ глазъ и портитъ храмъ. Церковь Косьмы и Даміана на Петровкѣ, проектированная М. Казаковымъ, церковь Варвары Великомученицы на Варваркѣ (1796), Введенія у Салтыкова моста, Вознесенія на Гороховомъ полѣ, выстроенная въ 1793 г. гр. А. К. Разумовскимъ для себя, какъ домовая церковь при находившемся тутъ домѣ Разумовскаго. Церковь Георгія на Лубянскомъ скверѣ, Георгія на М. Никитской (1777), Дмитрія Солунскаго на Страстной площади (1791) съ интересной древней колокольней, церковь Екатерины на Б. Ордынкѣ (1766), Иверской Б. М. на Ордынкѣ (1198), Іоанна Богослова въ Казенномъ пер. (1794), Николая Чудотворца въ Ваганьковѣ, Сергія въ Рогожской (1796), Симеона Столпника за Яузой, Филиппа Митрополита на 2-ой Мѣщанск. ул., Флора и Лавра на Зацѣпѣ, интересная по массамъ церковь на Лазаревомъ кладбищѣ, выстроенная въ 1787 г. архитекторомъ Ел. Назаровымъ, теперь, къ сожалѣнію, испорченная перестроенной трапезной, и др.

При этихъ церквахъ строились иногда и колокольни, много-ярусныя съ послѣдовательной нарядностью этажей; первый этажъ почти вездѣ проектировали въ простыхъ формахъ тосканскаго ордера, выше шли дорическія колонны или іоническія стройныя и заканчивались ярусомъ съ коринфскими колоннами. Иногда этажи колокольни были болѣе просты въ обработкѣ, и лишь вся колокольня увѣнчивалась стройнымъ шпилемъ на небольшомъ куполѣ.

Очень типична въ этомъ отношеніи колокольня Андронніеваго монастыря, колокольня Новоспасскаго монастыря, начатая еще при Елизаветѣ постройкой и законченная только въ 1785 г., колокольня ц. Благовѣщенія на Тверской, ц. Ермолая на Садовой и др.

Рядъ зданій общественныхъ украсилъ Москву.

Недалеко отъ Кремля на мѣстѣ бывшаго «Васильевскаго» сада выстроено было (1764—72) огромное зданіе Воспитательнаго дома, строен-

ное по проекту К. Бланка. Конечно, это сооруженіе уступаетъ по нарядности и красотѣ зданію Сената въ Кремлѣ, но служитъ показателемъ масштаба Екатерининскихъ построекъ.

Развѣ только одинъ Смольный институтъ въ Петербургѣ могъ сравняться съ широкимъ грандіознымъ планомъ зданій Воспитательнаго дома.

Простой фасадъ, монументальность во всемъ зданіи, пристроенныя огромныя коръ-де-ложи замыкаютъ большую площадь съ садомъ и дворами, достигающую 40.000 кв. саж.

На постройку зданій Воспитательнаго дома пошла часть стѣны Бѣлаго города, другая часть ушла на перестройку дома «для Главнокомандующаго» на Тверской (1782 г.).

Это зданіе, теперь генералъ-губернаторскій домъ, было перестроено архитекторомъ Казаковымъ и съ тѣхъ поръ мало измѣнилось; только исчезли куда-то стоявшія у подъѣзда огромныя фигуры воиновъ, фигуры, сработанныя скульпторомъ Замараевымъ.

Тѣмъ же архитекторомъ М. Казаковымъ въ 1786 г. выстроено было зданіе Моск. Университета (новое) съ церковью въ правомъ углу зданія. Зданіе пострадало въ пожаръ 1812 года и спустя нѣсколько лѣтъ было возобновлено арх. Жалярди, но уже не въ стилѣ Louis XVI, а стилѣ Empire.

Въ «городѣ» между Ильинкой и Варваркой начали постройку «гостинаго двора». Проектъ былъ составленъ знаменитымъ Кваренги, предполагавшимъ воспользоваться уклономъ мѣстности и соединить двухэтажную часть зданія съ трехэтажной цѣлыми уступчатыми галлереями.

Проектъ попалъ для исполненія въ руки зодчихъ Селехова и Карина, которые совершенно переиначили проектъ, и остались нетронутыми только пріемы аркадъ съ коринфскими колоннами.

На Болотной площади было выстроено зданіе «винно-соляного двора», съ хорошими въѣздными воротами, увѣнчанными типичной вышкой.

Екатерина желала имѣть и подъ Москвой дворецъ, который бы служилъ мѣстомъ для отдыха, мѣстомъ для пріѣздовъ.

Елизаветинскіе дворцы не были солидными постройками; каменный Покровскій дворецъ былъ слишкомъ близокъ къ Москвѣ да и застраивался кругомъ.

Нашлось прекрасное мѣсто для новаго подмосковнаго дворца — это бывшее владѣніе Кантеміра «Черная Грязь», названное теперь «Царицынымъ», гдѣ началъ былъ новый большой дворецъ по проекту арх. В. Баженова; вмѣстѣ съ дворцомъ строились всевозможныя службы, «хлѣбные дома», «оперный домъ», большія оранжереи съ воздушными садами, бесѣдки, разбивался огромный «англинской садъ» и пр.

Судьба не дала осуществиться проекту Баженовскаго дворца,—случилось безпримѣрное въ исторіи русскаго зодчества, когда дворецъ почти достроенный, который былъ, по замѣчанію современниковъ, «безпримѣрно хорошъ», былъ сломанъ до основанія только потому, что не понравился Екатеринѣ...

Постройка была поручена другому архитектору М. Казакову, выстроившему на старомъ основаніи дворецъ, отъ котораго стоятъ теперь однѣ лишь стѣны.

Отъ произведеній Баженова въ Царицынѣ остались лишь два моста, «хлѣбный домъ» и кавалерскій корпусъ, — но всѣ эти постройки, равно какъ и «оперный домъ», носятъ экзотическій характеръ, — въ ихъ внѣшнемъ видѣ столько спутанныхъ элементовъ стиля готики и готики не въ чистомъ ея видѣ, а съ примѣсью какихъ-то восточныхъ фантастическихъ деталей.

И только бесѣдки въ паркѣ: «Золотой снопъ» и особенно «Миловида», являются прекрасными остатками Екатерининскаго классицизма. Екатеринѣ такъ и не пришлось жить въ Царицынѣ, — дворецъ не былъ отстроенъ и къ концу ея царствованія.

Не были закончены и дворцы въ сосѣднемъ селѣ Булатниковѣ и въ селѣ Коньковѣ, гдѣ предполагалось выстроить лѣтнія резиденціи для великихъ князей.

Въ с. Коломенскомъ, гдѣ красовался деревянный дворецъ Алексѣя Михайловича, Екатерина выстроила себѣ дворецъ, болѣе скромный по своимъ размѣрамъ, чѣмъ Царицынскій, болѣе простой своимъ фасадомъ и быстро выстроенный (по плану, присланному Екатериной изъ Петербурга); онъ пришелся по душѣ Екатеринѣ, хвалившей его удобства.

А деревянный дворецъ Алексѣя Михайловича? — Этотъ дворецъ былъ ветхъ, сохранить его не сумѣли, разобрали его до фундамента, сдѣлавъ все же предварительно модель его, хранящуюся теперь въ Оружейной палатѣ, а лучшій годный матеріалъ отъ него былъ употребленъ на изготовленіе модели Баженовскаго Кремлевскаго дворца.

Подъ самой Москвой на «большой Санктъ-Петербургской дорогѣ», на землѣ, принадлежащей Петровскому монастырю, былъ выстроенъ въ 1775—82 г.г. «подъѣздной дворецъ» для пріѣздовъ изъ Петербурга въ Москву.

Проектъ дворца былъ составленъ арх. М. Казаковымъ, который и въ этой постройкѣ примѣнилъ свои исканія какихъ-то новыхъ формъ смѣси готическихъ очертаній и русскихъ деталей. Но, воспитанный на образцахъ классической архитектуры, создавшій лучшія свои произведенія въ стилѣ классицизма, Казаковъ не создалъ памятниковъ ни русскаго стиля, ни готическаго. Потому-то много противорѣчивости въ фасадѣ Петровскаго дворца (планъ очень хорошъ) и въ другихъ попыткахъ подобнаго же рода, какъ, напр., соборная церковь Зачатіевскаго монастыря, входъ въ Чудовъ монастырь.

Приближенное ко двору дворянство естественно стремилось подражать вкусамъ Императрицы. Дворъ являлся законодателемъ вкусовъ.

Екатерина съ рѣдкимъ вниманіемъ относилась къ искусству и очень опредѣленно высказывала свои симпатіи къ классическому въ искусствѣ. Читая ея переписку съ Гриммомъ нужно изумляться, сколько времени отдавала императрица на разсмотрѣніе всевозможныхъ проектовъ, какъ за-

ботливо относилась она къ застройкѣ Петербурга и Москвы, какъ интересовалась она произведеніями художниковъ, не только окружавшихъ ее, но жившихъ и творившихъ за границей.

По восшествіи на престолъ Екатерина, естественно, желала создать понятно фонъ для своего царствованія, фонъ классическихъ декорацій героизма и величія.

Растрелли былъ уже глубокимъ старикомъ, да и вкусы его были теперь устарѣлыми, поэтому-то и пригласила Екатерина себѣ придворными зодчими такіе крупные таланты, какъ Кваренги, Камеронъ, Ринальди и др.

Конечно, и гр. Орловъ, и Завадовскій, и Шереметевъ, и др. стремились тоже пользоваться услугами тѣхъ же художниковъ, которые были вблизи Екатерины.

Да и степень образованности и просвѣщенности передового общества была теперь болѣе обща съ эстетическими потребностями двора. И человѣкъ, поощрявшій искусство, любовавшійся имъ, сумѣвшій бережно созидать красивыя сооруженія и окружавшій себя разумной пышностью, рѣдкими предметами искусства—такой человѣкъ теперь назывался «истиннымъ вельможей».

Между просвѣщенностью и эстетическимъ воспитаніемъ было тогда несравненно болѣе согласованности.

Конечно, тогда тратились огромныя средства на осуществленіе различныхъ художественныхъ мечтаній, но безъ извѣстной эстетической образованности эти капиталы были бы не въ силахъ создать и доли тѣхъ прекрасныхъ и величественныхъ сооруженій, какими такъ украсилась Москва въ эпоху Екатерины.

Мы упомянули о красивомъ домѣ гр. Мусина-Пушкина на Разгуляѣ, о домѣ Демидова, Разумовскаго.

Дальше отъ «Нѣмецкой слободы» поселился гр. Панинъ на Мясницкой (домъ Липгардъ), у Мясницкихъ воротъ, замкнутый масонъ Юшковъ выстроилъ себѣ домъ по проекту В. Баженова, нарисовавшему планъ зданія въ очертаніяхъ рога изобилія. Теперь это угловой домъ Училища Живописи, Ваянія и Зодчества, отчасти уже испорченный передѣлками. Очень типичны для того времени эти круглые угловые выступы на колоннахъ, съ круглой за ними залой.

По линіямъ теперешнихъ бульваровъ, тогда еще несуществовавшихъ, гдѣ былъ валъ когда-то, въ царствованіе Екатерины срытый, былъ цѣлый рядъ большихъ домовъ, принадлежащихъ Кутузову, Пашкову (около Покровки), Соловово, гр. Л. К. Разумовскаго, кн. Н. С. Гагарина, теперешнее зданіе Екатерининской больницы на Страстномъ бульварѣ.

Въ Кудринѣ былъ домъ Глѣбова, на Самотекѣ жилъ въ огромномъ домѣ гр. Остерманъ-Толстой, потомъ этотъ домъ перешелъ во владѣніе Семинаріи и теперь значительно передѣланъ; по сосѣдству жилъ князь Д. Волконскій.

У старыхъ Тріумфальныхъ воротъ на Тверской кн. Бѣлосельскій-Бѣлозерскій выстроилъ себѣ большой домъ, съ портикомъ и большимъ въѣздомъ; дальше были дома кн. А. Голицына, Кутайсова, Бибикова и др.

На Поварской жилъ кн. А. Черкасской, на Никитской кн. Ю. Долгоруковъ имѣлъ большой дворецъ, сгорѣвшій въ пожаръ 1812 года, недалеко были дома Лобанова-Ростовскаго, сохранился до нашихъ дней прекрасный домъ гр. Бобринскихъ на Мал. Никитской.

На Пречистенкѣ были дома Ермолова, Хрущева, гостепріимнаго хозяина, кн. Хованской, теперешнее зданіе пожарнаго депо, Салтыкова, домъ кн. М. Шаховского, теперешнее зданіе Александро-Маріинскаго Института, съ передѣланнымъ въ одной части фасадомъ.

На углу Знаменки и Арбатской площади былъ огромный домъ кн. Хованскаго, а напротивъ домъ хлѣбосольнаго С. С. Апраксина, которому домъ этотъ, какъ и все имѣніе «Ольгино», строилъ Кампорези. Это зданіе, частью перестроенное, теперешнее Александровское военное училище. Домъ этотъ былъ однимъ изъ наиболѣе просторныхъ и удобныхъ домовъ Москвы; при домѣ имѣлся большой театръ, гдѣ давались спектакли, послѣ того какъ въ пожаръ 12-го года сгорѣлъ Арбатскій деревянный театръ, стоявшій на Арбатской площади.

Былъ также театръ и при домѣ гр. Воронцова на Знаменкѣ, нынѣшній домъ гр. Бутурлиной, почти неизмѣнившійся съ тѣхъ поръ, красиво поставленный въ глубинѣ большого двора. Многіе имѣли свои домашніе театры съ своими домашними крѣпостными артистами, многіе изъ такихъ домашнихъ театровъ дѣлались открытыми, какъ, напримѣръ, театръ при домѣ кн. М. Волконскаго (на Б. Лубянкѣ) или при домѣ А. Пашкова на Моховой, гдѣ теперь новое зданіе университета. Но особеннымъ украшеніемъ тогдашней Москвы былъ домъ Баташева на Швивой горкѣ, теперешнее зданіе Яузской больницы, и домъ поручика П. Пашкова, теперь зданіе Румянцевскаго музея.

Чертоги Баташева были выстроены по плану де-Валли своимъ крѣпостнымъ архитекторомъ Кисельниковымъ; съ большой роскошью былъ убранъ этотъ великолѣпный домъ, сохранившійся въ пожаръ 12-го года и неразграбленный только потому, что въ немъ остановился Мюратъ, обратившій вниманіе на красивую внѣшность дворца.

Отломана теперь лѣстница, ведущая въ садъ, испорчены многія залы, вестибюль, но фасадъ сохранился; особенно интересенъ главный фасадъ, съ богато украшеннымъ фронтономъ. Типичныя ворота съ львами, столь распространенными въ такихъ особнякахъ.

Домъ Пашкова, выстроенный въ 1784 г., многими неосновательно считался произведеніемъ В. Баженова. Рѣшительно ни въ одной чертѣ не сказывается этотъ зодчій, а въ каждомъ произведеніи индивидуальность художника проявится неизбѣжно; тѣмъ болѣе это выяснилось бы у такого послѣдовательнаго художника, какимъ былъ Баженовъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ. Сомнительно также приписываніе авторства М. Казакову.

И глядя на этотъ совершеннѣйшій домъ въ стилѣ Louis XVI—можно предположить, что авторомъ этого прекраснаго дворца былъ какой-либо иностранный художникъ-зодчій, которому заказанъ былъ проектъ.

Домъ, интересный по массамъ, съ красиво расположенными группами флигелей, со стройнымъ фасадомъ, увѣнчаннымъ рядомъ скульптурныхъ

фигуръ. И какъ онъ былъ эффектенъ на фонѣ зеленыхъ газоновъ, среди которыхъ били фонтаны, по дорожкамъ которыхъ разгуливали нарядные павлины, изумлявшіе проходившихъ мимо москвичей.

Въ пожаръ 12-го года фасадъ обгорѣлъ и былъ возстановленъ съ сохраненіемъ прежняго облика зданія, такъ прельщавшаго заѣзжихъ, видѣвшихъ многое, путешественниковъ, такъ воспѣтаго современниками москвичами.

Кромѣ Демидова, давшаго огромныя средства на постройку Воспитательнаго дома, въ дѣлѣ широкой благотворительности выдѣлился въ вѣкъ Екатерины гр. Н. П. Шереметевъ и кн. А. М. Голицынъ.

Первый осуществилъ идею «страннопріемнаго дома», выстроивъ близъ Сухаревой башни большое зданіе съ службами и съ огромнымъ садомъ, отдавъ все это на добрыя дѣла.

Въ 1795 г. начата была постройка дома по проекту Е. Назарова и закончена была уже по плану Кваренги, давшему столь красивый фасадъ, съ такой пышной колоннадой, соединяющей боковыя крылья зданія съ центральной частью, гдѣ устроена интересная церковь, росписанная славившимся тогда Скотти.

Единственный домъ въ Москвѣ, да пожалуй и во всей Россіи, съ такимъ импозантнымъ фасадомъ, теперь такъ безжалостно, такъ грубо варварски застроенный цѣлымъ рядомъ грязныхъ грошевыхъ лавочекъ! А между тѣмъ имѣлось въ виду выстроить это зданіе не только для однихъ филантропическихъ цѣлей; въ цѣляхъ украшенія города приглашался такой большой художникъ-зодчій, какимъ былъ Кваренги.

И какъ мы не умѣемъ сохранять красивые памятники! Если не ради архитектурнаго облика зданія, то хотя бы ради сохраненія памяти о благородномъ гр. Н. П. Шереметевѣ не слѣдовало бы такъ жестоко заслонять это красивое сооруженіе.

Тому же Шереметеву и тотъ же Бергамскій зодчій выстроилъ на Воздвиженкѣ наугольный домъ, принадлежащій теперь гр. С. Д. Шереметеву—типичный фасадъ для Кваренги. Спокойныя, нѣсколько грузныя массы, закругленный уголъ, увѣнчанный приземистымъ куполомъ, простыя детали и полное отсутствіе лѣпныхъ украшеній на фасадѣ. Внутренность дома передѣлана.

Другой творитель добрыхъ дѣлъ, кн. Д. М. Голицынъ, на Калужской улицѣ выстроилъ «больницу для приходящихъ»—большое зданіе, типичное для Екатерининскаго классицизма, красиво поставленное въ глубинѣ большого участка земли съ боковыми флигелями; сзади зданія тянется до рѣки Москвы большой садъ. Все красиво, все обдуманно и все очень монументальной стройки.

Проектъ этого зданія былъ составленъ арх. М. Казаковымъ, особенно удачно скомпоновавшимъ внутри зданія церковь съ верхнимъ свѣтомъ, росписанную художникомъ Скотти.

По сосѣдству жилъ гр. А. Орловъ въ огромной своей усадьбѣ, перешедшей послѣ во владѣніе Александринскаго Дворца и называемой «Нескучнымъ».

Подмосковныя Екатерининскихъ вельможъ — это рядъ загородныхъ виллъ, полныхъ роскоши и празднествъ. П. Б. Шереметевъ въ своемъ имѣніи «Кусково» выстроилъ дворецъ, къ сожалѣнію деревянный, дворецъ скромный съ внѣшняго своего вида, но съ большой нарядностью убранный внутри. Французскій архитекторъ де-Валли былъ авторомъ этого дворца.

Кромѣ дворца, конечно, былъ выстроенъ рядъ павильоновъ для гостей и для празднествъ. Тутъ и «голландскій» домикъ и «Эрмитажъ» и пр.

Большія оранжереи раскинуты по парку, строго разбитому, съ тѣнистыми аллеями, уставленными мраморными бюстами и фигурами. Обелиски въ память царственныхъ посѣщеній. Огромные пруды съ островками, на которыхъ были «хижины филозофа», цѣлый лѣсъ для охоты...

Памятно еще было радушіе хозяина Кускова, его огромныя пиршества и гулянія для званыхъ и незваныхъ...

Теперь хорошо сохранились, за исключеніемъ внутренняго убранства, эти остатки былой роскоши.

Но несравненно лучше сохранилась и, пока, еще сохраняется другая вотчина Шереметева,—Останкино.

Расположенная менѣе красиво по мѣстности, чѣмъ Кусково, безъ такого огромнаго и красиваго парка, Останкинская подмосковная украшена лучшимъ архитектурнымъ убранствомъ.

Можно конечно пожалѣть, что фасадъ дворца, сработанный знаменитымъ Кваренги, во многихъ мѣстахъ передѣланъ былъ послѣ архит. Казаковымъ, все же нарушившимъ его цѣлостность; еще болѣе грустны безвкусныя передѣлки 50—60 годовъ,—но столько красиваго осталось внутри, что этихъ передѣлокъ не видно на фонѣ прекрасныхъ внутреннихъ украшеній. Хорошія внутреннія залы съ росписными плафонами, нарядными деталями. Скромныя, но изящныя жилыя комнаты, простыя дѣтскія и чудный залъ театра, проектированный тогдашнимъ метромъ театральнаго дѣла, знаменитымъ Гонзаго, украшавшимъ своими декораціями многіе театры.

Останкино достойно того, чтобы было оставленнымъ цѣлымъ потомству на память о быломъ,—о томъ, какъ красиво, уютно и вмѣстѣ съ тѣмъ величественно была распредѣлена жизнь такой подмосковной, какъ любили тогда украшенія жилища и какъ и въ роскоши знали мѣру.

По другую сторону Москвы жилъ богатый кн. Н. Б. Юсуповъ въ своей подмосковной, Архангельскомъ. Дворецъ былъ проектированъ Кваренги.

Любопытныя въѣздныя ворота, какъ бы съ ушедшими въ землю колоннами, главный подъѣздъ, сравнительно простой, ведетъ въ цѣлый рядъ блестящихъ залъ, круглыхъ пріемныхъ, большихъ просторныхъ столовыхъ, съ хорами, съ колоннами, поддерживающими богатые потолки, съ уютными гостиными для бостона и бесѣдъ; а для духовныхъ усладъ—большая библіотека и очень цѣнная картинная галлерея, полная рѣдкихъ сокровищъ живописи и скульптуръ. Въ 30-хъ годахъ эту прекрасную галлерею Юсуповы перевезли въ свой петербургскій домъ.

Ихъ «придворный» театръ, строенный Гонзаго, съ его же декораціями, долго блисталъ своими спектаклями.

А тамъ изъ дворца сходъ на террасы парка, рѣдкаго по красотѣ и такъ красиво начатаго террасами чисто версальской роскоши, и вдали поля, поля...

Красиво и величаво.

И все это было нужно для уклада той жизни, для жизни того барства.

Мирный покой царилъ въ этомъ прекрасномъ уголкѣ, но не мертвый покой помѣщичьяго дреманія, а покой просвѣщенной жизни. И это была гармонически развитая жизнь.

Живя среди зеленыхъ рощъ, далекихъ полей, вдали отъ Москвы эти вельможи находили необходимымъ окружать себя той же роскошью, какой были полны ихъ московскіе дома, а подчасъ въ подмосковной сокровищъ было больше, чѣмъ въ городскомъ домѣ. Въ подмосковной больше простора, да и жили больше, чѣмъ въ Москвѣ,—вѣдь въ Москву тогда съѣзжались въ ноябрѣ и въ началѣ марта разъѣзжались по своимъ деревнямъ.

Окружить здѣсь себя роскошью не значило лишь надѣть на себя мишуру золота, а было это естественной потребностью развитого и просвѣщеннаго человѣка.

Нужны были и картинныя галлереи, и библіотеки, и театры, красивыя зданія, созданныя лучшими художниками-зодчими.

Большей частью, въѣзжая въ эти имѣнія, видѣли въ глубинѣ двора домъ-«дворецъ» съ боковыми флигелями ближайшихъ службъ, вдали «хозяйственный» дворъ съ конюшнями, экипажными, людскими, «приспѣшными», а дальше скотные дворы.

За «дворцомъ» прудъ или рѣка, большой паркъ съ задумчивыми тѣнистыми аллеями, а въ послѣднихъ уютныя бесѣдки—«храмъ любви», «храмъ дружбы», «хижина» и т. п.

Большой размахъ жизни, большой масштабъ внѣшняго декорума этой жизни.

Въ архитектурѣ царилъ одинъ стиль классицизма, столь ярко очерченнаго, такъ ярко выраженнаго и, притомъ, въ такой чисто русской обработкѣ всѣхъ формъ, что смѣло можно назвать Екатерининскій классицизмъ – «русскимъ классицизмомъ».

И, за исключеніемъ эпохи Александра I-го, ни одно царствованіе не было заключено въ такую внѣшнюю завершенную форму классицизма, какъ эпоха Екатерининскаго царствованія, и любое изъ зданій этой эпохи смѣло можетъ быть перенесено въ Европу, и вездѣ оно было бы украшеніемъ любого города, а такія подмосковныя, какъ Архангельское, намного пышнѣй многихъ виллъ Италіи.

Слѣдуетъ отмѣтить еще подмосковную,—бывшее имѣніе Любомірскихъ,—«Братцево», принадлежащее теперь кн. Н. С. Щербатову.

Отлично сохранился домъ съ красиво очерченными боковыми полукруглыми выступами и прекрасной живописью плафоновъ, причемъ это не однотонная расцвѣтка, какъ обыкновенно бывали росписные плафоны и фризы, а хорошая живопись, выдержанная въ мягкихъ нѣжныхъ тонахъ.

Очень стройная бесѣдка при спускѣ къ тѣнистому пруду, круглая съ легкими коринфскими колоннами и легкимъ куполомъ.

Хорошія постройки сохранились въ подмосковной Гончаровыхъ «Яропольцы», въ имѣніи Трубецкихъ «Ахтырка», въ имѣніи кн. Вяземскаго «Астафьево», въ имѣніи Волконскихъ «Суханово» и др.

Архитектура Москвы XVIII вѣка завершается весьма интереснымъ развитіемъ формъ зодчества.

Екатерининскій классицизмъ достигаетъ до высокой степени развитія.

Поощреніе искусствъ послужило къ тому, что къ произведеніямъ зодчихъ стали относиться съ глубокимъ вниманіемъ и на архитектуру стали смотрѣть не только какъ на умѣніе правильно класть стѣны изъ кирпича и камня, а какъ на высокое благородное искусство, и архитектуру читали въ университетѣ,—знаніе ея принциповъ, особенно знакомство съ античной архитектурой считалось теперь обязательнымъ для каждаго просвѣщеннаго человѣка.

Къ началу XIX вѣка въ Москвѣ выросъ рядъ красивыхъ зданій въ стилѣ Екатерининскаго классицизма, формы котораго въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи могли вылиться лишь въ «стилѣ Имперіи».

Empire родился во Франціи, гдѣ классицизмъ зодчества блеснулъ въ изящныхъ формахъ стиля Людовика XVI.

Основы, на которыхъ развился французскій классицизмъ, были тѣ изысканія древности, то изученіе Рима, какое послужило огромнымъ стимуломъ въ созданіи формъ стиля Людовика XVI. Этотъ интересъ къ древнему Риму и Греціи теперь еще болѣе увеличился, съ одной стороны, благодаря республиканскимъ идеаламъ античности и проповѣди классическаго героизма въ эпоху 1-ой революціи, съ другой,—благодаря художественно-научнымъ изысканіямъ теоретиковъ искусства, давшихъ цѣлый рядъ трудовъ объ античной Греціи, о памятникахъ древняго Рима, о забытой Помпеѣ...

А плодовитый талантливый художникъ Пиранези создалъ огромную серію античныхъ фантазій и проектовъ, послужившихъ великолѣпной школой для зодчихъ эпохи Empire.

Эти труды были въ распространеніи по всей Европѣ, были они извѣстны и у насъ въ Россіи.

Но, конечно, не по однимъ этимъ художественнымъ матеріаламъ создавался у насъ стиль Empire.

Не будь у насъ такой плодотворной почвы къ воспріятію цвѣтовъ новаго красиваго стиля, заглохли бы занесенные съ запада элементы Empire или, въ лучшемъ случаѣ, была бы лишь одна внѣшняя подражательность, какъ мы это видимъ, напр., въ Германіи и Англіи.

Но, что особенно важно, стиль Имперіи у насъ въ Россіи есть вовсе не мода, занесенная изъ Парижа вмѣстѣ съ костюмами, прическами и бронзовыми часами. Была у насъ цѣлая подготовительная стадія въ развитіи формъ Екатерининскаго классицизма, когда рядъ талантливыхъ зодчихъ творилъ, работалъ и искалъ новаго и новаго, а это новое только и могло логически выразиться въ формахъ стиля Empire.

Съ дней царствованія Александра I начинается у насъ та красивая эпоха русскаго зодчества, которая, завершивъ собою весь періодъ русскаго классицизма, проявилась въ такихъ рѣдкихъ по красотѣ произведеніяхъ, совершенныхъ и чистыхъ, что они надолго останутся нарядными страницами въ исторіи русской архитектуры и долго будутъ ласкать глазъ художественностью своихъ формъ.

Годы Павловскаго угрюмаго царствованія миновали быстро. Въ эти годы Екатерининская Москва достраивалась, строилось и вновь много, все еще въ духѣ предшествующаго царствованія.

Въ это время возникла въ Москвѣ Павловская больница, простое, но монументальное зданіе, выстроенное Казаковымъ; достроена была красивая колокольня Андроніевскаго монастыря, высоту которой приказалъ Павелъ сократить на цѣлый этажъ,—испугавшись того, что она будетъ выше колокольни Ивана Великаго; тѣмъ же Родіономъ Казаковымъ доконченъ былъ по сосѣдству красивый храмъ Мартина Исповѣдника (въ Таганкѣ). Достраивалось многое, начатое еще при Екатеринѣ.

Къ началу XIX в. московское барство стало переселяться изъ Нѣмецкой слободы въ глубь Москвы, сталъ понемногу заселяться Арбатъ и «Староконюшенная»—такъ называлась Пречистенка съ прилегающими переулками.

Тамъ въ «Нѣмецкой» доживали дни «Екатерининскіе орлы», гр. Зубовы, гр. Мусинъ-Пушкинъ, гр. Разумовскій и др. На Калужской все попрежнему гонялъ своихъ рысаковъ гр. Орловъ, подъ Дѣвичьимъ все дремалъ кн. Долгоруковъ, а на Самотекѣ кн. Римскій-Корсаковъ все попрежнему давалъ безплатныя воскресныя гулянія въ своемъ саду.

А въ «Староконюшенной» пробивалась новая, молодая жизнь. Подросло новое поколѣніе, многіе получили блестящее по тому времени воспитаніе, многіе подолгу живали въ Парижѣ и теперь, селясь въ Москвѣ, уже по новому укладу устраивали свою жизнь.

Много начали строить новыхъ «модныхъ» домовъ.

Подъ Новинскомъ кн. Н. С. Гагаринъ выстроилъ прекрасный особнякъ съ эмблемами охраняющихъ музъ на фронтонѣ; на Пречистенкѣ Всеволожскій выстроилъ себѣ огромный домъ, теперь перестроенный домъ Штаба, а напротивъ А. Хрущовъ въ 1814 г. выстроилъ домъ, до сихъ поръ неутратившій красоты своего фасада. Это бывшій домъ Селезневой, теперь Дворянскій пріютъ.

На высокомъ цоколѣ съ красивымъ рядомъ колоннъ, поддерживающихъ легкій фронтонъ, сходъ въ садъ, огороженный простой, но изящной рѣшеткой; заканчивается садъ на углу Царицынскаго пер. такимъ типичнымъ павильономъ.

Далѣе д. кн. Е. Голицыной, интересный небольшой особнякъ Бибиковыхъ,—теперь принадлежащій Станицкой, рѣдкій домикъ по простымъ формамъ, съ хорошими колоннами, а за ними на гладкой плоскости стѣны тонкіе барельефы. Неподалеку были дома гр. Е. Орловой, Хитрово, И. Мальцова и др.

Остоженка замыкалась красивымъ дворцомъ вел. княгини Елены Павловны; послѣ все владѣніе поступило Катковскому лицею, и дворецъ былъ сломанъ.

Въ Кудринѣ жили Бутурлины, на Прѣснѣ за заставой Трехгорной было большое имѣніе гр. Ѳ. Толстого, послѣ перешедшее гр. Закревскому, имѣвшему красивый домъ въ Леонтьевскомъ пер.,—теперь домъ Остроумовскаго.

На Садовой кн. Щербатовы выстроили себѣ большой домъ, отъ котораго теперь остался уличный флигель домъ Софійской больницы,—и многомного другихъ особняковъ выстроилось въ эти годы.

Отгороженные отъ улицы рѣшеткой или большимъ дворомъ стояли эти дома, любуясь изъ небольшого портика.

Строгіе орнаменты греко-римскаго характера, тонкіе съ большимъ относомъ карнизы, красиво расположенныя окна безъ наличниковъ съ однимъ лишь сандрикомъ надъ окномъ или замкомъ изъ камней и въ центрѣ львиная маска; барельефы за колоннами и на фонѣ плоскостей, барельефы тонкой лѣпки, на фронтонѣ вѣнки съ ритмичными изгибами лентъ—символъ сочетаемости, дружбы, славы; въ завиткахъ капителей изящныя фигуры лебедей—символъ любви, свѣтильники въ простѣнкахъ и факелы—символы знанія; эмблемы присущи и необъемлемы типичному особняку стиля Empire.

Внутри большія чистыя высокія комнаты, съ лѣпкой фризовъ или, большею частью, росписными плафонами, съ бѣлыми полукруглыми кафельными печами, гостиныя, отдѣленныя отъ зала 2 или 4 колоннами, блестящими, изъ искусственнаго мрамора. Сбоку гостиной или зала столовая и неизбѣжная диванная, а тамъ спальни, дѣвичьи и кладовыя, лакейскія, низкій мезонинъ для гувернера или для дворовыхъ дѣвушекъ.

Мало цвѣтовъ — бѣлый, лазурево-зеленоватый, свѣтло-голубой или свѣтло-палевый, а на фонѣ нерѣдко бѣлая лѣпка. Рѣдко золото и только въ бронзѣ и мебели.

Необычайная симметрія — законъ стиля Empire—и лишь неизбѣжный жизненный укладъ заставлялъ иногда нарушать строгую симметричность въ распредѣленіи массъ, но это очень рѣдко. Даже простому деревянному домику, оштукатуренному гладко, давали симметричный планъ и фасадъ съ неизбѣжнымъ уступчатымъ фронтономъ.

Стройность, легкость, изящество линій, подчасъ кажущаяся сухость въ тонко нарисованныхъ орнаментахъ, распредѣленныхъ не густо, а въ мѣру, лишь бы не дѣлать плоскость скучной, утомительной для глаза. Классическая благородная простота—вотъ одинъ изъ элементовъ этого стиля Empire.

Вовсе не потому, что «то, что было, станетъ милымъ», и не преклоняясь предъ «добрымъ старымъ временемъ», плѣняемся мы теперь красотой этого стиля Empire, а только потому, что это дѣйствительно былъ красивый изящный стиль, а красота не гаснетъ за проходящимъ временемъ. И нужно еще замѣтить, что Empire вылился у насъ въ особыя оригинальныя формы, несравненно болѣе художественныя, чѣмъ на Западѣ; много наши зодчіе-художники внесли своихъ чертъ въ обработку этого стиля,

сотль типичныхъ чертъ, что это дѣлаетъ стиль близкимъ намъ, роднымъ, и можно смѣло сказать, что Александровская эпоха имѣла свой, нашъ дворянскій русскій стиль, который мы называемъ Empire.

Въ то время, когда въ Петербургѣ созидались огромныя монументальныя зданія эпохи Empire, вродѣ Михайловскаго дворца, Адмиралтейства, Биржи, арки Штаба и др., Москва украшалась значительно меньшими зданіями, но не менѣе, а подчасъ и болѣе красивыми.

Петербургъ былъ городомъ новымъ, тамъ улицы созидались вновь, тамъ много простора было для зданій, да и самыя сооруженія были общественныя, и для нихъ можно было создавать цѣлыя перспективы улицъ, и монументальность такъ шла тѣмъ зданіямъ.

Москва была старымъ городомъ, сложившимся, имѣвшимъ свой типъ, которымъ Москва изумляла заѣзжихъ иностранцевъ, говорившихъ (какъ Clark), что Москва «возбуждаетъ одновременно восхищеніе и презрѣніе, удовольствіе и уваженіе».

Тѣсныя улицы, тихіе, поросшіе травой, кривые переулки, тупики, особняки чередовались съ маленькими трехоконными домиками, огромными пустырями, церковными погостами. Въ улицахъ была тѣснота—широкихъ улицъ не было. Площади не отличались чистотой, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ тѣхъ же улицахъ, на тѣхъ же площадяхъ красовались зданія прекрасной архитектуры, нарядныя и хорошо выстроенныя.

На Солянкѣ было закончено постройкой архитекторомъ Д. Жилярди зданіе Опекунскаго Совѣта.

Въ этомъ зданіи очень очерченъ стиль Имперіи. Тутъ стройныя колонны, утоненныя противъ классическихъ правилъ, живописной фризъ изъ листьевъ мелкой лѣпки, большой барельефъ работы Витали и Кампіони и особенно изящныя фигуры, отлицованныя, въ тонкихъ складкахъ одѣяній, фигуры ангеловъ, держащихъ щитъ съ эмблемой. Спокойный куполъ вѣнчаетъ зданіе.

Боковые флигеля были прежде не соединены со средней частью зданія, и потому оно было еще болѣе стройно.

Очень характеренъ для большого пышнаго зданія этой эпохи—это домъ бывшій Луниныхъ «на валу у Никитскихъ воротъ»,—теперь домъ принадлежитъ Государственному банку на Никитскомъ бульварѣ.

Въ этомъ домѣ съ 1719 г. была «контора Императорскаго Коммерческаго Банка». Этотъ домъ строилъ тотъ же Д. Жилярди.

Прекрасныя пропорціи, отлично нарисованный фасадъ, украшенный въ мѣру изящнымъ орнаментомъ. Боковой флигель этого дома едва ли не живописнѣй главнаго фасада—такъ интересны эти колонны, глубокія впадины оконъ и тонкій барельефъ за колоннами. Уютомъ вѣетъ отъ всего этого домика-флигеля.

Очень хорошъ внутри главнаго дома вестибюль.

Послѣ пожара 12-го г. Жилярди отстроилъ обгорѣвшее зданіе «стараго» Университета, еще выстроеннаго Казаковымъ. Фасадъ былъ хорошо исполненъ съ группой дорическихъ пестумскихъ колоннъ, столь излюбленныхъ въ этомъ стилѣ (храмъ Нептуна въ Пестумѣ для художника эпохи Empire казался совершеннѣйшимъ образцомъ античной простоты).

Теперь, очевидно преднамѣренно, не возстановляется это красивое зданіе Университета, а какъ это грустно!

Его фасадъ очень красивъ, но онъ такъ грязенъ, такъ обезображенъ облупившейся штукатуркой, что мы проходимъ мимо и не видимъ того, чѣмъ при лучшемъ состояніи зданія можно было любоваться.

Другой художникъ-зодчій этого времени І. Бове выстроилъ домъ кн. Н. С. Гагарину на Новинскомъ бульварѣ и у Яузскаго Высокаго моста теперешній домъ Найденова.

Въ началѣ XIX вѣка дома съ большими садами и огородами тянулись отъ самой Покровки до Яузы. И вотъ среди этой зелени выросъ домъ, съ такимъ пышнымъ фасадомъ, съ живописно расположенной террасой, спускающейся въ садъ—пріемъ лучшихъ виллъ Италіи, красуются прекрасныя бесѣдки въ родѣ «Миловиды» въ тѣни аллей.

Сколько интереснаго въ самомъ внутреннемъ распредѣленіи комнатъ, убранныхъ сообразно вкусу того времени.

Домъ прекрасно сохранился до нашихъ дней.

Во всѣхъ этихъ домахъ много значенія придавалось входу, вестибюлю. Подъѣздъ обыкновенно былъ со двора, подъѣздъ рѣдко чѣмъ-либо выдавался, но въ устройствѣ вестибюля и главной парадной лѣстницы было много художественной обдуманности. Спокойныя ступени, частыя площадки, обнесенныя изящной простой балюстрадой изъ деревянныхъ точеныхъ колонокъ, въ нишахъ стѣнъ, большихъ плоскостей гладкихъ и чистыхъ—барельефы.

Какъ красивый образецъ такой парадной лѣстницы остался вестибюль дома Государственнаго коннозаводства на Поварской и парадный входъ дома кн. Голицына на Моховой.

Много нужно было артистической тонкости рукѣ художника, чтобы такъ грандіозно размѣщать на плоскостяхъ украшенія въ видѣ барельефовъ или орнаментовъ; особенно въ этомъ отношеніи выдѣляется зданіе провіантскихъ складовъ по Зубовскому бульвару, гдѣ по самому своему назначенію зданіе должно было быть простымъ, но чтобы скрасить монотонную плоскость, размѣщены въ нѣкоторыхъ мѣстахъ красиво вылѣпленные вѣнки съ изгибающимися линіями лентъ.

Нужно замѣтить, что въ эпохѣ Empire нужно разграничивать два періода. Первый—это нѣкоторая тяжелость массъ, приземистость, фасады подчасъ лишены какой-либо орнаментаціи; такого типа зданія Вдовьяго дома въ Кудринѣ (домъ бывшій Глѣбова), зданіе Маріинской больницы въ Сущевѣ, строенное отцомъ Жилярди—Н. Жилярди, зданіе Александровскаго института, убранное орнаментаціей по фронтону уже послѣ 1812-го года, зданіе Малаго театра (домъ бывшій Варгина) французская католическая церковь на Малой Лубянкѣ постройки А. Жилярди, церковь св. Софіи на Софійкѣ, церковь Іоанна Богослова на Старой Площади и др.

Въ эту первую половину работали кромѣ Н. Жилярди архитекторы Михайловъ, Егоровъ, Старовъ, переселившійся въ Москву изъ Петербурга и др.

Во второй половинѣ этой эпохи шла большая нарядность фасадовъ, колонны становятся болѣе граціозными, большее убранство орнаментаціей,

обильно украшавшей фасады послѣ 12-го года, когда сожженая Москва стала энергично отстраиваться и украшаться особенно къ 1820—25 годамъ—годамъ расцвѣта русскаго Empire.

Въ эту эпоху работалъ въ Москвѣ талантливый Д. Жилярди, сынъ архитектора, работавшаго въ предъидущее полъ вѣка. Кромѣ Опекунскаго Совѣта, Университета, дома Луниныхъ, дома Государственнаго Казначейства Жилярди обстраивалъ подмосковную кн. Голицына—Кузьминки.

Другимъ выдающимся художникомъ эпохи былъ І. Бове, выстроившій, кромѣ упомянутыхъ выше домовъ кн. Гагарина, еще домъ Толмачевой на углу Тверской и Газетнаго, отъ котораго теперь остался лишь одинъ флигель во дворѣ; домъ Яковлева въ Девятинскомъ переулкѣ на Покровкѣ и прекрасное монументальное зданіе Градской больницы на Калужской улицѣ, выстроенное въ 1823 г.

Однимъ изъ лучшихъ произведеній Бове, кромѣ фасада Манежа (зданіе проектировалъ и строилъ Бетанкуръ, а Бове принадлежитъ вся наружная архитектурная отдѣлка фасада)—нужно считать Тріумфальныя ворота у Тверской заставы, выстроенныя въ 1826 г. Скульптурная отдѣлка принадлежитъ Витали и Тимофѣеву (особенно хорошъ его барельефъ—«изгнаніе французовъ»). По бокамъ существующія «Кордегардіи» были соединены съ воротами желѣзной рѣшеткой; въ этихъ кордегардіяхъ записывались уѣзжающіе изъ Москвы по Петербургской дорогѣ.

Бове отдѣлалъ церковь Всѣхъ Скорбящихъ Радости на Б. Ордынкѣ—перестроивъ алтарную часть храма, сдѣлавъ такую красивую алтарную абсиду, украшенную образцовымъ орнаментомъ. Колокольня при этой церкви выстроена была еще арх. Баженовымъ.

Въ числѣ учениковъ Жилярди выдѣлялся его помощникъ арх. А. Григорьевъ, отличный рисовальщикъ, создавшій цѣлый рядъ великолѣпныхъ орнаментовъ, такъ распространенныхъ въ ту эпоху.

Ему поручено было передѣлывать послѣ 12-го года зданіе Екатерининскаго Института, гдѣ онъ выстроилъ большой залъ съ домовой церковью съ легкимъ интереснымъ иконостасомъ.

Нужно упомянутъ о типичномъ для Empire домѣ гр. А. Л. Разумовскаго, теперь зданіе Англійскаго клуба на Тверской, съ типичными воротами со «львами», столь часто встрѣчающимися въ это время, какъ украшеніемъ въѣздовъ и какъ символами «крѣпкой защиты».

Того же времени домъ Удѣльнаго Вѣдомства на Пречистенскомъ бульварѣ, домъ Соломірскаго на Тверской—теперь испорченный, д. Оберъ-Полицеймейстера на Тверскомъ бульварѣ, типичный домъ С. Алексѣева на Н. Басманной, домъ этотъ деревянный, какъ и домъ Англійскаго клуба, (средняя часть), и домъ бывшій Всеволожскаго на Остоженкѣ; домъ Совѣта Дѣтскихъ пріютовъ на Ст. Басманной и др.

На помощь зодчимъ приходили отличные скульпторы, которые своимъ рѣзцомъ подчеркнули всю стильность орнаментаціи того времени. Живопись являлась рѣдкимъ вспомогательнымъ орудіемъ. Хорошіе рѣзчики по дереву были свои крѣпостные люди, сумѣвшіе по привезеннымъ образцамъ дѣлать прекрасную мебель для обстановки всѣхъ этихъ особняковъ.

Церковь Голицынской больницы.
Памятникъ кн. Д. М. Голицыну.
Работа Ѳ. Гордѣева. 1801 г.

Донской монастырь.
Барельефъ на памятникѣ И. П. Барышникова († 1834 г.).
Работа И. П. Витали.

А мебели много привозилось изъ Парижа, какъ и бронзы; особенно послѣдняя цѣнилась высоко, да и была она хорошаго качества, прекрасной лѣпки и тонкой отдѣлки.

Всѣмъ этимъ въ изобиліи украшались зданія этой эпохи—такъ гармоничныя внѣшнимъ и внутреннимъ своимъ убранствомъ.

Подмосковныя этой эпохи измѣнили свой типъ. Онѣ стали менѣе грандіозны, чѣмъ при Екатеринѣ, но ихъ стало теперь больше.

Жить въ Москвѣ стало удобнѣй и спокойнѣй еще со времени Павла особенно для той части дворянства, которая тяготилась суровой дисциплиной Павловскихъ вахтъ-парадовъ. Большая часть когда то служившаго при Екатеринѣ дворянства, теперь доживали свои дни на покоѣ.—Отсутствіе двора дѣлало Москву провинціальной столицей. Жизнь въ Москвѣ сосредоточивалась лишь въ зимніе мѣсяца, когда отстроенное послѣ 12-го года Благородное Собраніе,—бывшій домъ кн. В. М. Долгорукова,—блистало своими еженедѣльными балами, на которыхъ бывало все Московское общество. А когда приходилъ Великій постъ, начинались разъѣзды въ свои имѣнія и свои подмосковныя, гдѣ протекала теперь болѣе тихая жизнь, нежели во времена Екатерины.

И лишь рѣдкіе владѣльцы подмосковныхъ поражали своимъ гостепріимствомъ пріѣзжавшихъ гостей, какъ, напр., кн. С. М. Голицынъ, устраивавшій ежегодно пышныя гулянія въ своихъ Кузьминкахъ, съ большими парадными обѣдами, съ хорами, музыкой и фейерверками на прудахъ.

Кузьминки удивительно интересная подмосковная, хорошо сохранившаяся до нашихъ дней.

«Дворецъ» не представляетъ большого художественнаго значенія; это обычный типъ загороднаго дома, одноэтажнаго съ простыми колоннами, деревяннаго оштукатуреннаго, съ прилегающими крыльями, гдѣ помѣщаются службы. Интересенъ лѣвый боковой на «Красномъ» дворѣ домъ съ хорошимъ росписнымъ вестибюлемъ.

Выходъ изъ дворца очень хорошъ, дорожка идетъ къ пристани, очень эффектно украшенной по сходу фигурами стилизованныхъ львовъ. Противъ пристани за прудомъ «Пропилеи», простая колоннада, замыкающая дорожку, а направо отражается въ прозрачныхъ водахъ пруда удивительное по красотѣ зданіе—это такъ наз. «Конный дворъ», полукруглая большая ниша, закрытая изящными колоннами, поддерживающими на архитравѣ эффектную группу музъ. Въ этомъ зданіи, сработанномъ талантливымъ зодчимъ Д. Жилярди такъ много утонченной граціи, что становится досадно за «конное» названіе этого павильона.

Жилярди же отдѣлалъ внутренность церкви, стоящей передъ дворцомъ, но выстроенной еще въ 1763 г. гр. Строгановымъ, которому принадлежало имѣніе.

Около церкви типичное зданіе фамильнаго склепа, при въѣздѣ въ имѣніе монументальныя стильныя ворота, украшенныя гербомъ Голицыныхъ съ примыкающей къ нимъ изящной рѣшеткой.

Положительно этотъ уголокъ достоинъ того, чтобы сохранить его цѣлымъ насколько возможно дольше.

Невдалекѣ отъ Кузьминокъ было имѣніе другого хлѣбосольнаго хозяина—это Голофтеевская теперь дача, гдѣ жилъ лѣтомъ, а иногда и зимой Н. Дурасовъ, выстроившій себѣ этотъ оригинальный по плану домъ въ формѣ креста съ фигурой Аполлона на куполѣ зданія.

Кругомъ были рѣдкія плодовыя оранжереи и питомники: большая тѣнистая роща окружала этотъ уголокъ.

Пронесшійся въ 1904 г. надъ Москвой ураганъ уничтожилъ прекрасную рощу, но пощадилъ домъ.

Типичная дача подъ самой Москвой была у гр. Дмитріева-Мамонова, потомъ принадлежавшая Ноеву (Воробьевы горы). Въ духѣ времени были подмосковныя Трубецкихъ «Ахтырка», «Петровское» Голицыныхъ и другія, къ сожалѣнію, не всегда такъ бережно сохраняемыя, какъ подмосковная кн. Щербатова—Братцево.

Интересный подмосковный домъ былъ у А. Всеволожскаго въ Александровскомъ, теперь принадлежащемъ П. Рябушинскому.

Тихой грустью вѣетъ отъ скромнаго какого-то «лѣниваго» дома въ усадьбѣ Денежниково, принадлежащей Талызинымъ.

Много еще менѣе значительныхъ подмосковныхъ, доживающихъ свои дни въ тѣни запущенныхъ садовъ...

Все тѣ же колонны фасадовъ, тѣ же бесѣдки, только облупилась на нихъ штукатурка, и покачнулись эти дома...

Да и сама жизнь въ этихъ подмосковныхъ стала замирать, утихать.

Новое время выдвинуло новыя задачи жизни, безпечность кончилась, кончился беззаботный покой и новые экономическіе запросы, новыя жизненныя условія стали создавать новыя внѣшнія формы, новое искусство.

Бытъ умираетъ, а вмѣстѣ съ бытомъ умираетъ и пышное искусство, его окружавшее и плѣнительная архитектура Empire стала для насъ грезой былого.

И. Бондаренко.

Донской монастырь.
Памятникъ И. И. Козлова († 1787 г.).

Андроникovъ монастырь.
Памятникъ гр. А. М. Булгари († 1841 г.).
Работа И. П. Витали.

Московскія кладбища.

Юрія Шамурина.

Въ наше время въ сравненіи съ предыдущими вѣками сильно уменьшилась потребность въ красотѣ. Художественное творчество ушло изъ быта, изъ жизни, и существуетъ только для стѣнъ и витринъ музеевъ. Даже въ послѣднихъ твердыняхъ поэтическаго мироощущенія—въ любви и смерти господствуетъ разсудочное, научное отношеніе. Смерть—вопросъ біологіи и соціологіи, но, какъ великая тайна, какъ грозное откровеніе, въ которомъ сочетается вѣчное и временное, божественное и человѣческое, мистическое и позитивное, она не задѣваетъ насъ, и отношеніе наше къ ней чисто дѣловое и боязливое...

Лучшее доказательство нашего невниманія къ смерти — современныя кладбища. Они не красивы, запущены и пустынны: никто не приходитъ сюда мечтать, отдыхать отъ будничной сутолоки, черпать новыя силы въ радостномъ общеніи съ дорогими могилами. На кладбища ходятъ покупать мѣсто, хоронить близкихъ, послѣдить за постановкой заказаннаго памятника.

Не всегда было такъ. Пойдите на старое кладбище Донского монастыря, особенно въ наиболѣе запущенную южную часть; приглядитесь къ полуразвалившимся, покрытымъ мхомъ и плѣсенью надгробнымъ памятникамъ XVIII-го вѣка и начала XIX-го,—и отъ всей тихой, унылой картины—густыхъ березъ, молчаливыхъ мраморныхъ и гранитныхъ урнъ, скорбныхъ бронзовыхъ скульптуръ—повѣетъ красивымъ своеобразнымъ настроеніемъ какой-то сдержанной, благородной грусти, спокойной примиренности, величественнаго покоя. И нельзя остаться равнодушнымъ: элегическая красота кладбища властно покоряетъ, навѣваетъ какія-то нѣжныя воспоминанія, смутныя грезы о прошломъ. Донское кладбище—единственное, безукоризненно сохранившее свой старинный обликъ—не есть что-то

исключительное и случайное. Всѣ московскія кладбища конца XVIII-го вѣка были полны этой тихой поэзіи смерти...

Конецъ XVIII-го вѣка—эпоха сентиментализма, создавшая этотъ типъ художественнаго кладбища, въ своей жаждѣ «чувствительности», т. е., сильныхъ и глубокихъ переживаній, любилъ мечтать о смерти. Во всѣхъ романсахъ и пѣсняхъ непремѣнно говорилось о смерти, но въ красивыхъ и нѣжныхъ словахъ. Многіе чувствительные романсы, которые и теперь еще распѣваются подъ гитару въ глухой провинціи, сочинены въ это время первыхъ всходовъ русской литературы. Любимый романсъ нашихъ бабушекъ, оканчивающійся словами—

Двѣ горлицы покажутъ
Тебѣ мой хладный прахъ.
Воркуя, томно скажутъ—
«Онъ умеръ во слезахъ!»

—произведеніе Карамзина, типичный образецъ бытовой поэзіи конца XVIII-го вѣка, несмотря на юношескую свѣжесть и непосредственность чувства, вѣчно говорящей о смерти и о могилѣ. Иллюстраціи и книжныя виньетки непремѣнно берутъ въ основу урну или памятникъ или плакучую иву надъ могильнымъ холмомъ. Бисерныя вышивки, излюбленное рукодѣліе московскихъ дѣвицъ начала XIX-го вѣка, рѣдко обходятся безъ мотивовъ смерти. Въ журналистикѣ того времени, особенно пышно расцвѣтавшей въ Москвѣ подъ видомъ безчисленныхъ альманаховъ,—любившей и умѣвшей описывать субъективныя переживанія, постоянно разсказывается о мечтаніяхъ автора во время прогулки по кладбищу, описываются восхищавшіе и поучавшіе его памятники, тянутся философскія изліянія, вызванныя хожденіемъ среди могилъ...

Если еще добавить, что въ концѣ XVIII-го вѣка эстетическая культурность русскаго общества достигла значительной высоты, что обезпеченное и беззаботное дворянство любило красоту и не жалѣло средствъ для украшенія своихъ помѣстій, особняковъ и могилъ близкихъ, становится понятнымъ, почему такъ красивы и поэтичны наши старинныя кладбища, и почему среди ихъ могилъ мы найдемъ массу отличныхъ произведеній лучшихъ русскихъ художниковъ.

Кромѣ Донского монастыря, бывшаго когда-то излюбленнымъ мѣстомъ погребенія московской знати и потому изобилующаго роскошными художественными надгробіями, лучшаго изъ старинныхъ кладбищъ Россіи, хранятъ свой поэтическій обликъ Спасо-Андроникова и Симонова монастыри, но здѣсь уже значительно меньше художественно-цѣнныхъ памятниковъ. Отдѣльныя интересныя надгробія можно встрѣтить въ Даниловомъ и Новоспасскомъ монастыряхъ, на Лазаревскомъ кладбищѣ.

Но лучшіе памятники,—произведенія крупнѣйшихъ русскихъ скульпторовъ, скрыты внутри монастырскихъ церквей и соборовъ, въ ихъ нижнихъ этажахъ и подцерковьяхъ, гдѣ въ XVII-омъ и XVIII-омъ вѣкахъ хоронили «знатныхъ персонъ». Обыкновенно въ стѣну надъ мѣстомъ погребенія вдѣлывается памятная доска или — позднѣе — мраморный памятникъ. Въ

соотвѣтствіи съ классическими увлеченіями русскаго искусства второй половины XVIII-го столѣтія, часто на памятникахъ мы видимъ языческія, взятыя изъ античной миѳологіи, изображенія и символы, обнаженныя фигуры въ духѣ древнегреческой пластики. Странно рядомъ съ этими прекрасными созданіями послѣдняго возрожденія классицизма видѣть строгіе лики иконъ, золотыя ихъ ризы, распятія и мерцанія восковыхъ свѣчей. Есть въ этомъ рѣзкій диссонансъ, два непримиримыхъ настроенія, два враждебныхъ міропониманія. Цѣльнаго впечатлѣнія, такого, какъ на кладбищѣ Донского монастыря, гдѣ все стильно, проникнуто однимъ духомъ, однимъ пониманіемъ красоты, въ этихъ своеобразныхъ музеяхъ русской скульптуры не получается; но эта раздвоенность ярко отражаетъ ту двойственность русской культуры XVIII-го вѣка, безъ пониманія которой будетъ неясно ея творчество, ея искусство, своеобразные изломы психологіи ея носителей, подчасъ загадочныя противорѣчія въ ихъ душахъ. Западноевропейская внѣшность и патріархальная русская душа, старыя мысли и новыя слова,—таковъ обликъ Москвы XVIII-го вѣка. И только Москвы: въ этомъ ея своеобразное обаяніе. Въ Петербургѣ, беззавѣтно отдавшемся заимствованіямъ, сложенномъ изъ нихъ — все цѣльно и просто. Петербургъ сталъ Европой,—и только Москва на перепутьи Россіи и Европы, оставаясь Россіей, принимала и все европейское. Принимала вдумчиво, осторожно и разборчиво, но все же не сумѣла завалить пропасть, органически связать свое и чужое,—и яркимъ символомъ этого излома московской культуры XVIII-го вѣка остаются бѣлые миѳологическіе мраморы подъ уютными сводами древнихъ монастырскихъ церквей.

Скульптурныя надгробія середины вѣка въ большомъ количествѣ размѣщены по стѣнамъ нижней церкви Богоявленскаго монастыря. Послѣдующія десятилѣтія богато представлены въ старой соборной и Архангельской церквахъ Донского монастыря. Но это далеко не все, и во многихъ скромныхъ приходскихъ церквахъ, часто прикрытыя свѣчнымъ ящикомъ, иконой или распятіемъ, ждутъ признанія великолѣпныя произведенія русскихъ скульпторовъ.

Первые слѣды художественной обработки надгробій мы встрѣчаемъ на тѣхъ памятныхъ доскахъ, которыя, начиная съ XVI-го вѣка, вдѣлывались въ стѣны церквей. Множество такихъ досокъ можно видѣть почти во всѣхъ приходскихъ церквахъ Москвы. Каменная плита испещрена славянскимъ текстомъ, датами, именемъ покойнаго, религіознымъ или нравоучительнымъ изреченіемъ. Москвичи XVII-го вѣка рѣдко снабжали памятныя доски орнаментомъ: все вниманіе дѣлавшихъ ихъ уходило на красоту шрифта, на мастерство причудливыхъ завитковъ надписей.

Въ послѣднія десятилѣтія XVII-го вѣка начинаются попытки окружать надпись на доскахъ нехитрой «каменной рѣзью», декоративнымъ вѣночкомъ. И съ этихъ поръ традиція украшенія памятныхъ досокъ укрѣпляется; постепенно пріобрѣтается нужное техническое мастерство, большая свобода и разнообразіе въ пользованіи декоративными формами; характеръ и стиль украшеній часто мѣняются, отражая быструю смѣну вліяній и теченій русскаго творчества.

Перевалъ XVII-го и XVIII-го столѣтій былъ въ московскомъ искусствѣ эпохой господства стиля барокко. Первый разъ вліяніе западнаго барокко сказалось въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича; соединившись съ цвѣтистымъ самобытнымъ искусствомъ Москвы, оно дало оригинальный «нарышкинскій» стиль. Съ основанія Петербурга, съ пріѣздомъ большого числа иностранныхъ художниковъ и мастеровъ, снова влилась въ русское творчество струя барчной пышности и торжественности. Цвѣтистый стиль надолго овладѣлъ русскимъ искусствомъ, уступивъ во второй половинѣ XVIII-го вѣка мѣсто увлеченію классицизмомъ. Въ надгробной скульптурѣ сохранились только слабые отзвуки барокко, самыя примитивныя изъ созданнаго имъ безконечнаго разнообразія художественныхъ формъ. Прежде всего потому, что самая техника декоративной скульптуры, каменной рѣзьбы въ Москвѣ, съ отвлеченіемъ лучшихъ мастеровъ къ постройкѣ Петербурга, значительно пала. Безконечно повторяются неуклюжіе завитки, въ самыхъ бѣдныхъ сочетаніяхъ.

Съ воцареніемъ императрицы Елизаветы въ Россіи начинается замѣтный художественный подъемъ, захватившій и заброшенную въ предыдущія царствованія Москву. Въ области надгробной скульптуры быстро отражается начавшійся расцвѣтъ декоративнаго искусства. Создаются по типу старыхъ памятныхъ досокъ великолѣпные образцы скульптуры поздняго барокко. Лучшія надгробія этого рода—въ нижней церкви собора Богоявленскаго монастыря. Здѣсь съ давнихъ поръ хоронили князей Голицыныхъ. Характерной чертой ихъ была щедрость въ сооруженіи надгробій своимъ близкимъ. Многіе изъ выдающихся памятниковъ московскихъ кладбищъ поставлены Голицыными.

Елизаветинскія надгробія уже не подходятъ подъ рубрику памятныхъ досокъ, хотя несомнѣнно представляютъ развитіе ихъ традиціонной формы. Самая доска съ надписями и датами занимаетъ очень небольшое мѣсто. Ее окружаютъ раскинутыя во всю стѣну богатѣйшія украшенія,—геральдическіе знаки и символы, священныя и миѳологическія изображенія, воинскіе доспѣхи и трофеи, парящіе «купиды». Позднѣе барокко временъ Елизаветы Петровны, подкрѣпленное формами и эстетическими принципами французскаго «рококо», достигло громаднаго декоративнаго мастерства. Характерные завитки, капризно и прихотливо развертывающіеся, давая богатѣйшее разнообразіе линій и формъ, связываютъ геральдическія эмблемы и аллегорическія фигуры въ одно очаровательное декоративное цѣлое...

Искусство временъ Елизаветы Петровны, поддерживаемое эстетическими потребностями двора, было не долговѣчной, но роскошной декораціей, ослѣпительной рамкой вѣчныхъ придворныхъ празднествъ и баловъ. Такой характеръ мимолетной пышности, безсодержательности красивости имѣютъ и надгробные барельефы Богоявленскаго монастыря. Въ Москву этотъ стиль былъ занесенъ придворными мастерами, пріѣзжавшими во время частыхъ наѣздовъ любившей Москву Императрицы. Законодателемъ вкуса, художественнымъ диктаторомъ былъ великій архитекторъ Растрелли, простиравшій свое вліяніе не только на зодчество, но и на прикладное искусство. Цѣлый рядъ дворцовъ въ Москвѣ и вокругъ ея сооружался

для Императрицы. Дворцы строились для постоянной резиденціи, для случайныхъ заѣздовъ, для остановокъ во время путешествій и даже тамъ, гдѣ они только могли понадобиться... Еще въ царствованіе Анны Іоанновны, въ началѣ 30-хъ годовъ, только что вернувшійся изъ-за границы молодой Растрелли, для пробы своихъ силъ, былъ отправленъ въ Москву для постройки дворца Анненгофа на мѣстѣ теперешнихъ кадетскихъ корпусовъ. Растрелли привезъ и выписалъ большое число мастеровъ—плотничныхъ, штукатурныхъ, фонтанныхъ и каменныхъ рѣзчиковъ, долго работавшихъ въ Москвѣ при безчисленныхъ дворцовыхъ постройкахъ и утвердившихъ здѣсь Елизаветинское рококо. Цвѣтистый стиль понравился москвичамъ, воспитаннымъ на пышномъ, сочномъ искусствѣ конца XVII-го вѣка, и долго господствовалъ здѣсь въ прикладномъ искусствѣ; не былъ вполнѣ забытъ и тогда, когда въ Петербургѣ уже прочно увлеклись классической эстетикой.

Архитектурныхъ памятниковъ этого стиля осталось сравнительно мало, да по своему декоративному характеру они не были приспособлены къ долголѣтнему существованію. Тѣмъ цѣннѣе превосходные образцы стиля—Голицынскія надгробія Богоявленскаго монастыря. На всѣхъ произведеніяхъ московскаго рококо лежитъ какой-то отпечатокъ, слишкомъ незначительный, чтобы можно было усмотрѣть слѣды самобытнаго творчества, но вполнѣ достаточный для обособленія московскаго искусства. Онъ мало замѣтенъ въ работахъ раннихъ мастеровъ, чаще всего пріѣзжихъ иностранцевъ, получившихъ художественное воспитаніе за границей, но опредѣленно намѣчается въ творчествѣ ихъ многочисленныхъ русскихъ учениковъ и послѣдователей. Они безусловно подражали своимъ учителямъ, но никогда не достигали ихъ щегольского мастерства, той чисто французской граціи и утонченности, которая породила этотъ изысканный стиль. Вырисовывая замысловатыя «швыркули», такъ называли русскіе мастера капризные завитки рококо, они противъ воли вносили въ нихъ какую-то московскую тяжеловатость, добросовѣстную старательность и такія художественныя вольности, которыхъ не позволили бы культурные иностранцы.

Намъ совершенно неизвѣстны имена авторовъ этихъ барельефовъ, но въ декоративномъ искусствѣ имя, личность значитъ гораздо меньше, чѣмъ въ живописи или скульптурѣ. Прикладное творчество почти всегда коллективно, художественная индивидуальность въ немъ скрыта, но тѣмъ ярче выступаетъ стиль, эстетика эпохи, общественное творчество. Въ серединѣ XVIII-го вѣка каменная рѣзьба не удовлетворяетъ вычурному вкусу, и лучшія надгробія дѣлаются изъ гипса. За 150-лѣтнее существованіе ихъ неоднократно покрывали бѣлой масляной краской, смягчившей прихотливые вырѣзы, нѣжные узоры, и нарушили вычурную красоту...

Расцвѣтъ московскаго рококо создалъ великолѣпную декорацію во всю площадь массивнаго столба надъ могилой Прасковьи Петровны Салтыковой (1706—1758 г.), урожденной Голицыной. Даже среди прекрасныхъ надгробій Богоявленскаго монастыря барельефъ Салтыковой выдѣляется чистотой стиля и прелестью общаго замысла. Неумѣстными кажутся среди жеманныхъ завитковъ христіанскія изображенія; вѣдь эта кудреватость

шла бы къ стѣнамъ какого-нибудь дворца, залы, гдѣ танцуютъ напудренные кавалеры и дамы въ атласныхъ робахъ, гдѣ сыплются изощренные комплименты! Но вся жизнь и искусство XVIII-го вѣка были созданы для дворцовъ, для земного величія, и только неразборчивая мода объединила непримиримое.

Очень интересны надписи памятныхъ досокъ, особенно у лицъ заслуженныхъ, осыпанныхъ чинами и знаками отличія. Если же нѣтъ заслугъ общественныхъ, то восхваляются добродѣтели семейныя,—но безъ тщеславія не могли обойтись люди льстиваго вѣка. Слогъ этихъ надписей самый витіеватый, торжественный и напыщенный. Кромѣ священныхъ изображеній, на памятникахъ часто встрѣчаются портреты погребенныхъ. Изображенія, премущественно живописныя, но позднѣе ихъ смѣняютъ скульптурные профильные медальоны. Въ серединѣ XVIII-го вѣка въ Москвѣ были искусные орнаментальные скульпторы, но не было художниковъ, способныхъ высѣкать изъ мрамора портретныя изображенія. Живописцевъ же, крѣпостныхъ и придворныхъ, было уже много; имъ-то и поручались живописныя изображенія на памятникахъ, плохо гармонирующія съ общимъ скульптурнымъ замысломъ. Эти портреты въ большинствѣ своемъ не представляютъ художественнаго интереса, рискованно считаться съ ними, какъ съ историческими документами, повѣрить въ ихъ сходство. Но для насъ интересенъ самый обычай украшать памятникъ портретомъ. Любопытно сопоставить это со склонностью къ надписямъ, увѣковѣчивающимъ въ нѣсколько преувеличенной галантной формѣ славу и добродѣтели покойнаго, съ изображеніемъ на могилахъ гербовъ, военныхъ трофеевъ и различныхъ эмблемъ, символизирующихъ характеръ земной дѣятельности или знатность рода.

Въ наше время, когда надгробный памятникъ покупается у Кабанова или у безыменнаго скульптора тутъ же у воротъ кладбища, уже готовый—невозможно судить по немъ о нашихъ думахъ, о нашемъ отношеніи къ смерти близкихъ. Не такъ было въ XVIII-мъ вѣкѣ. Мы видимъ, какъ любовно и внимательно воздвигаются надгробія, какъ старается художникъ, серьезно относясь къ своей задачѣ, удовлетворить всѣмъ требованіямъ заказчиковъ. Благодаря этой искренности, изучая надгробные памятники, мы открываемъ интересныя страницы психологіи людей прошлаго, въ наиболѣе сокровенныхъ ея тайникахъ. Читая дневники и письма XVIII-го вѣка, мы должны быть осторожны: нельзя забывать, что это было время париковъ, вѣчной улыбки, искусственнаго величія и красоты. Весь смутно сознаваемый идеалъ придворной культуры эпохи барокко - уходъ отъ своего человѣческаго естества въ искусственно создаваемый прекрасный міръ. И въ страстной жаждѣ божественнаго величія люди преображали свою внѣшность, словно на подмосткахъ театра, прятали все человѣческое, будничное, куда-то подальше, въ забытыя комнаты своего роскошнаго дворца. Но чѣмъ выше возносился человѣкъ, чѣмъ большимъ величіемъ и пышностью окружалъ себя на землѣ, тѣмъ страшнѣе и—главное—обиднѣе была смерть. Недаромъ избѣгали жуткаго слова—умереть; говорили—«кончить жизнь свою»...

И мы видимъ, что памятники XVIII-го вѣка со всѣми ихъ эмблемами и трофеями должны какъ бы хранить вѣчно все то, что отличало человѣка при жизни, продолжать увѣковѣчивать его внѣшній и духовный обликъ, восхищая и удивляя потомковъ. Хотя и повторяютъ часто поэты XVIII-го столѣтія слово о мудрой покорности человѣка передъ всесильнымъ Творцомъ, призываютъ безмятежно наслаждаться жизнью и, взявъ отъ нея всѣ радости, все счастье, уйти спокойно,—но это поза, маска, мало соотвѣтствующая подлинному мироощущенію, это внѣшняя официальная мудрость, которой не вѣритъ душа. Могилы разсказываютъ намъ другое: онѣ говорятъ о малодушной, призрачной борьбѣ со смертью, о мучительномъ желаніи хоть въ надгробныхъ изображеніяхъ и громкихъ надписяхъ вѣчно продолжать жизнь. Имъ мы должны больше вѣрить, потому что подъ самой ложью мы, далекіе потомки, узнаемъ неумолимую правду!

Русское искусство XVIII-го вѣка было тѣсно связано съ характеромъ придворной жизни, и даже болѣе того—съ личностью Императора или Императрицы. Въ 1762 году начинаетъ царствовать Екатерина, II и въ области художественныхъ вкусовъ происходитъ крутой поворотъ. Новая Императрица, чтобы ярче отдѣлить наступающую новую эру отъ предыдущаго царствованія, заботится о перемѣнѣ внѣшнихъ формъ придворнаго быта. Творчество Растрелли и его послѣдователей перестаетъ нравиться.

Во второй половинѣ XVIII-го столѣтія, благодаря цѣлому ряду открытій въ области изученія классическаго міра, весь цивилизованный міръ увлекается римскимъ и греческимъ искусствомъ, подражаетъ ему, часто съ буквальной точностью повторяетъ его гармоничныя формы. Вычурная замысловатость рококо смѣняется стремленіемъ къ изящной простотѣ, къ благородной сдержанности классицизма. Въ Россіи поворотъ къ классицизму совпалъ съ воцареніемъ Екатерины. Та рѣзкость и неожиданность, съ которой совершилась эта перемѣна эстетическихъ вкусовъ, вполнѣ объясняется условіями русской художественной жизни.

Выписываются изъ-за границы носители новаго направленія и опредѣляютъ дальнѣйшіе шаги русскаго искусства. Мраморный дворецъ—созданіе итальянца Antonio Rinaldi—и Академія Художествъ—француза Деламотта—первыя произведенія въ духѣ классической эстетики въ Россіи. Москва сильно отстала отъ Петербурга въ погонѣ за новѣйшими художественными теченіями Европы и познакомилась съ классическимъ искусствомъ только въ 70-хъ годахъ. Тѣмъ не менѣе, отдѣльныя, случайныя созданія новаго вкуса попадали въ Москву и ранѣе. Въ той же нижней церкви Богоявленскаго монастыря есть великолѣпный образчикъ ранняго классицизма—памятникъ на могилѣ князя Мих. Мих. Голицына (1685—1764 г.), поставленный въ 1765 году. Въ сравненіи съ Елизаветинскими барельефами, воздвигнутыми всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, этотъ массивный монументъ кажется созданіемъ совершенно иныхъ людей, иного вѣка, такъ мало общаго между его спокойными, грузными массами и пластическимъ фейерверкомъ рококо.

Мраморная доска съ велерѣчивымъ восхваленіемъ заслугъ покойнаго передъ родиной окаймлена гранитной рамкой, уже вполнѣ классическаго, строгаго рисунка. Никакихъ украшеній, никакой пышности; холодная сдержанность кажется почти бѣдностью, но стройность пропорцій и намѣренная, убѣжденная скупость линій говоритъ о сознательномъ эстетическомъ разсчетѣ. Единственное украшеніе памятника—превосходный мраморный медальонъ, первое скульптурное изображеніе на памятникѣ, по крайней мѣрѣ, въ Москвѣ. Голицынъ изображенъ въ рыцарскомъ костюмѣ, въ латахъ и, судя по тонкости работы, портретное сходство должно быть очень значительно. Авторомъ этого медальона былъ кто-нибудь изъ иностранцевъ, потому что русскіе скульпторы до конца 70-хъ годовъ, когда вернулись изъ заграничной командировки первые пенсіонеры Академіи, были способны только къ декоративнымъ работамъ. Надгробіе М. М. Голицына не оказало вліянія на дальнѣйшее направленіе надгробной скульптуры въ Москвѣ. Оно производитъ впечатлѣніе чего-то случайно занесеннаго, вырваннаго изъ общей цѣпи развитія, и послѣ него продолжаютъ встрѣчаться памятныя доски болѣе ранняго типа, хотя уже не такія цвѣтистыя, какъ раньше. Можетъ быть, причина неудачи перваго вторженія классическаго духа въ надгробную скульптуру заключается въ томъ, что довольно красивое надгробіе М. М. Голицына совершенно не имѣетъ характера надгробнаго памятника. Это не могло понравиться москвичамъ, строгимъ ревнителямъ благолѣпія...

Въ той же церкви хранятся два мраморные барельефа великаго французскаго скульптора Гудона. Самый значительный изъ нихъ, по досадной небрежности, закрытъ массивнымъ деревяннымъ распятіемъ и совершенно недоступенъ для обозрѣнія. Эти барельефы были заказаны въ 1773 году въ Парижѣ кн. Ал. М. и Дм. М. Голицыными, основателями Голицынской больницы. Большой барельефъ, теперь закрытый распятіемъ, съ изображеніемъ скорбящаго Марса—бога войны, поставленъ надъ прахомъ отца заказчиковъ—кн. М. М. Голицына (1675—1730 г.), сподвижника Петра Великаго, другой—съ тоскующей Ѳемидой—на могилу сына Дм. Михайловича—Алексѣя († 1768 г.)—«строгаго наблюдателя правосудія...»—по словамъ надгробной надписи.

Барельефы Гудона произвели цѣлую революцію въ московской надгробной скульптурѣ, вызвали массу подражаній, надолго опредѣлили характеръ надгробныхъ сооруженій, создаваемыхъ русскими художниками. Самой неожиданной новостью было употребленіе для надгробнаго памятника миѳологическихъ изображеній, въ видѣ обнаженныхъ классическихъ фигуръ. Едва ли это нововведеніе было благосклонно принято патріархальными москвичами: голыя фигуры въ храмѣ навѣрно казались безстыдствомъ и безбожіемъ!

Внѣшнія формы творчества Гудона заимствованы изъ міра классическаго искусства: миѳологическія изображенія, потухающіе факелы, шлемы и мечи, урны—хранилище праха,—символъ языческаго погребенія, пирамидальные обелиски на могилахъ; съ этой стороны Гудонъ уже вполнѣ представитель классическихъ теченій въ скульптурѣ; но если обратить внима-

ніе на стиль его барельефовъ, на характеръ изображеній, то становится очевидна духовная связь творчества Гудона съ искусствомъ предыдущихъ десятилѣтій. Нѣжные и граціозные барельефы Гудона, чуждые всякой тѣлесности, сочности формъ, ощутительности пластичности,—созданія того же изнѣженнаго духа, который создавалъ капризныя Елизаветинскія «швыркули». Эта изнѣженность, крайне характерная для творчества первой половины XVIII-го вѣка, больше, конечно, на Западѣ, воспитаннаго въ теплицѣ придворнаго этикета, привела въ тупикъ,—къ полной разслабленности, и спасительной реакціей было обращеніе къ здоровой, мощной пластикѣ классицизма; но овладѣть ей удалось не сразу, и фигуры Гудона мало похожи на мускулистыхъ героевъ античнаго міра: это какіе-то утонченные призраки, изящныя видѣнія. Барельефы этого переходнаго стиля, избѣгавшаго всего грубаго и яркаго, беря четкую классическую фигуру, смягчали ее особымъ характеромъ техники: нѣжный рельефъ мрамора, не лѣпящій, а какъ бы только намѣчающій формы, опредѣленно выдѣляющій только ихъ контуры, даетъ тончайшую полутонную свѣтотѣнь, дѣлающую изображенія хрупкими и безплотными. Подобный типъ барельефа не былъ созданіемъ одного Гудона,—мы замѣчаемъ его у цѣлаго ряда французскихъ скульпторовъ, но у талантливаго Гудона онъ особенно плѣнителенъ и двумя голицынскими барельефами впервые занесенъ въ Россію. Для насъ эти работы цѣнны еще и потому, что онѣ оказали существенное вліяніе на нашу молодую скульптуру, онѣ были образцомъ, по которому было создано много памятниковъ русскими художниками, воспитанниками Академіи. Почти полтораста лѣтъ были забыты эти дивныя скульптуры, мало кто зналъ объ ихъ существованіи. Помнили о нихъ только за границей и, по словамъ администраціи монастыря, нѣсколько лѣтъ тому назадъ какой-то французскій изслѣдователь, пріѣхавъ въ Москву, описывалъ и фотографировалъ ихъ.

Если мы будемъ стараться прочесть въ барельефахъ Гудона выраженіе отношенія эпохи къ смерти, услышать отголоски философскаго міровоззрѣнія,—то это будетъ безполезно. Никакого опредѣленнаго отношенія къ смерти въ нихъ не проявилось. Почти общее правило,—что созданія коллективныя, созданія безыменныхъ мастеровъ, творящихъ только то, что даетъ имъ эпоха, гораздо поучительнѣе для изученія общественной психологіи, чѣмъ произведенія великихъ мастеровъ. Художникъ съ развитой индивидуальностью, свободной техникой и большимъ запасомъ изобразительныхъ средствъ вноситъ только свои субъективныя переживанія, значительныя эстетически, но мало убѣдительныя въ качествѣ историческихъ документовъ. То же мы замѣчаемъ и у Гудона; его барельефы одухотворены удивительно чистымъ, легкимъ чувствомъ грусти, тихой печали, которую вызываетъ въ душѣ человѣка отдаленное воспоминаніе о смерти, спокойное созерцаніе ея. Но въ этомъ настроеніи нѣтъ ничего характернаго для человѣка XVIII-го вѣка.

Работы Гудона—послѣдніе памятники нижней церкви Богоявленскаго монастыря. Чтобы изучить дальнѣйшіе шаги русской надгробной скульптуры, нужно перейти въ слѣдующую залу московскаго скольптурнаго

музея, — въ старую соборную церковь Донского монастыря. Здѣсь также погребено много представителей рода Голицыныхъ и такое же обиліе надгробныхъ изваяній, преимущественно 80-хъ годовъ. Въ большинствѣ здѣсь работы русскихъ мастеровъ, учившихся въ Академіи Художествъ, въ короткое время создавшихъ небывалый расцвѣтъ русской скульптуры, сравнявшій наше искусство съ искусствомъ передовыхъ странъ Европы. Расцвѣтъ былъ очень непродолжителенъ и прошелъ подъ знаменемъ классицизма. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ отправляются для усовершенствованія за границу первые русскіе скульпторы Шубинъ, Гордѣевъ, Козловскій, Прокофьевъ, Щедринъ, Мартосъ. Они привозятъ въ Россію принципы французской эстетики, а позднѣе и классическій духъ. Къ концу вѣка слагается русскій классицизмъ, но уже въ 20-хъ годахъ новаго столѣтія начинается упадокъ стильности, стремленіе къ жанру и реализму. Быстро падаетъ мастерство и размахъ творчества, и русская скульптура почти перестаетъ существовать.

Самое раннее надгробіе старой соборной церкви—роскошный памятникъ кн. Петра Мих. Голицына (1738 — 1775 г.), работа иностраннаго художника Семельхага (I. Semelhag). Точной даты нѣтъ на памятникѣ, и годъ его созданія нельзя приноравливать къ году смерти погребеннаго подъ нимъ: часто памятникъ ставится по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, иногда и десятилѣтій. Но стиль памятника безспорно относитъ его къ концу 70-хъ годовъ, можетъ быть, къ самому началу 80-хъ. Какъ и барельефы Гудона—это переходный этапъ отъ манерности барокко къ спокойной простотѣ классицизма. Хотя памятникъ и вдѣланъ въ стѣну, помѣщенъ въ нишу, какъ обыкновенно дѣлалось съ барельефными надгробіями, но это не барельефъ: фигуры рельефны со всѣхъ сторонъ, отдѣлены отъ плоскости стѣны, — въ нихъ чувствуется приближеніе къ античному горельефу.

Мраморная группа скомпонована изъ двухъ фигуръ, совершенно не связанныхъ одна съ другой: рыцаря въ шлемѣ и классическомъ одѣяніи, положившаго руку на урну и повернувшагося въ сторону, и безсильно поникшаго юноши. Сбоку лежитъ поверженный жертвенникъ — символъ разрушенія и смерти.

Парадное искусство XVIII-го вѣка, культивировавшееся во всѣхъ европейскихъ академіяхъ, въ соотвѣтствіи со всѣмъ складомъ жизни, хотѣло быть аллегорическимъ. Каждымъ своимъ образомъ, каждой деталью своего произведенія хотѣлъ художникъ давать «пищу духу», поучать, изрекать высокія истины. Люди ходили въ парикахъ, естественную красоту движеній замѣнили искусственной граціей, хотѣли казаться красивѣе, умнѣе и благороднѣе, чѣмъ ихъ создала природа. Художественное творчество возвышалось тѣмъ, что становилось на ходули аллегорическаго смысла, и каждая деталь произведенія казалась одухотворенной возвышенной мудростью. Группа Семельхага, очевидно, тоже имѣла какой-нибудь аллегорическій смыслъ, потому что въ движеніи фигуръ, въ ихъ позахъ намѣренная сложность. Отгадать замысловатое значеніе этой аллегоріи не удается. Въ большинствѣ аллегорическихъ произведеній XVIII-го вѣка аллегорія не вы-

Андронниковъ монастырь.
Памятникъ кн. И. Д. и Л. Ю. Трубецкихъ.
Работа И. Витали. 1833 г.

Донской монастырь.
Памятникъ И. А. Алексѣева († 1816 г.).

текала непосредственно изъ замысла художника, оставшагося чаще всего только декоративнымъ, а притягивалась искусственно, придумывалась по мѣрѣ надобности. Семельхагъ же не пошелъ по слѣдамъ своихъ болѣе предусмотрительныхъ современниковъ и не помѣстилъ около своего произведенія «объясненія экспрессіи», открывающаго его затаенный смыслъ.

Памятникъ П. М. Голицына интересенъ и помимо своего аллегорическаго смысла. Твореніе Семельхага, малоизвѣстнаго, но талантливаго и очень умѣлаго художника, красиво при всей его манерности, напыщенности и величественной условности движеній. О ней не хочется лумать—такъ красивы сочные и рѣзкіе переходы свѣтотѣни, такъ выдержанъ стиль,—и вся группа живетъ, хотя и немного театральной, жизнью. На темномъ фонѣ глубокой ниши эффектно выдѣляется бѣлый мраморъ; густыя тѣни складокъ оттѣняютъ ослѣпительную бѣлизну освѣщенныхъ выпуклостей. Въ этой холодной красотѣ очень мало индивидуальныхъ чертъ, еще меньше чувства и подлинной одухотворенности, но произведеніе Семельхага одно изъ наиболѣе пышныхъ и торжественныхъ надгробій московскихъ церквей.

Недалеко отъ величаваго творенія Семельхага, теряясь отъ блестящаго сосѣдства, бѣлѣетъ въ той же стѣнѣ скромный барельефъ русскаго художника Ѳеодора Гордѣева (1744—1810 г.). Онъ поставленъ надъ могилой кн. Нат. Мих. Голицыной и датированъ 1780 годомъ. Сходство съ работами Гудона очень значительно,—та же граціозная нѣжность, та же прозрачность. Красиво задрапированная женская фигура около урны заставляетъ вспомнить надгробный барельефъ кн. А. Д. Голицына въ Богоявленскомъ монастырѣ. Впервые изваянная Гудономъ, она будетъ безконечно повторяться въ работахъ другихъ художниковъ, къ концу вѣка станетъ излюбленнымъ надгробнымъ изображеніемъ московскихъ кладбищъ. Гордѣевъ—одинъ изъ первыхъ питомцевъ Академіи, усовершенствовавшійся въ Парижѣ и Римѣ въ концѣ 60-хъ годовъ, современниками былъ возведенъ въ первые ряды русскихъ скульпторовъ. Намъ на протяженіи исторической перспективы такая характеристика кажется не вполнѣ заслуженной и объясняется какъ разъ слабыми сторонами художественной дѣятельности Гордѣева—отсутствіемъ самостоятельности и яркости. Его творчество, безукоризненное въ техническомъ отношеніи, не отличалось особой силой. Барельефъ Нат. Мих. Голицыной—на обычномъ уровнѣ его работъ. Та красота, которая есть въ немъ—не индивидуальное достиженіе Гордѣева, а коллективное созданіе школы, эстетическій духъ времени. Очень поучительно сравнить Гордѣевскій барельфъ съ надгробіемъ Софьи Сем. Волконской, урожденной Голицыной, исполненный Иваномъ Петровичемъ Мартосомъ въ 1782 году. Полная тождественность изображенія оттѣняетъ творческія особенности каждаго художника.

Мартосъ (1750—1835 г.)—малороссъ по рожденію, выдающійся скульпторъ-классикъ. По окончаніи Академіи онъ съ 1774-го по 1779-й годъ пополнялъ свое художественное образованіе въ Римѣ, подъ руководствомъ художественныхъ свѣтилъ того времени: датскаго скульптора Торвальдсена, живописцевъ Помпео Баттони и Рафаэля Менгса. Изъ огромнаго количе-

ства его произведеній выдается московскій памятникъ Минину и Пожарскому. Мартосъ наиболѣе самостоятельный скульпторъ-классикъ; свой гармоничный и строгій стиль онъ выработалъ не сразу и въ раннихъ работахъ очень близокъ къ французской скульптурѣ въ духѣ Гудона. Но ихъ холодное спокойствіе уже предвѣщаетъ скорый переходъ къ классицизму.

Памятникъ С. С. Волконской—одно изъ самыхъ раннихъ произведеній Мартоса, только что вернувшагося изъ-за границы. Первое, что бросается въ глаза, даже послѣ работъ Гудона, въ этомъ барельефѣ—необыкновенное мастерство. Изумительна обработка мрамора, даже самой его поверхности. Не даромъ Мартосъ прошелъ подъ руководствомъ Рафаэля Менгса, одного изъ апостоловъ возрождающагося классицизма, отличную школу рисунка,—утонченный ритмъ и богатство увѣренныхъ, твердыхъ линій очаровываетъ уже въ этой ранней работѣ. И Гордѣевъ рядомъ съ Мартосомъ кажется ученикомъ: неловко нагромождены складки драпировки, некрасивъ наклонъ корпуса, неудачно распредѣлена плоскость барельефа. Чтобы понять всю мощь таланта Мартоса, нужно перейти къ сосѣднему памятнику Марфы Петровны Собакиной — безспорному шедевру русской скульптуры. Въ громадномъ барельефѣ развернулся во всю ширь творческій размахъ Мартоса; его исключительное умѣніе позволяетъ ему легко справляться съ самыми головоломными техническими трудностями, брать самые рискованные раккурсы, почти невозможные на плоскости барельефа, тончайшимъ рельефомъ моделировать обнаженное тѣло. На барельефѣ, около могильной пирамиды съ медальономъ, изображены двѣ фигуры — плачущая женская, и въ изнеможеніи опустившаяся на мраморную гробницу обнаженная фигура генія. Смыслъ красивой аллегоріи неясенъ. Онъ и не привлекаетъ къ себѣ, и все вниманіе уходитъ на наслажденіе изысканнымъ ритмомъ линій, обиліемъ вкуса и таланта въ распредѣленіи фигуръ и массъ, въ мягкихъ сладкахъ драпировокъ. Это почти рисунокъ на мраморѣ, а не барельефъ,—такъ нѣжна поверхность, такъ изысканно вычерчены фигуры. Въ верхней части барельефа профильный медальонъ, превосходно сдѣланный, совершенно лишенный той рѣзкости тѣней, которую обыкновенно даютъ скульптурные портреты.

Здѣсь еще меньше, чѣмъ гдѣ-либо, можно искать содержательности и одухотворенности. Творчество Мартоса холодно, какъ холоденъ мраморъ, служащій ему матеріаломъ. И въ этомъ его сила, въ этомъ разгадка того, что, хотя все европейское искусство на переломѣ XVIII-го и XIX-го столѣтій, очарованное дивной гармоніей греческаго искусства, старалось достигнуть его утонченнаго благородства, только немногимъ художникамъ, и въ ихъ первыхъ рядахъ нашему Мартосу, удалось, не впадая въ манерность и театральность, найти пластическій синтезъ выразительности и красоты. Уже мастера подобные Семельхагу, отравленные тоской по античной гармоничности, безплодно стремились къ ней. Идеалъ греческой пластики—всегда формальная красота, и психологическое оживленіе допускается въ предѣлахъ, не нарушающихъ ея. Но мастера, близкіе Семельхагу, возсоздавая въ своихъ произведеніяхъ сложныя душевныя движенія

и стараясь соединить выразительность съ пластичностью, впадали въ театральность, потому что реальное, точное воспроизведеніе человѣческихъ переживаній неизбѣжно нарушило бы красоту формъ. Мартосъ врожденной мудростью таланта понялъ это, не заботился о выразительности; его работы холодны, но изумительно красивы.

Безполезно разбираться въ аллегоріи барельефа Собакиной. Лучше просто принять этотъ декоративный шедевръ и, не мудрствуя лукаво, наслаждаться гармоніей его линій и формъ. Вѣдь и сами художники творили, руководясь только эстетическими побужденіями, и только желаніе придать большую содержательность и величественность своему произведенію заставляло подбирать аллегорическое объясненіе. Вѣдь если бы до насъ дошло «изъясненіе» Мартоса, что обнаженная фигура памятника Собакиной—изнемогающій геній добра, лишившійся своей подражательницы, или—геній счастья, отчаявшійся вернуть семьѣ ея ушедшую радость,—не измѣнилась бы отъ этого наше восхищеніе дивно сдѣланными фигурами!

До послѣднихъ десятилѣтій XVIII-го вѣка въ Москвѣ не было талантливыхъ и ученыхъ скульпторовъ, поэтому большинство дошедшихъ до насъ художественныхъ надгробій заказывались въ Петербургѣ академическимъ мастерамъ, а иногда и за границей. Несомнѣнно мѣстнаго происхожденія барельефъ надъ могилой Ал. Вас. Римскаго-Корсакова въ той же старой соборной церкви, громоздкое и путанное произведеніе какого-нибудь московскаго ремесленника.

Къ концу вѣка съ запрещеніемъ хоронить внутри церквей, при чемъ исключенія дѣлались только для очень почетныхъ лицъ, уменьшается количество надгробій въ церквахъ. Вмѣсто мраморныхъ барельефовъ по стѣнамъ кладутся въ полу чугунныя плиты, безъ всякой художественной обработки. Особнякомъ стоитъ громадная мраморная гробница, богато отдѣланная бронзой, фельдмаршала Репнина въ старой соборной церкви Донского монастыря.

Грандіознымъ и роскошнымъ аллегорическимъ памятникомъ князю Д. М. Голицыну въ церкви основанной имъ Голицынской больницы заканчивается рядъ прекрасныхъ созданій надгробной скульптуры XVIII-го вѣка. Великолѣпный памятникъ — произведеніе Ѳ. Гордѣева, датированъ 1799 годомъ. Его большіе размѣры—фигуры въ ростъ, роскошный матеріалъ—бѣлый каррарскій мраморъ, темный гранитъ, черная и позолоченная бронза,--придаютъ шедевру Гордѣева пышный и величественный обликъ. Рѣзкое сочетаніе снѣжной бѣлизны мрамора и золота слишкомъ пестрое для скульптуры, отвлекающее вниманіе отъ пластичности къ красочности, дополняетъ впечатлѣніе пышности. Масса нагроможденныхъ деталей и эмблематическихъ аттрибутовъ, нарочитость композиціи, нужныя для аллегорическаго толкованія, вредятъ декоративности памятника. Изъ всѣхъ московскихъ аллегорическихъ надгробій это наиболѣе риторическое: въ каждой детали видна усиленная забота художника иллюстрировать своимъ произведеніемъ цѣлый нравоучительный трактатъ. Сложность замысла потребовала объясненія и по бокамъ памятника прибиты двѣ таблицы съ любопытнымъ текстомъ. На лѣвой:

«Сидящая плачущая фигура съ рогомъ изобилія подлѣ себя означаетъ щедрость, на колѣняхъ которой лежитъ мальчикъ, имѣя въ правой рукѣ пылающее сердце, лобзающій аиста, означаетъ соболѣзнованіе; преклонившаяся на колѣни фигура представляетъ Вѣру и Надежду: Вѣра познается черезъ крестъ, который виденъ подлѣ простертыхъ ея рукъ; Надежда познается черезъ якорь, который виденъ подлѣ ея же фигуры. Портретъ или бюстъ покойнаго, при которомъ есть кольцо, означаетъ вѣчность».

Но и этого разъясненія показалось недостаточно художнику, и онъ добавилъ еще «Объясненіе экспрессіи»—рядъ отвлеченныхъ положеній, которыя иллюстрируются взаимоотношеніемъ и положеніемъ фигуръ:

«1. Щедрость съ соболѣзнованіемъ къ роду человѣческому оплакиваетъ кончину своего подражателя.

2. Вѣра, въ надеждѣ преклонивъ колѣни, съ возвышеніемъ своихъ глазъ и съ пролитіемъ источника слезъ, взирая на освященный храмъ и въ немъ на жертвенникъ Творителя Вселенныя, при купели Виѳезиды воздвигнутый мужемъ благочестивымъ» и т. д.

Эта ненужная и надуманная риторика все же идетъ къ вычурному памятнику; творчество Гордѣева, разсудочное и надуманное, болѣе приспособлено къ аллегорическимъ задачамъ, чѣмъ ясное творчество Мартоса...

Какъ литература въ XVIII-мъ вѣкѣ признавалась двухъ родовъ,—а по Ломоносову и трехъ «штилей»—высокаго и низкаго, такъ и пластическое творчество развивалось въ двухъ направленіяхъ—офиціальномъ, создавшемъ мудрыя аллегоріи, статуи миѳологическихъ героевъ и боговъ, и интимномъ, менѣе манерномъ и претенціозномъ, предпочитавшемъ портретныя изображенія, бюсты и незатѣйливыя статуэтки. Парадное искусство, вѣчно поучающее, «возносящее души»,—со своимъ возвышеннымъ стилемъ усиленно культивировалось Академіей. И потому-то такъ быстро и прочно завоевалъ себѣ извѣстность Гордѣевъ...

Въ Донскомъ монастырѣ Голицыными была выстроена въ началѣ XIX-го вѣка церковь архангела Михаила, ставшая ихъ родовой усыпальницей. Надъ большей частью могилъ водружена только чугунная плита, и только надъ Вас. М. Голицынымъ и его женой, урожденной Строгановой, поставленъ незадолго до французскаго нашествія большой и красивый памятникъ. Такимъ образомъ это послѣднее по времени художественное надгробіе внутри церкви. Высокая пирамида краснаго гранита украшена въ верхней части великолѣпнымъ профильнымъ медальономъ князя. Внизу около гранитной гробницы мраморная женская фигура довольно грубой обработки. Медальонъ, подписанный «810. С. Пименовъ», самое цѣнное въ этомъ памятникѣ, потому что въ цѣломъ онъ не производитъ вполнѣ художественнаго впечатлѣнія. Степанъ Степановичъ Пименовъ (1784—1833 г.)—представитель второго поколѣнія академическихъ скульпторовъ, нарушавшаго часто строгіе классическіе завѣты, уклонявшагося въ сторону реализма и подражанія скульптурѣ итальянскаго Возрожденія. Нашъ медальонъ — ранняя работа художника, исполненная въ духѣ славныхъ классическихъ традицій, довольно характерная и выразительная. Женская фигура памятника не принадлежитъ Пименову,—это

Донской монастырь.
Памятникъ Л. Д. Давыдова († 1801 г.).

Андронниковъ монастырь.
Памятникъ Я. Д. Бибарсова

вполнѣ ординарное произведеніе какого-нибудь изъ многочисленыхъ мастеровъ надгробныхъ памятниковъ, работавшихъ въ то время въ Москвѣ. Недостаточно оригинальный и тонкій, чтобы быть причисленнымъ къ художественнымъ произведеніямъ, памятникъ В. М. Голицына все же довольно декоративенъ. Очень эффектно выдѣляется на темномъ гранитѣ, немного мертвый бѣлый силуэтъ женской фигуры. Но если отъ него вернуться къ давнимъ работамъ Гудона и Мартоса, то эстетическое обѣднѣніе эпохи станетъ очевидно.

При всемъ эстетическомъ совершенствѣ классической скульптуры, ея благородный и гармоничный стиль очень бѣденъ изобразительными средствами; въ его изящныя рамки не умѣщается вся безконечная сложность человѣческой души; классическій стиль по преимуществу декоративенъ, и ни тонкія лирическія переживанія, ни бурная страстность не одухотворяетъ его покойныя, величественныя линіи. Чѣмъ ближе скульпторъ къ строгому и чистому классицизму, тѣмъ бездушнѣе его творчество: у Гудона чувствовалось вѣяніе тихой скорби, у Мартоса есть сдержанные намеки на печаль; позднѣйшія же надгробія и особенно памятникъ князя В. М. Голицына—чисто декоративныя сооруженія безъ малѣйшаго проблеска теплаго человѣческаго чувства. Эта невоспріимчивость, холодная мертвенность была тѣмъ слабымъ мѣстомъ классической скульптуры, которое такъ скоро отшатнуло русскихъ художниковъ отъ ея пластическаго идеала. Разбуженная литературой, выросшая русская душа во второй четверти XIX-го столѣтія уже не хотѣла замкнуться въ рамки формальнаго совершенства, искала болѣе гибкихъ и воспріимчивыхъ средствъ выраженія. Правда, въ области скульптуры русскіе художники ихъ такъ и не нашли, потому что русская скульптура быстро пришла въ упадокъ, но уже не могли удовлетворять и старыя формы...

Памятники, расположенные на кладбищахъ подъ открытымъ небомъ, гораздо рѣже представляютъ художественный интересъ. Только въ первыя десятилѣтія XIX-го вѣка появляются на кладбищахъ работы крупныхъ мастеровъ. Тѣмъ не менѣе многочисленныя произведенія безыменныхъ ремесленниковъ заслуживаютъ вниманія, какъ яркія характеристики настроеній эпохи, ея философіи и религіи.

Въ Москвѣ долго не было обособленныхъ кладбищъ, хоронили вокругъ каждой приходской церкви,—и такимъ образомъ мѣстъ погребенія насчитывалось болѣе 200. Только для иновѣрцевъ существовало особое «нѣмецкое» кладбище около Марьиной рощи, остатки котораго и теперь еще видны около Лазаревскаго кладбища. Огненной энергіи Петра I хватило и на урегулированіе мѣстъ погребенія: съ начала XVIII-го вѣка начинается рядъ попытокъ упорядочить приходскія кладбища, оттѣснить ихъ за предѣлы города. Въ октябрѣ 1723-го года слѣдуетъ указъ: «Въ Москвѣ и другихъ городѣхъ мертвыхъ человѣческихъ тѣлесъ, кромѣ знатныхъ персонъ, внутри градовъ не погребать, а погребать ихъ на монастыряхъ и при приходскихъ церквахъ внѣ градовъ»... «Внѣ градовъ»—т. е., за чертой города,—въ Москвѣ, слѣдовательно, за кругомъ Садовой. Затѣмъ императрица Елизавета, часто навѣщавшая Москву, указомъ 2-го іюля 1748-го

года запрещала хоронить при городскихъ церквахъ на пространствѣ между Успенскимъ соборомъ и Головинскимъ дворцомъ. Въ этомъ были чисто эгоистическіе мотивы,—веселая царица боялась встрѣчъ съ печальными процессіями на пути своихъ обычныхъ выѣздовъ. Въ 1758-мъ году открывается первое въ Москвѣ Лазаревское кладбище, но только для бѣдныхъ, потому что для знатныхъ по старой традиціи продолжались погребенія при приходахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ начинается развитіе монастырскихъ кладбищъ, лежащихъ внѣ города, т. е., при большинствѣ московскихъ монастырей, исключая Богоявленскаго, Златоустинскаго, Срѣтенскаго, Страстного и Чудова. Кромѣ того, къ началу 70-хъ годовъ уже существуютъ кладбища: Ваганьковское, Даниловское, Дорогомиловское, Калитниковское и Пятницкое. Излюбленнымъ мѣстомъ погребенія московской аристократіи становятся монастыри: Донской, Андронниковъ, Покровскій, Даниловъ и Новодѣвичій. На этихъ монастырскихъ кладбищахъ постепенно вырабатываются на всемъ протяженіи XVIII-го вѣка привлекающія наше вниманіе художественныя формы надгробныхъ памятниковъ. Въ то время какъ на городскихъ кладбищахъ сохранились только единичныя могилы XVIII-го столѣтія, въ монастыряхъ почти сплошь сохранились старинные памятники. Болѣе прочный матеріалъ и крупные размѣры богатыхъ памятниковъ сберегли ихъ для насъ не менѣе, чѣмъ заботы потомковъ.

Самобытная русская форма надгробнаго памятника, идущая съ лѣсистаго сѣвера,—деревянный крестъ съ двускатнымъ покрытіемъ былъ извѣстенъ въ Москвѣ въ XVI-омъ и XVII-омъ вѣкахъ. Кромѣ креста, употреблялись каменныя лежачія плиты, четвероугольныя, иногда украшенныя нехитраго узора каемкой. Это форма южная, взятая со степной могилы, а, можетъ быть, и занесенная съ Запада. Въ пользу послѣдняго соображенія говоритъ тотъ фактъ, что изъ найденныхъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ подобныхъ плитъ, многія были положены на могилахъ проживавшихъ здѣсь иностранцевъ. Въ XVI-мъ вѣкѣ, какъ показываютъ интересные образцы этихъ плитъ въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ, ихъ украшали не столько орнаментомъ, сколько превосходными декоративными надписями, чудной узорной вязью, вырѣзанной съ громаднымъ мастерствомъ и вкусомъ.

XVII-й вѣкъ не приноситъ, несмотря на великолѣпный расцвѣтъ московской архитектуры и живописи, новыхъ формъ памятниковъ. Продолжаютъ господствовать тѣ же плиты, слабо украшенныя, чуждающіяся всякихъ «мірскихъ» надписей и изображеній. Подобныхъ плитъ на московскихъ кладбищахъ и особенно при церквахъ сохранилось довольно много. Какъ ни несложна подобная форма надгробій, въ ней есть глубокая логика, чуткое отраженіе религіознаго міровоззрѣнія эпохи. Именно такой скромной и молчаливой должна быть могила христіанина, живущаго «по волѣ Божьей», смиренно и почти радостно переходящаго къ жизни вѣчной. Смерть принимается легко и мудро. Смерть близкихъ не возбуждаетъ у оставшихся никакихъ сомнѣній, никакого мятежнаго отчаянія, стремящагося такъ или иначе побороть, пересилить смерть. Въ землѣ остается прахъ, и то мѣсто, гдѣ онъ покоится, отмѣтитъ для близкихъ сѣрый камень.

1. **Донской монастырь.**
Памятникъ А. И. Маслова († 1814 г.).

2. Памятники П. И. Фонвизина и его супруги. 1803 г.

1. **Андроникова монастырь.**
Памятникъ В. Я. Жигирева († 1802 г.).

2. **Донской монастырь.**
Памятникъ кн. П. Н. Щербатова († 1780 г.).

Во второй четверти XVIII-го вѣка господствующій типъ надгробій начинаетъ измѣняться. Могильная плита возвышается, тщательно обтесывается, становится похожей на гробницу. Затѣмъ появляется полное подобіе гроба, на ножкахъ или на массивномъ цоколѣ, богато украшеннаго, часто раскрашеннаго и позолоченнаго. Щедро разбрасываемыя украшенія, особенно на могилахъ знатныхъ людей, составляются изъ тѣхъ же завитковъ и геральдическихъ эмблемъ, какъ и орнаментика памятныхъ досокъ внутри церквей. Только, благодаря грубому матеріалу, гробницы чаще высѣкаются изъ дикаго камня, эти украшенія примитивно упрощены, иногда до неузнаваемости. Въ 70-хъ годахъ форма гробницъ, постепенно развиваясь и усложняясь, даетъ оригинальные и красивые типы надгробій. Каменный гробъ утрачиваетъ свой подражательный обликъ, стилизуется иногда такъ смѣло, что, только изучая эволюцію надгробныхъ формъ, можно догадаться о значеніи стилизованныхъ деталей. Съ упрощеніемъ гробницы геральдическая орнаментація—гербы, завѣсы, плачущіе и парящіе купидоны, порфиры, короны и львы,—усложняется, разнообразится, сочно декорируетъ темную массу гробницы. Цоколь поднимается, достигая иногда аршинной высоты. Матеріаломъ продолжаетъ служить тотъ же сѣрый камень, но украшенія иногда дѣлаются изъ мрамора. На бокахъ гробницы въ очень рѣдкихъ случаяхъ можно встрѣтить религіозные тексты и еще рѣже – славянскій шрифтъ. Красивымъ «новиковскимъ» шрифтомъ выбиты перечисленія чиновъ и походовъ, полный титулъ, иногда занимающій 3—4 строки, списокъ полученныхъ орденовъ, иногда нравоучительныя изреченія. Появляются, хотя и не часто, иногда, и эпитафіи, преимущественно въ прозаической формѣ. Очень интересна и типична эпитафія могилы кн. Анны Петровны Голицыной († 1749 г.) въ Страстномъ монастырѣ. Она выбита на памятникѣ иного типа, но порождена той же психологіей, и въ очень яркой формѣ передаетъ обычный тонъ надписей на памятникахъ середины XVIII-го вѣка:

«Петра Ивановича Измайлова дщерь княгиня Анна
Въ супружество славнѣйшихъ фамилій князя презбранна:
Бригадира Ѳеодора Голицына Иванова сына:
За вѣрность пріемши честь благовѣрна чина
Двадцать и два года въ брацѣ бысть ложа нескверна:
Въ вѣрѣ и надеждѣ и любви къ Богу вѣрна».

И если сопоставить эти надписи и этотъ типъ гробницъ, словно хранящихъ въ своихъ каменныхъ нѣдрахъ нетлѣннымъ обликъ того, о чьей громкой славѣ вѣщаютъ надписи на поверхности памятника, съ характеромъ и настроеніемъ Елизаветинскихъ барельефовъ, размѣщенныхъ внутри церквей, то сродство ихъ будетъ очевидно. Та же жажда навѣки сохранить въ памятникѣ обликъ покойнаго, то же желаніе не подчиниться волѣ судьбы, вырывающей человѣка изъ рядовъ живущихъ, увѣковѣчить хотя бы незримо его тѣло, лежащее въ этой пышной гробницѣ...

При хронологическомъ разграниченіи художественныхъ формъ гораздо важнѣе опредѣленіе времени появленія и утвержденія данной формы. Конечная дата—упадка, вырожденія и исчезновенія, менѣе поддается учету.

Вѣрность традиціямъ, укоренившаяся привычка, капризное рутинерство, постоянство художника,—цѣлый рядъ случайныхъ причинъ растягиваетъ періодъ существованія художественныхъ формъ. Такъ было и съ гробницами: онѣ появились и быстро упрочились на московскихъ кладбищахъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ. Затѣмъ приходятъ на смѣну другіе типы памятника, болѣе соотвѣтствующіе измѣнившемуся настроенію общества, и начинаютъ преобладать, но гробницы еще долго продолжаютъ попадаться; ихъ можно встрѣтить изрѣдка и въ первые годы новаго вѣка. Красивыя гробницы Павла Ив. Фонвизина (1746 — 1803 г.) и его супруги въ Донскомъ монастырѣ—такія запоздалыя произведенія, по стилю типичныя для 70-хъ и 80-хъ годовъ.

80-е годы были золотой ступенью въ подъемѣ русской эстетической культуры. Возвращаются изъ-заграницы многочисленные пенсіонеры Академіи, европейски образованные и обученные; любовь къ искусству быстро растетъ, подогрѣваемая и поощреніемъ Императрицы и сказочными богатствами вельможъ и возвысившихся «случайныхъ людей». Въ средѣ высшаго дворянства, не занятаго службой и мало заботящагося о своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ, развивается благородное соревнованіе въ великолѣпіи сооружаемыхъ дворцовъ, въ роскоши ихъ внутренняго убранства, въ количествѣ и талантливости крѣпостныхъ художниковъ. Въ Петербургѣ вокругъ Академіи и двора кипитъ интенсивная художественная жизнь; постепенно украшается и Москва.

Въ Москву стремилось среднее дворянство, не связанное съ Петербургомъ службой и придворными происками, освоившееся съ плодами западной культуры, не удовлетворенное патріархальнымъ житьемъ въ родныхъ помѣстьяхъ. Въ средѣ этого культурнаго слоя—дворянской интеллигенціи, зарождалась въ Москвѣ русская литература въ эпоху Хераскова, Карамзина, Жуковскаго. Пріобщеніе къ культурѣ помѣстнаго дворянства вызывало въ Москвѣ большой спросъ на художественное творчество.

Интенсивность московской художественной культуры 80-хъ годовъ замѣтна при изученіи надгробій. Раньше въ памятникахъ было мало разнообразія, повторялись безконечно однѣ и тѣ же ремесленныя формы, медленно развивались созданія коллективнаго творчества. Въ грузныхъ и неподвижныхъ гробницахъ не было простора для проявленія художественной индивидуальности. Въ 80-хъ годахъ обликъ кладбищъ мѣняется. Появляется цѣлое прикладное искусство—надгробная скульптура, со своими мастерами, упрочивающимися художественными традиціями, законченной эволюціей, и чутко отражаетъ всѣ теченія русскаго академическаго искусства. Значительное количество художниковъ и ремесленниковъ селилось въ Москвѣ, открывало здѣсь мраморныя и бронзовыя мастерскія, воспитывало учениковъ и вызывало подражателей. Трудно распутать этотъ клубокъ художественныхъ вліяній, переплетающихся индивидуальныхъ чертъ и отдѣлить созданія личнаго вкуса отъ коллективныхъ твореній эпохи. Длинная шеренга промежуточныхъ степеней, подражаній и повтореній связываетъ шаблонныя произведенія съ оригиналами талантливыхъ мастеровъ, поэтому представляется неизбѣжнымъ, выдѣливъ тѣ произве-

денія, въ которыхъ рельефно запечатлѣлось индивидуальное, эстетическое начало, разсматривать общую массу въ хронологической послѣдовательности, безъ всякихъ попытокъ раздробленія по школамъ и мастерскимъ. Ремесленныя формы, выявляющія стиль, создаются внѣ эстетическихъ намѣреній, индивидуальныя—сознательно красивы, намѣренно придуманы въ извѣстномъ направленіи. Это дѣленіе не только вполнѣ законно, оно совершенно необходимо, потому что, несмотря на невозможность категорическихъ разочарованій, параллельно идутъ двѣ эволюціи—формъ бытовыхъ и художественныхъ.

Бытовыя надгробія, созданія прикладнаго искусства, въ общемъ близко слѣдуютъ за смѣной архитектурныхъ теченій. Художественные памятники, создаваемые скульпторами, отражаютъ поступательное движеніе русской скульптуры. Скульптурныя надгробія, цѣнныя для исторіи художественныхъ теченій, даютъ мало матеріала для пониманія культурнаго уровня общества, его настроеній, его религіи и метафизики, по скольку она проявляется въ отношеніи къ смерти. За всѣмъ этимъ нужно обратиться къ безыменнымъ бытовымъ надгробіямъ, и они разскажутъ внимательному наблюдателю о душѣ своего вѣка такіе факты, которые трудно найти въ другихъ источникахъ и документахъ, такіе неуловимые и интимные...

Они разскажутъ о томъ, что приходится угадывать, срывая маску этикета, намѣренной или безсознательной лжи, скрытности и стыда, на поблекшихъ страницахъ дневниковъ и писемъ, которые такъ хорошо умѣли и любили писать люди конца XVIII-го вѣка, въ словахъ тѣхъ изъ поэтовъ, которые не боялись быть искренними до конца. Иначе и не можетъ быть: говоря о смерти, передъ смертью люди не могутъ не быть искренни. Пусть они лгутъ, какъ лгали Елизаветинскія горделивыя и пышныя надгробія, но въ этой лжи всегда будетъ чувствоваться надрывъ, колебаніе, вызванное сознаваемымъ величіемъ смерти. Есть одна очень характерная черта въ бытовыхъ надгробіяхъ второй половины вѣка, убѣждающая въ ихъ безсознательной искренности: памятники этого времени почти никогда не носятъ христіанскій характеръ. Эстетически это обосновывается ростомъ классическихъ симпатій, но тутъ есть и глубокая психологическая правда, потому что люди XVIII-го вѣка, помимо наружнаго соблюденія требованій офиціальнаго культа, очень далеки были отъ всякихъ религіозныхъ запросовъ, и «вольтерьянство», отъ котораго наружно открещивались сановитые вельможи и служилая молодежь, было несомнѣнно господствующимъ настроеніемъ. На памятникахъ исключительно рѣдко встрѣчаются кресты и прочіе христіанскіе символы, почти не попадаются священные тексты, и частое упоминаніе къ концу вѣка въ эпитафіяхъ Бога, говоритъ о Высшемъ Существѣ, какъ о какой-то мистической субстанціи міра, а не—объектѣ культа какого-нибудь одного вѣроисповѣданія. Можно найти подтвержденіе этому заключенію въ томъ, что хотя эпитафіи много философствуютъ о Богѣ, но никогда ни однимъ словомъ не упоминаютъ ни о Христѣ, ни о Божьей Матери. Памятники имѣютъ вполнѣ свѣтскій, декоративный характеръ, внѣ своего обычнаго употребленія совершенно не напоминаютъ о смерти. Ихъ формы заимствованы

изъ древнеримской и въ меньшей степени—древнегреческой символики смерти, имѣющей чисто эстетическое значеніе. Такія же сооруженія съ одинаковымъ успѣхомъ служатъ украшеніями парковъ, фонтанами, верстовыми столбами на старинныхъ «Екатерининскихъ» шоссейныхъ дорогахъ. Но этотъ языческій духъ усваивается не сразу. Въ 70-хъ годахъ замѣчаются его проблески, создающія компромиссныя классически-христіанскія формы, и только къ концу вѣка откровенно языческій характеръ надгробій прочно утверждается. Нѣкоторый диссонансъ вносятъ сложныя скульптурныя группы съ ихъ благочестивыми аллегоріями, но и здѣсь христіанская символика сливается съ античной въ одно декоративное цѣлое, и преобладающее настроеніе памятника остается все-таки земнымъ.

Ознакомленіе цивилизованнаго міра съ классицизмомъ въ серединѣ XVIII-го вѣка, главнымъ толчкомъ къ которому послужили первыя раскопки Помпеи, открывшія цѣлый прекрасный эстетическій міръ, оживило европейское искусство. Въ изживавшія себя, утонченныя до болѣзненной хрупкости художественныя формы, выраставшія въ душной атмосферѣ придворнаго быта, въ разслабленное и чувственное или же безсодержательно напыщенное искусство,—ворвалась свѣжая, безконечно разнообразная гармонія классическаго творчества и вызвала мощный художественный подъемъ. Этотъ подъемъ отразился и на молодомъ русскомъ искусствѣ. Въ Москвѣ убѣжденнымъ и талантливымъ пропагандистомъ классицизма былъ архитекторъ Баженовъ, ученый и вліятельный художникъ, поселившійся у насъ въ началѣ 70-хъ годовъ. Подъ его вліяніемъ выросла цѣлая архитектурная классическая школа, нѣсколько десятилѣтій направлявшая художественную жизнь Москвы. Отъ архитектуры классическія увлеченія перекинулись и на прикладное искусство: въ надгробную скульптуру хлынулъ цѣлый потокъ новыхъ формъ и образовъ, и уже въ началѣ 80-хъ годовъ замѣчается, правда—робкое и неопытное, возсозданіе античныхъ типовъ надгробій. Характерно, что большинство этихъ памятниковъ взято не съ античныхъ могилъ, а съ декоративныхъ сооруженій; чаще всего это стилизованныя формы классической, преимущественно римской, архитектуры. Просматривая иллюстрированныя изданія конца XVIII-го вѣка, мы найдемъ въ виньеткахъ и концовкахъ, художественный уровень которыхъ былъ очень высокъ, всѣ эти надгробныя формы: обелиски, мавзолеи съ фронтонами, фрагменты колоннъ, пирамиды, античные жертвенники и всевозможныя урны. По существу своему созданныя для надгробныхъ памятниковъ, онѣ быстро стали излюбленнымъ декоративнымъ мотивомъ. Кромѣ книжныхъ украшеній, мы ихъ встрѣтимъ на бисерныхъ вышивкахъ, въ альбомахъ, въ старыхъ барскихъ паркахъ—въ видѣ украшеній на фарфорѣ, въ бронзѣ, на фантастическихъ пейзажахъ—«ландшафтахъ»...

Утонченная простота и сдержанность—таковъ стиль новыхъ памятниковъ. Контрастъ съ торжественнымъ искусствомъ предшествовавшаго времени былъ громаденъ, и не сразу даются московскимъ мастерамъ строго логичныя созданія классической эстетики. Художникамъ, воспитаннымъ въ традиціяхъ ослѣпительной вычурности декорацій, отравленнымъ ею, не удается гармоничная ясность классицизма. Повторяя античныя формы, они

соединяютъ ихъ традиціонными пріемами, и въ результатѣ получается малопривлекательный фантастическій конгломератъ, одинаково враждебный и старой и новой эстетикѣ. Въ Андроникомъ монастырѣ на неизвѣстной могилѣ,—доски съ надписями и датами не уцѣлѣли,—массивная гробница увѣнчана высокимъ обелискомъ. Обелискъ—грузное и совершенно самостоятельное декоративное сооруженіе—непонятенъ, немыслимъ на крышкѣ гроба, и такое странное соединеніе, встрѣчающееся, кстати сказать, въ 80-хъ годахъ довольно часто, свидѣтельствуетъ только о безсознательномъ заимствованіи стоящаго на распутьи художника.

Еще болѣе курьезный образецъ переходнаго стиля можно видѣть въ Донскомъ монастырѣ. Громадный памятникъ самодура—филантропа и богача—Прокофія Акинфіевича Демидова, воздвигнутый въ 1789 году, составленъ изъ классическихъ декоративныхъ формъ, но вычурная нагроможденность ихъ, запутанная сложность безконечно далека отъ античной ясности и сдержанности. И самый честолюбивый замыселъ—отмѣтить могилу чѣмъ-то исключительнымъ и поражающимъ—не могъ вмѣститься въ рамки классической эстетики. Чопорная и грубоватая самобытность демидовскаго памятника, его своеобразная трактовка классическихъ формъ—чисто московская черта. Въ художественной жизни Москвы были такія странныя явленія, какъ великій архитекторъ классикъ Матвѣй Казаковъ, около 50 лѣтъ работавшій въ классическомъ стилѣ, создавшій лучшія классическія сооруженія Москвы, и между тѣмъ всю жизнь проведшій въ Москвѣ, никогда не видѣвшій ни одного подлиннаго античнаго сооруженія. Громадная одаренность подсказывала Казакову правильное пониманіе классицизма, но было много другихъ художниковъ, въ угоду господствующему вкусу работавшихъ въ духѣ классической эстетики, но всѣмъ своимъ существомъ чуждыхъ ей и поэтому создавшихъ такія поистинѣ псевдоклассическія сооруженія, какъ памятникъ Демидова.

Демидовскому памятнику безтолково, почти механически пользующемуся античными формами, можно противопоставить органическое претвореніе ихъ, утонченно соединяющее нарядность и чистоту формъ, простоту и изысканность. Этотъ ранній классицизмъ, вылившійся во Франціи въ стиль Louis XVI, превосходно представленъ въ Донскомъ монастырѣ памятникомъ Льва Денисовича Давыдова (1743—1801 г.)—послѣднимъ отзвукомъ искусства XVIII-го вѣка. Граціозныя мраморныя гирлянды, нѣжные профильные медальоны—изъ художественнаго арсенала XVIII-го столѣтія, оживляющіе строгую чинность обелиска, заканчиваемаго изящно стилизованной урной. Изысканность пропорцій и волшебная легкость силуэта говорятъ о художникѣ, прочно усвоившемъ эстетическую культуру Запада. Индивидуальныхъ чертъ въ этомъ памятникѣ очень мало, но стиль, высокая школа, аристократическое мастерство,—воспитанныя эпохой, привлекательныя даже въ творчествѣ самаго ординарнаго художника,—дѣлаютъ памятникъ Демидова однимъ изъ лучшихъ декоративныхъ сооруженій Донского монастыря.

Изъ деталей памятника интересенъ портретный медальонъ на переднемъ фасадѣ. Красивый и выразительный профиль мастерски высѣченъ

въ стилѣ работъ французскихъ скульпторовъ. Онъ очень близокъ къ дошедшимъ до насъ портретнымъ барельефамъ Гавріила Замараева (1760—1823 г.)—московскаго скульптора, по окончаніи Академіи нѣсколько лѣтъ доучавшавагося въ Парижѣ. Замараевъ исполнялъ преимущественно декоративныя скульптуры, барельефы и украшенія для построекъ Казакова и его школы, ему же принадлежитъ нѣсколько надгробныхъ памятниковъ. Повидимому, памятникъ Давыдова—его работа. Другое безспорное произведеніе Замараева—мраморная гробница В. П. Жигирева (1803 г.) на кладбищѣ Андроникова монастыря. Прекрасный миніатюрный портретъ и гирлянды по бокамъ его, совершенно такіе же, какъ и на памятникѣ Давыдова, убѣждаютъ въ принадлежности обоихъ надгробій одному мастеру. Въ гробницѣ Жигирева, низкой и мало замѣтной, теряющейся у стѣны обширнаго собора, при внимательномъ разсмотрѣніи поражаетъ обиліе вкуса въ деталяхъ орнаментаціи, въ распредѣленіи украшеній. Всѣ эти привлекательныя черты—достояніе всѣхъ тѣхъ, кто сумѣлъ стать на уровнѣ художественнаго развитія вѣка, но не индивидуальное достиженіе, и поэтому Замараевъ, несмотря на цѣлый рядъ мастерскихъ произведеній, остается только умѣлымъ исполнителемъ, но не творцомъ.

Разсмотрѣнные нами памятники своей нарядностью и тщательной отдѣлкой, богатствомъ и крупными размѣрами выдѣляются изъ обычнаго уровня, но типъ ихъ очень широко распространенъ. Не является чѣмъ-то случайнымъ и наноснымъ ихъ холодная декоративность, бездушная красивость, совершенно не отражающая идеи надробнаго памятника. Такое сооруженіе, какъ надгробіе Давыдова, можетъ быть и бронзовымъ настольнымъ украшеніемъ, и памятникомъ, увѣковѣчивающимъ какое-нибудь радостное событіе, и фарфоровымъ пресспапье: въ немъ ничего родственнаго настроенію кладбища...

Изъ рядовыхъ формъ надгробій, заимствованныхъ изъ классической древности, раньше другихъ появляются обелиски. Декоративный обелискъ, ведущій свое происхожденіе отъ Египетскаго искусства, заимствованный римлянами, въ короткое время наводнилъ московскія кладбища. Обелискъ встрѣчается во всевозможныхъ трактовкахъ: иногда съ трудомъ можно догадаться, что прототипомъ неуклюже обточенной каменной глыбы былъ стройный классическій обелискъ; иногда же не только безукоризненно повторяются школьные, шаблонные типы обелисковъ, но и находятся новыя пропорціи, неожиданныя варіаціи въ духѣ античнаго искусства. Еще болѣе широкое распространеніе получаютъ немного позднѣе появляющіяся урны,—символическое хранилище праха, но опять-таки не сразу получаютъ раціональное употребленіе. На кладбищѣ Андроникова монастыря, богатомъ доморощенными классическими созданіями, есть безыменная могила съ урной, поставленной на гробницѣ. Логическая невозможность соединенія этихъ формъ очевидна: гробница—символъ христіанскаго погребенія, урна—языческаго сожженія. Затѣмъ появляются античные жертвенники—въ видѣ небольшихъ колоннъ на каменной плитѣ, часто сильно искаженные: пересѣченные кубомъ, увѣнчанные крестомъ или непомѣрно возвышенные. Къ 1790 году эти формы надгробій начинаютъ господство-

вать, и московскія кладбища сплошь усѣяны ихъ скромными сѣрыми силуэтами. Эстетическое впечатлѣніе получается очень невыгодное: насколько красивы и поэтичны всѣ эти формы на виньеткахъ, гдѣ ихъ окружаютъ цвѣты, обвиваетъ плющъ, пасутся около козы, гдѣ надъ ними качаются ивы, настолько безцвѣтны онѣ въ тѣснотѣ кладбища, теряющіяся въ унылом однообразіи. Между тѣмъ увлеченіе подобными надгробіями становится поголовнымъ, объ иныхъ формахъ памятниковъ почти забываютъ, и даже богатые люди, имѣющіе возможность обращаться къ художникамъ, украшаютъ могилы своихъ близкихъ тѣми же обелисками и урнами. Къ концу вѣка вырабатывается нѣсколько болѣе сложныхъ надгробій: конусъ, поставленный на усѣченное остріе, перебитый кубомъ, заканчивающійся полусферой, стоячая плита съ двумя фронтонами и колоннами по бокамъ (Даниловъ монастырь); низкая пирамида съ шаромъ наверху (Симоновъ монастырь).

Среди неприглядnаго однообразія и бѣдности формъ при внимательномъ разсмотрѣніи можно найти много оригинальныхъ и талантливыхъ декоративныхъ мотивовъ. Больше всего вкуса и мастерства проявляется въ урнахъ—неизмѣнномъ украшеніи почти всѣхъ могилъ. Намѣчается нѣсколько типовъ урнъ, начиная съ открытыхъ вазъ, заимствованныхъ у архитектуры, гдѣ онѣ часто въ эпоху классицизма украшаютъ ворота, подъѣзды, лѣстницы и печныя ниши, и кончая античными урнами, подчасъ изумительно благороднаго рисунка. Урны часто снабжаются различными прибавленіями, имѣющими символическое значеніе. Урна съ выбивающимся пламенемъ, рвущимся къ небу, урна обвитая змѣей, свернувшейся въ кольцо—символомъ вѣчности; урна съ накинутымъ на нее «покрываломъ забвенія», слегка отброшеннаго, словно любящей рукой; наконецъ, урна съ крыльями—въ знакъ уносящаго его времени. Оригинальная урна этого типа, превосходно вычерченная, есть на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря, недалеко отъ собора. Доска съ датами и именемъ оторвана, но по характерному шрифту надписи «Былъ добрый человѣкъ» на бронзовой пластинкѣ, ее нужно отнести къ 1790-мъ годамъ. Глубоко волнующее впечатлѣніе оставляетъ эта, покрытая мхомъ, бѣломраморная урна: мы не знаемъ, кто погребенъ подъ ней, но знаемъ только то, что онъ «былъ добрый человѣкъ»,—и трогательно звучитъ эта посмертная рекомендація...

Къ концу вѣка пониманіе классическихъ формъ становится болѣе правильнымъ и строгимъ, и въ обходъ надгробной скульптуры входятъ многіе элементы русской классической архитектуры—фронтоны, мавзолеи, портики и т. д. Ровныя спокойныя плоскости памятниковъ «чистаго вкуса» — такъ опредѣляли у насъ въ началѣ вѣка строгій классическій стиль—требуютъ орнаментики, оживляющей и разнообразящей ихъ гладь. И постепенно вырабатывается великолѣпная декоративная символика, выдержанная въ холодномъ и сдержанномъ стилѣ Empire, утвердившемся въ русской архитектурѣ въ послѣдніе годы XVIII-го вѣка. Рѣдко эта орнаментика бываетъ безсодержательно декоративна, почти всегда полна аллегорическаго смысла или символическаго значенія. На колонны и жертвен-

ники навѣшивается каменная высѣченная гирлянда, въ болѣе раннюю эпоху точно изображающая цвѣты, позднѣе сильно стилизованная, или ихъ обвиваетъ плющъ,—и это противопоставленіе на могилѣ мертваго камня и полнаго жизни растенія—красиво. Потухающій факелъ, опущенный пламенемъ внизъ,—излюбленный мотивъ Empir'ной орнаментики, не чуждый и архитектурѣ, или два пересѣкающихся факела—часто украшаютъ постаменты, на которыхъ воздвигнуты урны. Песочные часы съ крыльями,—символъ быстро летящаго времени, маски ужаса съ широко открытыми глазами и ртомъ, идущія изъ древней Греціи, вѣнки, розетки и рѣже всего—геометрическій орнаментъ,—таковы украшенія могилъ эпохи классицизма.

Несложность внѣшнихъ формъ надгробій заставляетъ близкихъ сосредочивать все вниманіе на эпитафіяхъ, поясняющихъ и закрѣпляющихъ тѣ чувства, которыя вызываетъ въ нихъ дорогая могила. На большинствѣ памятниковъ выбиты эпитафіи, подчасъ — истинные перлы надгробной поэзіи. Форма красива и гибка, содержаніе всегда искренно и серіозно. Московское общество конца XVIII-го вѣка, только что пріобщившееся къ благамъ культуры, съ юношеской непосредственностью полюбило искусство, больше всего поэзію. Всѣ хотѣли творить, расцвѣла диллетантская поэзія альбомовъ, бальныхъ мадригаловъ, эпиграммъ и эпитафій, въ короткое время достигла большого мастерства формы и версификаторской техники. Она сыграла свою роль, можетъ быть, до сихъ поръ недостаточно оцѣненную, въ первыхъ шагахъ русской литературы Карамзинскаго періода. Съ этой стороны очень интересны надгробные стихи безъ именныхъ поэтовъ, немного сентиментальные, но привлекательные.

90-е годы XVIII-го столѣтія—одна изъ содержательныхъ страницъ русской культуры, эпоха реакціи противъ легкаго придворнаго эпикуреизма, напыщеннаго мышленія, всей той принципіальной театральности, которая характеризуетъ нравы, искусство и литературу XVIII-го вѣка. Самымъ яркимъ выразителемъ новаго былъ Карамзинъ съ его чувствительными повѣстями, съ его нѣжной лирикой. Раньше поэты стремились къ ходульной величественности, витали въ области условныхъ чувствъ и «пристойныхъ» мыслей, теперь въ поэзіи пробуждается жажда интимности и искренности, хочется говорить о радости молодой и свѣжей души, опьяненной открывшимся просторомъ жизни и мысли. Новые поэты воспѣваютъ любовь и дружбу, восхищаются природой безъ философскихъ разсужденій, славятъ радость, лѣнь и безпечность, иронизируютъ надъ важностью и серьезностью. Мистическая мечтательность завладѣваетъ душами, окутываетъ міръ. Любовь и смерть—два полюса жизни,— самыя увлекательныя темы мистическихъ грезъ, и никогда такъ много не писали и не думали о любви и о смерти, какъ въ Россіи 1790-хъ годовъ. И поэтому особенный интересъ пріобрѣтаютъ эпитафіи, показывающія намъ, какія душевныя струны задѣвала смерть, что отвѣчали онѣ ей, какъ переживали сентиментальные романтики смерть близкихъ и милыхъ...

Новое міроощущеніе, радостное и безмятежное, слишкомъ сроднившееся съ всемогущими грезами, чтобы остро чувствовать горесть утраты,

тѣсно связано съ незамѣтной и невыразительной сдержанностью обелисковъ и урнъ. Простота ихъ внѣшности скрашивается обволакивающимъ ихъ мистическимъ чувствомъ, которое казалось слишкомъ тонкимъ, слишкомъ отвлеченнымъ, чтобы его можно было объективировать въ художественныхъ формахъ. Такъ было для близкихъ и современниковъ, но для насъ эти могилы молчаливы,—мы видимъ только сѣрый камень, холодный и безразличный. Но эпитафіи, съ трудомъ разбираемыя на заплеснѣвшемъ памятникѣ, разскажутъ, что было въ душахъ тѣхъ, кто ставилъ эти урны и жертвенники. Совершенно одинаковыя, не несущія ни украшеній, ни гербовъ и трофеевъ, могилы ничего не говорятъ о мертвыхъ. Это характерно для мистическаго времени и красиво: все земное остается въ мірѣ и не переступаетъ за стѣны кладбища. Потому-то и могилы знатныхъ не отличаются отъ могилъ бѣдныхъ, — вездѣ покоятся равноцѣнныя и безплотныя человѣческія души, — и въ этомъ есть чарующая поэзія человѣчности, очень характерная для психологіи московскаго культурнаго общества конца XVIII-го вѣка. Памятникъ простъ,—онъ только знакъ того мѣста, гдѣ будутъ встрѣчаться любящія души; онъ нуженъ только близкимъ, какъ объектъ ихъ любви и заботъ.

Одна изъ наиболѣе распространенныхъ эпитафій принадлежитъ Карамзину. Она выразительна и сильна, какъ пушкинскій стихъ...

«Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра!» И это «радостное утро»— не привычная фраза о христіанскомъ загробномъ воскресеніи, а глубокая мистическая увѣренность въ новой прекрасной жизни, ждущей гдѣ-то... Она повторяется почти во всѣхъ эпитафіяхъ, такихъ же грустно сдержанныхъ по тону.

«Сынъ вѣчности отсель на небо преселился,
Оставивши жену въ разлукѣ и дѣтей;
Изъ мрака въ свѣтъ прешелъ, съ Творцомъ соединился.
Межъ тѣмъ, какъ бремени мы ищемъ въ жизни сей,
Онъ тамъ, спокойствіемъ небеснымъ наслаждаясь,
На наши суеты взираетъ улыбаясь».
(Донской мон. 1799 г. Могила А. Я. Протасова).

Или изящное четверостишіе:

«Любовь и дружество сей памятникъ создали
Надъ прахомъ юнаго любимца своего.
Онѣ и здѣсь ему всѣ блага обѣщали:
Богъ болѣе хотѣлъ: Богъ взялъ его къ себѣ».
(Лазаревское кладбище. 1805 г.)

«Надежда здѣсь, дружба, любовь моя,
И здѣсь опять счастлива буду я».
(Донской мон. 1803 г. Могила В. А. Небольсина).

Основнымъ мотивомъ эпитафій является увѣренность въ вѣчномъ свиданіи съ умершими, и ею смягчалась острота потери, придавая эпитафіямъ сдержанный и мягкій тонъ. Вѣчно мечтая о смерти, принимая ее, какъ переходную ступень къ высшей формѣ бытія, не тосковали до отчаянія, до безумія и не старались скрыть свою боль подъ напыщенными тирадами.

Приблизительно ко времени Отечественной войны иные мотивы начинаютъ звучать въ эпитафіяхъ. Быстро приходитъ на смѣну мистической чувствительности тотъ красивый героическій эпикурепзмъ, бурный романтизмъ, удальство и жажда подвиговъ, поэтическими выразителями которыхъ были Батюшковъ и юный Пушкинъ. Подражаніе античнымъ героямъ обосновываетъ бытовую философію. Ясное и трезвое отношеніе къ міру, мятежный призывъ къ упоенію жизнью, къ кипучей радости, звучитъ въ поэзіи, наполняетъ эпитафіи инымъ содержаніемъ.

Уже не мечтаютъ о мистическомъ единеніи въ загадочной дали. Утверждаютъ жизнь въ себѣ самой, безтрепетно смотрятъ въ лицо смерти, и нельзя не восхищаться ихъ эпитафіями. Въ нихъ много искренняго, спокойнаго героизма, гордаго отношенія къ смерти. Войны и рыцари,— а въ эпоху великой борьбы съ Наполеономъ всѣ хотѣли быть бойцами,— не плачутъ, не тѣшатъ себя мистическими сказками, съ благороднымъ достоинствомъ, свойственнымъ эпохамъ великой воли, они принимаютъ смерть со всей ея безнадежностью. Теперь обычный мотивъ эпитафій — благодарность умершимъ за взаимныя радости, за все пережитое, за прекрасныя воспоминанія. Недаромъ постоянно повторяется на могилахъ начала XIX-го вѣка красивое четверостишіе Жуковскаго:

«О милыхъ существахъ, которыя сей свѣтъ
Своимъ присутствіемъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: «Ихъ нѣтъ!»
Но съ благодарностію: «Были!»
(Новодѣвичій мон. Могила Бѣгичевыхъ).

Сильныя заключительныя строки эпитафіи І. К. Каменецкаго говорятъ объ умершихъ—

«...И холмъ могильный ихъ безмолвіемъ своимъ
Благодареніе въ сердцахъ рождаетъ къ нимъ».

Но ничего болѣе красиваго и мастерского не создала надгробная поэзія эпохи романтизма, чѣмъ короткая эпитафія на могилѣ поэта Д. В. Веневитинова († 1827 г.)—

«Какъ мало жилъ! Какъ зналъ онъ жизнь!»

Въ концѣ 20-хъ годовъ эпитафіи исчезаютъ. Или надписи совсѣмъ отсутствуютъ на могилѣ, или—это священные тексты.

Въ началѣ вѣка продолжаютъ повторяться скромныя формы памятниковъ предыдущаго десятилѣтія, но вмѣстѣ съ тѣмъ появляются болѣе сложныя и обширныя созданія зрѣлаго классицизма. Они не повторяютъ буквально античныя формы, но, оставаясь античными по духу, по стилю, развиваютъ и варьируютъ ихъ съ большимъ мастерствомъ. Это свободное пользованіе античными мотивами при строгомъ соблюденіи принциповъ классической эстетики характеризуетъ стиль Empire, и памятники этого типа—прекрасные декоративные образцы послѣдняго изъ стилей. Надгробныя сооруженія въ общемъ довольно точно повторяютъ смѣну теченій и школъ въ архитектурѣ русскаго Empir'a. Нѣкоторые изъ памятниковъ

1. **Новодѣвичій монастырь.**
Урна съ неизвѣстной могилы. 1790-е годы.

2. **Донской монастырь.**

такъ красивы въ пропорціяхъ, гармоничны по массамъ, что въ созданіи ихъ, повидимому, участвовала рука архитектора. Богато разработанные обелиски и мавзолеи часто украшаются цѣлыми статуями и группами, и творчество зодчаго и скульптора сливается въ гармоничное и стильное цѣлое.

Надгробный памятникъ становится «храмомъ памяти», роскошнымъ даромъ благодарной души. И чѣмъ привязчивѣе дружба, чѣмъ сильнѣе любовь, тѣмъ больше и прекраснѣе воздвигается памятникъ, и на немъ почти всегда пишется посвященіе — кому и отъ кого: «Другу и благодѣтелю отъ брата» (Памятникъ П. И. Яковлева. Донской монастырь); или даже въ поэтической формѣ:

«Сей мирный памятникъ утраченному другу,
Благотворителю, товарищу, супругу—
Послѣдній скорбный даръ тоскующей жены».
(Памятникъ И. А. Алексѣева. † 1816 г. Донской мон.)

Поставленный памятникъ—вещественное доказательство тѣхъ чувствъ благодарности, о которыхъ говорятъ эпитафіи.

О декоративномъ мастерствѣ развитого Empir'a, о его прекрасной классической выдержанности даетъ представленіе стройный чугунный обелискъ кн. Якова Александр. Голицына († 1821 г.) въ Донскомъ монастырѣ. Великолѣпныя пропорціи двухсаженнаго обелиска дѣлаютъ его легкимъ и въ то же время внушительнымъ, какъ и слѣдовало быть могилѣ воина, бойца 1812-го года.

Въ 30-хъ годахъ появляется нѣсколько красивыхъ мавзолеевъ и усыпальницъ, очень интересныхъ созданій московскаго классицизма. Какъ ни странно звучитъ подобное сочетаніе словъ, но оно вполнѣ законно: дѣйствительно—Московская классическая архитектура со времени М. Казакова составляетъ совершенно самостоятельную, идеально сросшуюся съ потребностями русскаго быта, вѣтвь послѣдняго возрожденія классицизма. Окончательно обособился Московскій Empire, уютный, скромный и интимный, особенно плѣнительный въ небольшихъ особнякахъ и поэтичныхъ усадьбахъ, въ творчествѣ великаго итальянца Доменико Джилярди, автора стараго зданія университета, Государственнаго коннозаводства на Поварской, Опекунскаго Совѣта на Солянкѣ и многихъ другихъ украшеній Москвы. Школа Джилярди, удивительно по-русски трактующая классическія формы, съ особой интимностью и сдержанностью, смягчающей суровое величіе классицизма, совершенно не идущее къ русскому пейзажу и быту, представлена на московскихъ кладбищахъ нѣсколькими мавзолеями-усыпальницами, очень характерными работами кого-то изъ лучшихъ учениковъ Джилярди. Интересна усыпальница въ Симоновомъ монастырѣ, но еще болѣе привлекателенъ гранитный мавзолей Павловыхъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Строгій и грузный силуэтъ оттѣняетъ изысканную вычерченность портика на переднемъ фасадѣ; крайняя простота, почти сухость всего сооруженія, лишеннаго какихъ бы то ни было украшеній и декоративныхъ вольностей, дѣлаетъ его суровымъ, и это идетъ къ настроенію мавзолея и къ угрюмому граниту.

Въ 40-хъ годахъ архитектурныя сооруженія на могилахъ, преимущественно въ видѣ часовенъ, получаютъ широкое распространеніе. Увлеченіе средневѣковой готикой, пришедшее на смѣну классицизму, создаетъ эти часовенки, но готика эта крайне примитивна, не идетъ дальше школьныхъ пріемовъ и художественнаго интереса не представляетъ. Къ тому же эти хрупкія сооруженія съ цвѣтными стеклами и тонкимъ литьемъ украшеній, особенно обильныя въ Донскомъ монастырѣ, сохранились очень плохо и «являютъ видъ печальный»...

Оригинальный готическій памятникъ, поставленный въ серединѣ 30-хъ годовъ, украшаетъ могилу кн. Якова Даніиловича Бибарсова въ Андроникомъ монастырѣ. Классическая урна съ пламенемъ покрыта довольно изящнымъ готическимъ павильономъ, но это вопіющее смѣшеніе стилей не оскорбляетъ глаза, и готикъ съ классицизмомъ сливаются въ довольно гармоничное цѣлое.

Несомнѣнно, что первый толчокъ изобразительной надгробной скульптурѣ въ Москвѣ былъ данъ голицынскими барельефами Гудона. Раньше другихъ появляется и скоро опускается до ремесленнаго шаблона задрапированная въ классическое одѣяніе «плакальщица» около урны. На любомъ Московскомъ кладбищѣ можно встрѣтить десятки, почти сотни этихъ миѳологическихъ фигуръ въ самыхъ разнообразныхъ степеняхъ техническаго совершенства, начиная отъ изящныхъ мраморныхъ изваяній итальянца Паоло Трискорни и кончая какими то пародіями на классическую фигуру. Въ началѣ 80-хъ годовъ XVIII-го вѣка уже появляются эти грустныя фигурки съ наклоненной надъ урной или въ раздумьи опирающейся на руку головой. И какой-то консервативный капризъ заставляетъ москвичей безконечное число разъ почти до нашихъ дней повторять эту плакальщицу и всегда въ одной и той же трактовкѣ.

Самое раннее дошедшее до насъ скульптурное надгробіе на кладбищѣ—обширный памятникъ И. И. Козлова († 1787 г.) въ Донскомъ монастырѣ. Надъ красивой мраморной группой поставленъ на четырехъ колоннахъ павильонъ, характерное созданіе ранняго Екатерининскаго классицизма. Такихъ павильоновъ еще много уцѣлѣло въ паркахъ старыхъ барскихъ усадебъ, гдѣ обыкновенно каждому изъ нихъ давали особое прозваніе: Храмъ Дружбы, Миловидъ, Пріютъ Грацій и т. п. Сложный памятникъ скомпонованъ изъ грустящей женской фигуры въ костюмѣ античной Музы или Граціи, опирающейся на постаментъ съ урной, украшенный миніатюрнымъ медальономъ покойнаго, и геральдическаго льва, соболѣзнующе смотрящаго на музу. По своему замыслу памятникъ представляетъ развитіе и дополненіе обычныхъ плакальщицъ. Декоративное изящество группы, красота мраморнаго силуэта заставляетъ видѣть въ ея авторѣ художника французской школы, не богатаго творческими образами, но умѣлаго и вполнѣ культурнаго. Немного манерная грусть, разлитая въ фигурѣ граціи, въ ея позѣ, даже въ позѣ и выраженіи морды льва, одухотворяетъ памятникъ властнымъ элегическимъ настроеніемъ, совершенно неожиданнымъ въ такомъ мало самостоятельномъ произведеніи. Тѣ элементы классицизма, которые замѣтны въ группѣ, или точнѣе—тотъ клас-

сическій идеалъ, стремленіе къ которому чувствуется въ ея авторѣ, сильно смягченъ французской граціей.

Имя художника, создавшаго памятникъ Козлова—неизвѣстно. Съ нѣкоторой долей увѣренности можно приписать его ранней творческой полосѣ Гавріила Замараева, въ началѣ 80-хъ годовъ вернувшагося изъ Парижа и еще помнящаго завѣты своихъ французскихъ учителей. Самымъ убѣдительнымъ доводомъ за Замараева представляется та интимность, интенсивность настроенія, которая отличаетъ эту группу, и отсутствіе шика и щегольства, которые несомнѣнно прорвались бы въ творчествѣ иностраннаго мастера. Наоборотъ—какая то чисто русская тяжеловатость и серьезность есть въ памятникѣ Козлова. Миніатюрный портретъ очень близокъ къ другимъ надгробнымъ барельефамъ Замараева, – та же добросовѣстная характерность и старательность моделировки. Нѣкоторыя анатомическія погрѣшности, замѣтныя въ фигурѣ Граціи, странно видѣть у художника, прошедшаго строгую академеческую школу, заграничнаго пенсіонера Академіи; но Замараевъ никогда не выказывалъ большой художественной эрудиціи и выдержанности. Намъ неизвѣстны обстоятельства его біографіи, прервавшія его блестяще начатую художественную карьеру и бросившія молодого художника изъ Парижа въ Москву, что при художественной гегемоніи Петербурга равнялось ссылкѣ. Возможно, что посылка его за границу была случайнымъ дѣломъ, и Замараевъ не оправдалъ возлагавшихся на него ожиданій. Кромѣ упоминавшихся выше барельефныхъ медальоновъ Замараева, сильно напоминаютъ стиль его скульптурныхъ портретовъ интересныя изображенія на памятникѣ Анны Александр. Хованской († 1794 г.) въ Новоспасскомъ монастырѣ и поэта М. М. Хераскова († 1807 г.) въ Донскомъ монастырѣ. Овальный медальонъ Хованской сильно попорченъ временемъ,—мраморъ разъѣденъ дождями и морозами, но и теперь еще можно любоваться чистотой линій изящнаго женскаго профиля. Медальонъ Хераскова, несмотря на свой миніатюрный размѣръ, не лишенъ портретнаго сходства.

На Лазаревскомъ кладбищѣ недалеко отъ церкви невольно привлекаетъ вниманіе какое-то безобразное и громоздкое сводчатое сооруженіе: старинный причудливый павильонъ, съ круглыми отверстіями по 4 сторонамъ, теперь сплошь заколоченными досками. Въ щели досокъ можно разглядѣть бѣлѣющую въ полумракѣ отличную гипсовую скульптуру: отца на смертномъ одрѣ и прильнувшихъ къ нему двухъ дочерей. Это памятникъ Мих. Род. Хлѣбникова († 1796 г.) и его дѣтей, скончавшихся одновременно съ отцомъ, очевидно, вслѣдствіе какой-нибудь катастрофы. Имя автора памятника, какъ и въ большинствѣ случаевъ, неизвѣстно; объ этомъ приходится жалѣть, такъ какъ группа мастерски сдѣлана и заставляетъ заинтересоваться создавшимъ ее художникомъ. На трудномъ пути приближенія русской скульптуры къ классическому идеалу памятникъ Хлѣбникова стоитъ ступенью выше мраморнаго надгробія Козлова. Широкія плавныя складки драпировокъ, сдержанность движеній фигуръ и естественная ихъ группировка—говорятъ о довольно удачномъ подражаніи духу античнаго искусства, но художникъ не сумѣлъ избѣжать нѣкоторой старомод-

ной театральности. Для классицизма характерно стремленіе къ ясности, къ устраненію всего лишняго и загромождающаго, способность воплотить образъ и настроеніе въ простой и сжатой формѣ. Отчасти все это удалось неизвѣстному автору памятника Хлѣбниковыхъ: фигура отца проста и правдива, и трогательны нѣжно прильнувшія къ нему дѣтскія фигурки. Художникъ XVIII-го вѣка создалъ бы изъ этого запутанную аллегорію, привлекъ бы нѣсколько миѳологическихъ фигуръ, набросалъ бы цѣлый рядъ неизбѣжныхъ символическихъ аксессуаровъ.

Очень оригиналенъ павильонъ, прикрывающій группу: его причудливая архитектура заинтересовываетъ даже теперь, когда онъ стоитъ ободранный, съ проваленной крышей, обезображенный деревянными щитами..

Характерныя черты группы Хлѣбниковыхъ узнаются въ громадномъ мраморномъ памятникѣ В. А. Небольсина († 1803 г.) въ Донскомъ монастырѣ,—несомнѣнномъ произведеніи того же неизвѣстнаго художника. По странной случайности, памятникъ Небольсина, какъ и Хлѣбниковскій, хорошо защищенъ отъ покушеній его сфотографировать: онъ заключенъ въ сплошную клѣтку частой желѣзной рѣшетки. Очень эффектно и величественно поставлена на высокомъ цоколѣ мраморная группа: бюстъ покойнаго и съ нѣжной скорбью смотрящая на него фигура жены, закутанная въ широкую классическую драпировку. Обработка мрамора довольно небрежная, жесткія складки одѣянія и расплывчатость лицъ убѣждаютъ, что неизвѣстный скульпторъ, искусно моделировавшій въ гипсѣ, не былъ мастеромъ въ рубкѣ мрамора.

Отсутствіе ясно выраженнаго стиля и гармоничной цѣльности въ обоихъ памятникахъ характерно для русскаго искусства 90-хъ годовъ XVIII-го столѣтія: классическій стиль еще не созданъ, барочная торжественность уже заброшена, и въ недолгіе годы этого эстетическаго междуцарствія скульптура приблизилась къ реализму, немного сентиментальному и прикрашенному, и въ этомъ отношеніи характерны надгробія Хлѣбникова и Небольсина.

Мѣсто, гдѣ находится памятникъ Небольсина, великолѣпный уголокъ Донского монастыря. Двумя рядами по бокамъ дорожки идутъ превосходныя скульптурныя надгробія Барышниковыхъ, Яковлева, Львова, Зубовой и другихъ. Какъ разъ противъ Небольсина, за красивой стильной рѣшеткой нѣсколько скульптурныхъ надгробій семейства Барышниковыхъ. Самое раннее—гранитный памятникъ Елизаветы Ив. Барышниковой (1772—1806 г.). На переднемъ фасадѣ его большой чугунный барельефъ, бросающійся въ глаза небывалой для надгробнаго памятника тонкостью исполненія. Выдающееся созданіе русской классической скульптуры—барельефъ Барышниковой заслуживалъ бы почетнаго мѣста въ музеѣ. Поставленъ памятникъ не раньше середины 10-хъ годовъ XIX-го вѣка, и къ этому времени зрѣлаго расцвѣта классицизма слѣдуетъ приноровить и нашъ барельефъ. Московскій скульпторъ 50-хъ годовъ Рамазановъ, оставившій нѣсколько интересныхъ замѣтокъ о московскихъ кладбищахъ и находящихся на нихъ пластическихъ произведеніяхъ, называетъ авторомъ барельефа Барышниковой В. И. Демута-Малиновскаго (1779—1846 г.). Указаніе Ра-

Донской монастырь.
Памятникъ А. П. Кожуховой († 1827 г.).

мазанова, вообще достаточно точнаго въ своихъ сообщеніяхъ, вполнѣ совпадаетъ съ тѣми данными, которыя получаются при детальномъ изученіи барельефа. Среди прочихъ скульпторовъ-классиковъ Демутъ-Малиновскій отличался реалистической силой своихъ фигуръ. Онъ не былъ классикомъ строгаго стиля, потому что его талантъ, любившій сильныя движенія души и все безконечное богатство человѣческихъ переживаній, не вмѣщался въ условныя рамки чиннаго и холоднаго Empir'a.

На барельефѣ большое количество самыхъ разнообразныхъ фигуръ скомпоновано въ сложную, психологически и эстетически, сцену. Кронось—олицетворяющій время—суровый, вѣчный старикъ, съ всесокрушающей косой въ рукахъ, уводитъ мать и жену изъ среды многочисленнаго семейства; ея безвольная, покорившаяся фигура окружена цѣлой гаммой человѣческой скорби и отчаянія, въ лицѣ плачущихъ дѣтей, опечаленнаго мужа и родственниковъ. Обыкновенно классическія скульптуры привлекаютъ только пластической красотой и декоративностью, но въ барельефѣ Демута заинтересовываетъ изображеніе развертывающейся человѣческой трагедіи: въ каждой фигурѣ психологическая сложность и острота переживаній передается сдержанными, но гибкими и выразительными чертами. Стихійная мощь Кроноса, молчаливое сочувствіе посланца судьбы и безтрепетная рѣшимость въ то же время, изступленное отчаяніе однихъ и безпомощная печаль другихъ—чуждыя всякой театральности, въ которую такъ легко было впасть художнику эпохи, привыкшей цѣнить въ скульптурѣ прежде всего формальную красоту.

Творчество Демута владѣетъ великой тайной пластической гармоніи, художественнаго равновѣсія между формой и содержаніемъ. Передавая мельчайшіе извивы человѣческой души, онъ находитъ для нихъ эстетически законченную и при всей своей выразительности—красивую форму, не поступаясь ни психологической правдой, ни реалистической правдивостью.

Рядомъ съ могилой Е. И. Барышниковой высится подъ желѣзнымъ куполомъ грандіозный памятникъ П. И. Яковлева († 1809 г.). Нижняя часть его въ стилѣ античныхъ мавзолеевъ декорирована фронтонами, барельефами, выложенными гранитомъ нишами съ мраморными урнами въ нихъ. Мавзолей былъ богато украшенъ бронзовыми эмблемами и гирляндами, но отъ нихъ остались только слѣды. Какъ образецъ декоративнаго мастерства русскаго Empir'a—памятникъ Яковлева поражаетъ утонченнымъ разнообразіемъ мотивовъ въ предѣлахъ единой, холодной и спокойной, гармоніи. Въ каждой детали и въ каждой линіи барельефа—тонкій эстетическій разсчетъ, умѣло пользующійся и тѣневыми эффектами, и красочнымъ разнообразіемъ матеріала, и мѣткой разбросанностью орнаментаціи по молчаливой глади стѣнъ. На мавзолеѣ поставлена бронзовая статуя съ человѣческимъ сердцемъ въ рукахъ, вылитая безъ академической отдѣланности и строгой законченности, но очень декоративно выдѣляющаяся своимъ темнымъ силуэтомъ. Порывистое движеніе фигуры въ контрастѣ съ чиннымъ благородствомъ мавзолея придаетъ всему памятнику характеръ оживленности и легкости. Тѣснота кладбища и безобразный куполъ па-

вильона, совершенно необходимый при нашихъ климатическихъ условіяхъ, не благопріятствующихъ скульптурнымъ произведеніямъ подъ открытымъ небомъ,—досадно нарушаютъ цѣльность впечатлѣнія; тѣмъ не менѣе—какъ декоративное сооруженіе, а не художественное произведеніе, памятникъ Яковлева—одна изъ достопримѣчательностей московскихъ кладбищъ, и мало можно найти надгробныхъ сооруженій, которыя бы такъ удачно характеризовали творчество своего времени...

Въ отдаленіи отъ главной группы старинныхъ памятниковъ красиво вырѣзается на коричневой стѣнѣ стараго собора бронзовая скульптура на могилѣ «командора» Іоанна Іерусалимскаго—И. А. Алексѣева († 1816 г.). Превосходная женская фигура, съ высокимъ крестомъ въ лѣвой рукѣ, поддерживаетъ правой барельефный медальонъ покойнаго. Тщательная отдѣлка, великолѣпный матеріалъ—черная бронза, переливающая матовымъ блескомъ, законченность многочисленныхъ деталей—придаетъ памятнику нарядный обликъ. Подъ мягкими, какъ бы податливыми складками классическаго одѣянія, свободно и легко лѣпится тѣло, граціозенъ жестъ и абрисъ лѣвой руки, лежащей на крестѣ, благороденъ ритмъ плавныхъ линій контура,—и только немного безжизненное «школьное» лицо этой аллегорической фигуры понижаетъ ея эстетическое совершенство, потому что, какъ мы видѣли на примѣрѣ барельефа Е. И. Барышниковой, скульпторъ-классикъ, не нарушая пластическаго равновѣсія, могъ бы создать и болѣе выразительныя формы.

Овальный медальонъ съ барельефнымъ изображеніемъ покойнаго увѣренной характеристикой и рѣзкой опредѣленностью чертъ кажется созданіемъ кого-нибудь изъ лучшихъ мастеровъ эпохи. Во всякомъ случаѣ, если взять два наиболѣе яркихъ теченія русской классической скульптуры, первое съ преобладаніемъ стиля надъ реализмомъ,—лучшимъ мастеромъ, котораго былъ Мартосъ,—второе, уравновѣшивающее требованія стиля и реализма, наиболѣе типично выразившееся въ творчествѣ Демута-Малиновскаго,—памятникъ Алексѣева созданъ кѣмъ-либо изъ представителей второго теченія. Фанатикъ классицизма нашелъ бы въ немъ цѣлый рядъ нарушеній строгаго стиля. Прежде всего—крестъ: его твердыя, прямыя линіи разбиваютъ общую плавную ритмичность складокъ одежды и контуровъ тѣла; затѣмъ мелкія детали, въ родѣ гирлянды на постаментѣ съ медальономъ были бы отвергнуты ортодоксальнымъ классикомъ, требующимъ отъ каждой формы и линіи тѣсной связанности съ общимъ замысломъ. Женская фигура съ крестомъ—обычная аллегорія вѣры. При сравненіи аллегорій 10-хъ и 20-хъ годовъ съ аллегоріями XVIII-го вѣка мы замѣчаемъ ихъ большую реальность, ощутительность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе условный характеръ. Раньше, для отвлеченныхъ понятій славы, щедрости, милосердія подыскивали соотвѣтствующій пластическій образъ, соединяли аллегорическія фигуры въ затѣйливыя группы, иллюстрирующія проводимую идею, теперь украшаютъ памятникъ декоративной фигурой, а желающіе могутъ называть ее вѣрой, надеждой, щедростью и т. д.

По количеству скульптурныхъ надгробій 20-е годы—плодовитый періодъ. Бронзовыя статуи и барельефы, мраморные и гранитые саркофаги,

Донской монастырь.
Памятникъ С. И. Тутолминой († 1835 г.).

Даниловъ монастырь.
Памятникъ Н. П. Шульгиной († 1828 г.).

часто тоже украшенные барельефами,—немного бездушные, какъ все, что выходило изъ-подъ рѣзца скульпторовъ-классиковъ, много теряютъ въ своей плѣнительной декоративности отъ неблагопріятныхъ условій размѣщенія и отчасти храненія: тѣснота кладбищъ, часто мѣшающая избрать нужную точку зрѣнія, безобразныя рѣшетки, безпорядочное и невыгодное сосѣдство. Въ 20-хъ годахъ въ Москвѣ работаетъ цѣлый рядъ художниковъ, удовлетворявшихъ усиленному спросу на скульптурныя фигуры и барельефы для построекъ и надгробій. Кампіони, Тимофеевъ, позднѣе—Витали, въ общемъ довольно культурные и умѣлые мастера—не ограничиваясь произведеніями собственнаго творчества, часто заимствуютъ работы Мартоса, итальянца Кановы и другихъ лауреатовъ классической скульптуры, видоизмѣняютъ и приспособляютъ, сильно затрудняя этимъ изученіе ихъ художественной индивидуальности.

Благодаря господству такого ремесленнаго отношенія къ искусству, надгробная скульптура въ Москвѣ въ 20-хъ годахъ несомнѣнно клонится къ упадку. Кладбища загромождаются посредственными произведеніями, къ услугамъ заказчика готовы дешевыя эклектическія надгробія, и работы истинныхъ художниковъ почти не встрѣчаются. Но и эти посредственныя произведенія, все же созданныя въ эпоху высокой эстетической культуры, никогда не опускаются до банальности, до шаблона, и всегда красивы. Вполнѣ заурядным созданіемъ своего вѣка является гранитный саркофагъ съ мраморнымъ барельефомъ, на могилѣ Кологривовыхъ, въ Даниловомъ монастырѣ; но если снять совершенно затемняющую его частую рѣшетку, отодвинуть голую кирпичную стѣну, то декоративная значительность его станетъ очевидна.

Пренебрежительное отношеніе къ ремесленникамъ Empir'ной скульптуры было бы большой несправедливостью, потому что самое поэтичное старинное надгробіе московскихъ кладбищъ—памятникъ Анны Петровны Кожуховой († 1827 г.), властно чарующее своей могучей выразительностью, создано вполнѣ ремесленнымъ путемъ—заимствованія фигуры Мартоса и приспособленія ея къ новому назначенію...

Если, пройдя старый соборъ Донского монастыря, продолжать итти къ воротамъ новаго кладбища и, не доходя до памятниковъ Барышниковыхъ, свернуть налѣво,—дорожка пойдетъ по самой запущенной глухой части кладбища, усѣянной разваливающимися сѣрыми обелисками и жертвенниками. Тутъ, среди густыхъ березъ, значительно возвышаясь надъ окружающими могилами, непремѣнно привлечетъ вниманіе громадная, больше человѣческаго роста, бронзовая фигура крылатаго генія. Стоя на колѣняхъ, онъ обхватилъ руками овальную урну, въ глубокой печали опустилъ на нее свою голову и замеръ, разливая кругомъ настроеніе тихой, смягченной грусти. Золотисто зеленая патина раскрасила бронзу въ блеклые, декадентски смутные тона,—съ острой отчетливостью выдѣляющіе скульптуру на сѣромъ фонѣ березокъ и ветхихъ монастырскихъ стѣнъ, говорящіе о смерти, о печали, о покоѣ. Высокій пьедесталъ во всемъ, вплоть до шрифта надписей и эпитафіи, выдержанъ въ строгомъ Empir'ѣ, холодномъ и спокойномъ,—какъ строки красивой эпитафіи:

Мнѣ не дали омыть твой милый прахъ слезами;
Внезапно безъ меня ты въ вѣчность преселилась!
Страдать—вотъ мой удѣлъ, завѣщанный судьбами,
Но не надолго ты со мною разлучилась!

Поза и фигура генія не оригинальны: такія колѣнопреклоненныя фигуры, очерченныя плавной округлой линіей спины, часто повторяются скульпторами-классиками. Дважды изобразилъ ее Мартосъ,—на памятникѣ императору Павлу въ имѣніи Аракчеева—Грузинѣ, и на переднемъ барельефѣ московскаго памятника Минину и Пожарскому, изображающемъ нижегородскихъ гражданъ, жертвующихъ свои сокровища на спасеніе отечества. Авторъ памятника Кожуховой прибавилъ только урну и крылья и сумѣлъ придать изваянію ту нѣжную поэтичность и тонкую выразительность, которая дѣлаетъ его такимъ волнующимъ и одухотвореннымъ. И за это обаяніе, рѣдкое въ классическихъ скульптурахъ, можно простить ему всѣ техническіе недочеты и анатомическія вольности...

Художественно историческій интересъ этого памятника заключается въ наглядно доказанной имъ гибкости классическаго стиля: художникъ ни одной линіей не нарушилъ требованій «чистаго вкуса» и не поступился выразительностью,—рѣшивъ сложнѣйшую эстетическую задачу гармоніи формы и содержанія не менѣе удачно, чѣмъ Демутъ-Малиновскій въ барельефѣ памятника Е. И. Барышниковой.

Нѣсколько иной типъ колѣнопреклоненной фигуры, болѣе приближающійся къ реализму, сильно напоминающій манеру Демута-Малиновскаго, помѣщенъ на могилѣ Н. П. Шульгиной († 1828 г.) въ Даниловомъ монастырѣ. Такая же точно фигура повторена на памятникѣ И. И. Барышникова въ Донскомъ. Отлично исполненная, очень тщательно моделированная женская фигура съ крестомъ и раскрытой книгой послѣ надгробія Кожуховой кажется поверхностной и безсодержательной.

Большая часть заслуживающихъ вниманія скульптурныхъ надгробій 20-хъ и 30-хъ годовъ принадлежитъ скульптору Ивану Петровичу Витали (1794—1855 г.) Его безчисленныя декоративныя работы въ Москвѣ очень неровны по своимъ достоинствамъ: иногда Витали достигаетъ мастерства и силы Мартоса, иногда же кажется безпомощнымъ и малокультурнымъ ремесленникомъ. Эти «срывы» вполнѣ понятны при той спѣшности въ работѣ, которая была неизбѣжна у заваленнаго заказами моднаго художника, и при отсутствіи выдержанности и самокритики, которую воспитываетъ школа, у самоучки Витали «Славянскія войны» на Тріумфальной аркѣ у Тверской заставы, аллегорическія группы—Милосердіе и Кредитъ на воротахъ Воспитательнаго дома (Кредитъ—потому что въ первой половинѣ XIX-го столѣтія при Воспитательномъ домѣ помѣщался ломбардъ) и барельефъ на фасадѣ Опекунскаго Совѣта на Солянкѣ—лучшія произведенія Витали. Онъ прибылъ въ Москву въ 1818 году и пробылъ до 1841-го года, и всѣ 24 года прошли въ интенсивной работѣ. Позднѣйшія произведенія гораздо совершеннѣе раннихъ: талантъ Витали проявился очень рано, но долго не могъ пріобрѣсти самоучка-скульпторъ достаточнаго мастерства и власти надъ матеріаломъ. Природная одарен-

ность и отсутствіе выучки, замѣтныя во всѣхъ произведеніяхъ Витали, дѣлаютъ опредѣленными и постоянными недостатки и достоинства его творчества: красивая, изобрѣтательная композиція, превосходный силуэтъ и мастерское распредѣленіе массъ такъ же постоянны, какъ и анатомическія неточности, вялости и дряблость формъ, бѣдность творческихъ пріемовъ. Витали чуждъ строгаго классицизма,—характеръ его работъ—нѣкоторая наивность, добродушная сентиментальность, особенно въ надгробныхъ барельефахъ. На московскихъ кладбищахъ съ безусловной достовѣрностью можно опредѣлить 6 крупныхъ произведеній Витали. Изъ нихъ: въ Донскомъ монастырѣ — мраморный барельефъ И. И. Барышникова, бронзовый — на памятникѣ А. И. Маслова и мраморный саркофагъ И. В. Тутолмина; въ Андроникомъ — мраморная гробница А. М. Булгари и высѣченная изъ камня аллегорическая группа «Вѣра и Надежда» на могилѣ кн. Л. Ю. Трубецкой. Та же группа, но вылитая изъ бронзы, находится въ Новоспасскомъ монастырѣ на могилѣ П. А. Бекетова. И наконецъ — лучшее украшеніе Лазаревскаго кладбища — каменная группа Н. П. Новосильцевой...

Бронзовый барельефъ на памятникѣ А. И. Маслова, находящемся недалеко отъ могилы А. П. Кожуховой,—одна изъ многочисленныхъ трактовокъ генія съ потухающимъ факеломъ, знакомаго Москвѣ со временъ Гудона. Обиліе мелкихъ деталей и добросовѣстная вычерченность волосъ, крыльевъ, листьевъ плюща, очень изящная по своей ювелирной тонкости,—нарушаетъ классическую стильность, съ которой Витали вообще мало считался, хотя и не имѣлъ смѣлости совершенно отказаться отъ ея стѣснительнаго канона. Мраморный памятникъ И. И. Барышникова — гораздо менѣе удачное произведеніе Витали, плохо справлявшагося съ обработкой мрамора. Сентиментальная сцена барельефа, полная слезливой театральности, любопытна только какъ первая, по словамъ біографа Витали—скульптора Рамазанова, его попытка въ мраморѣ. Насколько можно понять ея содержаніе—отецъ семейства уходитъ отъ рыдающихъ дѣтей на небо, гдѣ его ждетъ въ облакахъ поддерживаемая двумя ангелами супруга. При всѣхъ своихъ недостаткахъ барельефъ Барышникова даетъ возможность сдѣлать выводъ о большой устойчивости творчества Витали: сознавая свою безпомощность, онъ все же не старался подражать академическимъ свѣтиламъ, и упорно шелъ своимъ путемъ; поэтому раннія его работы совершенно игнорируютъ классическую эстетику, и только въ 30-хъ годахъ, когда увлеченіе классицизмомъ почти прошло, Витали приходитъ къ какому-то своеобразному стилю, отчасти принимающему декоративные принципы Empir'a. Въ концѣ 30-хъ годовъ Витали дѣлаетъ роскошный, весь усѣянный барельефными изображеніями, саркофагъ И. В. Тутолмина и его супруги, урожденной гр. Паниной. Розетки и наугольники верхней части саркофага приближаются къ Empir'нымъ формамъ, но купидоны на боковыхъ стѣнкахъ и молящійся ангелъ наверху такъ же манерны, какъ и фигуры памятника Барышникова. Въ Андроникомъ монастырѣ на могилѣ гр. Анны Марковны Булгари (1841 г.) мы видимъ второй мраморный саркофагъ Витали, его послѣднее произведеніе въ Москвѣ. Вы-

держанная орнаментика саркофага, отчасти напоминающая таковую же на памятникѣ Тутолминыхъ,—вполнѣ стильное созданіе Empir'a. Такъ же классиченъ и прекрасный барельефъ, превосходнаго рисунка, немного искусственно задуманный: вытянутая во всю длину лѣвая рука умирающаго генія, дающая двѣ великолѣпныя ритмичныя линіи, совершенно не обоснована. Подобную логическую вольность въ угоду декоративности можно было часто встрѣтить у классиковъ, но у Витали это является совершенной неожиданностью.

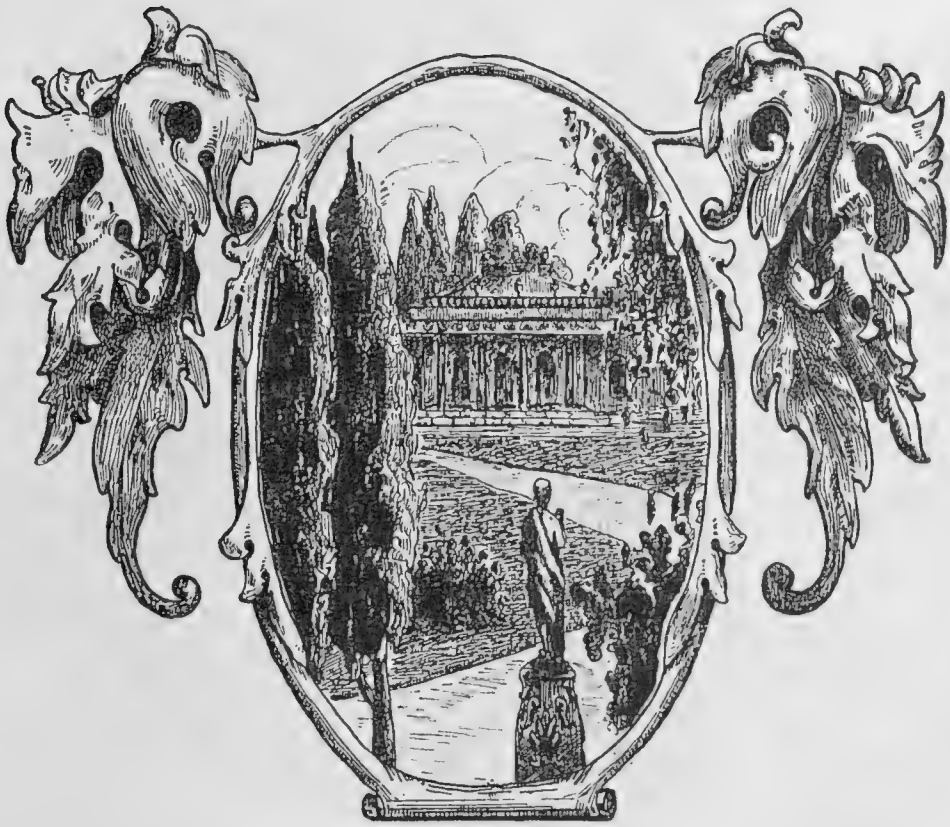
Аллегорическая группа на могилѣ П. А. Бекетова очень отчетливо вскрываетъ всѣ характерныя черты творчества Витали. Надо думать, что Витали гордился этимъ произведеніемъ, потому съ горделивой обстоятельностью подписалъ: «Компонировалъ, изваялъ и изъ бронзы произвелъ Иванъ Витали». Памятникъ Бекетова поставленъ въ 1835 году, но совершенно такая же группа для могилы Трубецкихъ въ Андронниковомъ монастырѣ высѣчена Витали и датирована на подписи 1833 годомъ. Компоновкой Витали въ правѣ гордиться: красиво размѣщены фигуры, и на рѣдкость удаченъ гармоничный и сочный силуэтъ. Безъ всякой изысканности и театральности Витали нашелъ счастливый жестъ поднятой къ небу правой руки, своими плавными линіями облегчающій слегка грузныя массы нижней части скульптуры. Эффектная группа изваяна очень небрежно и вяло,—формы тѣла намѣчены какъ-то приблизительно, а задняя сторона фигуръ совершенно не обработана. Бекетовскій памятникъ съ его барельефнымъ характеромъ убѣждаетъ, что Витали—большой мастеръ рисунка и силуэта въ барельефѣ—очень слабо чувствовалъ форму, и не является случайностью, что его лучшія работы—декоративные барельефы и саркофаги.

Недалеко отъ угрюмаго павильона Хлѣбниковыхъ, около церкви Лазаревскаго кладбища поставлена въ бѣлой нишѣ каменная группа Н. П. Новосильцевой (1789 — 1830 г.). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ кто-то отбилъ благословляющую руку фигуры съ крестомъ и совершенно обезобразилъ группу. Авторство Витали подтверждается ярко выраженными обычными чертами его творчества: красотой силуэта, слегка напоминающаго его же группы на воротахъ Воспитательнаго дома, сентиментальными фигурками плачущихъ дѣтей, жесткостью моделировки.

Въ 40-хъ годахъ почти не встрѣчаются скульптурныя надгробія. Одинокій памятникъ Д. М. Львова († 1842 г.) въ Донскомъ монастырѣ съ чугуннымъ бюстомъ, сильно пострадавшимъ отъ времени,—послѣдній отзвукъ былого, запоздалое произведеніе выродившагося классицизма.

Кончилась красивая идиллія дворянскаго быта. Пришли новые люди, слишкомъ занятые соціальными и философскими теоріями, чтобы заботиться о красотѣ жизни. И кладбища принимаютъ дѣловой и утилитарный характеръ: только тщеславная роскошь создаетъ свои безвкусные памятники, по существу такіе же холодные и безцвѣтные, какъ и окружающіе деревянные кресты и каменныя плиты. Но, словно призраки умолкнувшей сказки, въ тишинѣ старыхъ кладбищъ вырисовываются мраморные, бронзовые памятники прошлаго, и остро чувствуется ихъ гармоничная красота среди безформенной современности.

Юрій Шамуринъ.



ОГЛАВЛЕНІЕ ВОСЬМОГО ВЫПУСКА.

Стр.

М. А. Голубцова. Московская школа Екатерининской эпохи. 3

С. А. КнязьковЪ. БытЪ дворянской МосквЫ конца XVIII и начала XIX вѢковЪ 21

И. Е. Бондаренко. Архитектура МосквЫ XVIII и начала XIX в.в. 65

Ю. ШамуринЪ. Московскія кладбища 89

СПИСОКЪ ТРАВЮРЪ ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ВОСЬМОМЪ ВЫПУСКѢ.

1. Зданіе Екатерининскаго института въ Москвѣ.
2. Моды XIX вѣка.
3. » »
4. Портретъ Державиной. Съ картины Боровиковскаго.
5. Болѣзнь Фидельки. Съ рисунка П. А. Ѳедотова.
6. Паркъ въ имѣніи Юсуповыхъ, въ селѣ Архангельскомъ.
7. Залъ въ подмосковной кн. Голицына «Дубровицы».
8. Круглая комната и залъ въ подмосковной кн. Шаховского «Бѣлая Колпь».
9. Паркъ въ имѣніи кн. Юсуповыхъ въ селѣ Архангельскомъ.
10. Домъ въ паркѣ А. Г. Найденовой въ Москвѣ.
11. Домъ Станицкаго на Пречистенкѣ.
12. Домъ Талызиныхъ въ Денежниковѣ.
13. Яузская больница. Балконъ.
14. Домъ Московскаго Удѣльнаго Вѣдомства.
15. Барскій домъ на Новинскомъ бульварѣ кн. Гагарина.
16. Барскій домъ на Поварской улицѣ гр. Соллогуба.
17. Подмосковная кн. Трубецкого «Ахтырка».
18. Въѣздъ въ имѣніе кн. С. М. Голицына «Кузьминки».
19. Церковь Голицынской больницы. Памятникъ кн. Д. М. Голицыну. Работа Ѳ. Гордѣева. 1801 г.
20. Донской монастырь. Барельефъ на памятникѣ И. И. Барышникова. († 1834). Работа И. П. Витали.
21. Донской монастырь. Памятникъ И. И. Козлова († 1787).
22. Андронниковъ монастырь. Памятникъ гр. А. М. Булгари († 1841). Работа И. П. Витали.
23. Андронниковъ монастырь. Памятникъ И. Д. и Л. Ю. Трубецкихъ. Работа И. Витали. 1833 г.
24. Донской монастырь. Памятникъ И. А. Алексѣева († 1816).
25. Донской монастырь. Памятникъ Л. Д. Давыдова († 1801).
26. Андронниковъ монастырь. Памятникъ Я. Д. Бибарсова.
27. Донской монастырь. Памятникъ А. И. Маслова († 1814).
28. Андронниковъ монастырь. Памятникъ В. Я. Жигирева († 1802).
29. Донской монастырь. Памятники П. И. Фонвизина и его супруги 1803 г.
30. Донской монастырь. Памятникъ кн. П. Н. Щербатова († 1780).
31. Новодѣвичій монастырь. Урна съ неизвѣстной могилы. 1790-е годы.
32. Донской монастырь. Барельефъ на памятникѣ Е. И. Барышниковой († 1806). Работа В. И. Демутъ-Малиновскаго.
33. Донской монастырь. Памятникъ А. П. Кожуховой († 1827). Видъ справа.
34. Донской монастырь. Памятникъ А. П. Кожуховой († 1827). Видъ слѣва.
35. Донской монастырь. Памятникъ С. П. Тутолминой († 1835).
36. Даниловъ монастырь. Памятникъ Н. П. Шульгиной († 1828).

Негативы сдѣланы собственной фотографіей Т-ва "ОБРАЗОВАНІЕ,,

Воспроизведеніе ВОСПРЕЩАЕТСЯ и будетъ преслѣдоваться.

Клише изготовлены и печатаны художественной мастерской фототинто Т-ва "ОБРАЗОВАНІЕ,, въ Москвѣ.

№ 8.